Русскій Архивъ будетъ выходить въ 1876 году на прежнихъ основаніяхъ.

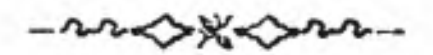
РУССКІЙ АРХИВЪ

1875. 11.

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.
1875.

Въ Конторѣ Русскаго Архива, въ Москвѣ на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Дюгамеля, можно получать соединенныя въ отдѣльныя книги годовыя изданія Русскаго Архива.

1871 ГОДЪ. *Книга первая* (Записки Г. И. Ржевской.—Знакомство съ Шишковымъ, изъ Записокъ Д. Н. Свербеева. — Правда о Сусанинѣ. — Бумаги князя А. А. Черкасскаго. — Записки Арндта о 1812 годѣ.—П. Н. Свистуновъ, по поводу Записокъ Якушкина. — Записки И. И. Неплюева. — Переписка императора Александра Павловича съ княземъ Адамомъ Чарторыжскимъ.—Письма Гоголя къ Жуковскому.—Письма Жозефа де Местра о Россіи.—Записки Н. И. Греча, и пр.). Цѣна **4** рубля.

1871 ГОДЪ. *Книга вторая.* (Письма Екатерины II-й къ графу И. Г. Чернышеву и А. Н. Сенявину.—Послѣдніе четыре года въ жизни Суворова.—Біографія Сумарокова.—Воспоминанія А. О. Смирновой.—Н. И. Тургеневъ, воспоминаніе Д. Н. Свербеева.—Переписка гр. С. С. Уварова съ М. П. Погодинымъ.—Еще тѣнь Петра III-го.—Сказанія о родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей и пр.) Цѣна **3** рубля.

1872 ГОДЪ. *Книга первая.* (Воспоминанія Ѳ. П. Лубяновскаго.—Письма Екатерины II-й къ Московскимъ главнокомандующимъ.—Записка графа Нессельроде о Русской политикѣ послѣ Парижскаго мира.—Мининъ и Пожарскій, статьи И. Е. Забѣлина.—Воспоминанія А. Н. Аѳанасьева.—Картина Франціи 1823 года, сочиненіе графа Ѳ. В. Ростопчина.—Записки Вебера о Петрѣ Великомъ и пр.). Цѣна **4** рубля.

1872 ГОДЪ. *Книга вторая* (Воспоминанія графини А. Д. Блудовой.—Записки Вебера о Петрѣ Великомъ.—Біографія Е. А. Энгельгардта. — Письма Грибоѣдова къ Родофиникину.—Письма Поздѣева —Письма графа С. Р. Воронцова къ графу Ѳ. В. Ростопчину.—Выдержки изъ старой записной книжки. — Письма М. А. Волковой къ В. И. Ланской, 1812 года.—Общій указатель Русскаго Архива за десять лѣтъ и пр.). Цѣна **3** рубля.

1873 ГОДЪ. *Книга первая* (Восточная Пруссія надъ Русскимъ владѣніемъ. — Біографія князя Г. Г. Орлова.—Письма о Франціи, князя Куракина, 1810 года.—Загробное опроверженіе.—Письма Жуковскаго о воспитаніи Государя Императора Александра Николаевича.—Письмо жениха-Пушкина къ его тещѣ.—Политическія записки Ѳ. И. Тютчева. — Записки графа П. Х. Граббе. — Записки Н. И. Греча. — Записки графа I. И. Ростовцева. — Записки И. П. Сахарова. — Записки И. А. Шестакова. — Мицкевичь о Пушкинѣ. — Анти-ципринусъ, и пр.). Цѣна **4** рубля.

1873 ГОДЪ. *Книга вторая* (Печать Антихриста.—Записки Фокерода о Петрѣ Великомъ—Письма императрицы Анны.—Бумаги П. А. Демидова.—Е. И. Нелидова. —Донесенія изъ Франціи графа А. И. Маркова. — Записки о 1812 годѣ, П. А. Тучкова. — Записки Фотія. — Записки А. Я. Стороженки. — Воспоминанія графини А. Д. Блудовой.—Россія и Германія, статья Ѳ. И. Тютчева.—Замѣчанія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича на сочиненіе г-на Берга о Польскихъ заговорахъ.—Письма Вука Караджича о Вѣнской революціи 1848 года.—Жизнь Г. С. Карелина. — Выдержки изъ старой записной книжки. — Пренія о Славянофилахъ Э. А. Мамонова и И. С. Аксакова, и пр.). Цѣна **4** рубля.

ПЕРЕСЫЛКА КАЖДОЙ КНИГИ ЗА ТРИ ФУНТА, СМОТРЯ ПО РАЗСТОЯНІЯМЪ. ВЫПИСЫВАЮЩІЕ НЕ МЕНѢЕ ДВУХЪ КНИГЪ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НИЧЕГО НЕ ПРИЛАГАЮТЪ.

МОСКВА ВЪ 1812 ГОДУ *).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

1-го Сентября изъ деревни Мамонова выступили послѣднія войска нашей арміи къ Москвѣ, чтобы занять мѣсто, избранное Бенигсеномъ для предполагавшагося сраженія, на пространствѣ отъ деревни Филей и до Воробьевыхъ горъ. Предупредивъ ихъ, князь Кутузовъ прибылъ на Поклонную Гору и сидѣлъ, окруженный штабомъ, по обыкновенію на скамеечкѣ, которую постоянно за нимъ возилъ вѣстовой казакъ. Наканунѣ Бенигсенъ подробно осматривалъ мѣстоположеніе, вмѣстѣ съ полковниками Толемъ и Мишо. Къ нимъ присоединился и только что прибывшій въ нашу главную квартиру полковникъ Кроссаръ. „Мѣстоположеніе было неудобно для сраженія во всѣхъ отношеніяхъ, говоритъ онъ. Между тѣмъ Бенигсенъ выражалъ намѣреніе дать здѣсь сраженіе. Когда ему предъявляли удивленіе, какъ можно рѣшиться на сраженіе на такой неудобной мѣстности, онъ началъ креститься, какъ крестятся Русскіе, увѣряя, что еще три раза будетъ драться передъ Москвою. Эти крестныя знаменія со стороны протестанта меня столь же удивляли, какъ и рѣшимость сражаться на такой позиціи. Однакоже Бенигсенъ не могъ опредѣлить въ точности размѣщеніе войскъ. Какъ бы ни расположить ихъ, постоянно встрѣчались большія затрудненія. Разсуждали, ни въ чемъ не соглашаясь, теряли время; а между тѣмъ войска были близко. Толь, который обязанъ былъ указать мѣста для войскъ, постоянно требовалъ, чтобы Бенигсенъ выразилъ свое рѣшеніе. „Войска уже близко, повторялъ онъ безпрестанно: надо на что нибудь рѣшиться, генералъ“. Наконецъ Бенигсенъ выразилъ свое мнѣніе; Толь началъ разставлять войска, и мы возвратились въ главную квартиру. Всѣ эти дѣйствія поражали меня странностію до такой степени, что во время обозрѣнія мѣстоположенія я хранилъ молчаніе“. Все это происходило 31 Августа.

На другой день, когда князь Кутузовъ остановился на Поклонной Горѣ, и его окружила его свита, А. П. Ермоловъ спросилъ Кроссара, что думаетъ онъ объ избранной позиціи. „Эта позиція чрезвычайно опасна“, отвѣчалъ Кроссаръ. Въ слѣдъ за тѣмъ, тотъ же вопросъ князь Кутузовъ предложилъ самому Ермолову. „По одному взгляду, отвѣчалъ онъ, невозможно судить положительно о мѣстѣ, назначаемомъ для 60 или болѣе тысячь человѣкъ; но весьма замѣтные въ немъ недостатки допускаютъ мысль о невозможности на немъ удержаться. Кутузовъ взялъ меня за руку (говоритъ Ермоловъ), пощупалъ пульсъ и сказалъ: здоровъ ли ты? Подоб-

---

*) См. выше и также вторую книгу Р. Архива сего года.

ный вопросъ оправдываетъ съ нѣкоторою живостью сдѣланное возраженіе. Я сказалъ, что драться на немъ онъ не будетъ, или будетъ разбитъ непремѣнно". Чтобы подкрѣпить свое мнѣніе о позиціи, которой онъ не осматривалъ подробно, но которой недостатки, можетъ быть, и съ перваго взгляду бросались въ глаза опытному боевому человѣку, Ермоловъ указалъ князю на полковника Кроссара. „Вотъ опытный офицеръ, ваша свѣтлость, говорилъ онъ ему; онъ дѣлалъ съ вами Австрійскую кампанію; онъ находитъ позицію также неудобною". Князь Кутузовъ зналъ полковника Кроссара и отдавалъ справедливость его способностямъ. Онъ участвовалъ въ составленіи плана отступленія Русскихъ войскъ отъ Кремса до Гогенварта. Немедленно по заявленіи Ермолова, Кутузовъ подозвалъ Кроссара къ себѣ и выслушалъ его подробныя объясненія о неудобствахъ избранной позиціи, удобнѣе которой, говорилъ онъ, „невозможно выбрать для того, чтобы погубить армію". Такое рѣзкое замѣчаніе вызвало удивленіе со стороны главнокомандующаго. Кроссаръ, увлекаясь болѣе и болѣе, спросилъ: „но имѣете-ли вы намѣреніе дать сраженіе?" На такой нескромный вопросъ, вызывавшій къ неумѣстной въ этомъ случаѣ откровенности главнокомандующаго войсками, князь Кутузовъ съ живостью замѣтилъ: „Какъ?.... Хочу-ли я дать сраженіе?" Почувствовавъ неловкость своего положенія, Кроссаръ спѣшилъ продолжать свою рѣчь: „Въ такомъ случаѣ, говорилъ онъ, вмѣсто того, чтобы ставить войска поперекъ дороги, удобнѣе размѣстить ихъ паралельно съ нею, если только эта гора (на которую онъ указалъ) будетъ удобна". Послѣ этихъ словъ кн. Кутузовъ поручилъ ему вмѣстѣ съ Ермоловымъ и кн. Кудашевымъ осмотрѣть какъ ту позицію, которую занимали войска, такъ и ту, которую онъ предполагалъ [1]).

Въ это время пріѣхалъ туда и гр. Ростопчинъ. „Въ 6 часовъ утра, говоритъ онъ, я выѣхалъ изъ Москвы, чтобы повидаться съ кн. Кутузовымъ и переговорить съ нимъ. Мнѣ необходимо было знать, какъ этотъ человѣкъ (comme cet homme) намѣревается дѣйствовать: потому что, въ своихъ письмахъ, онъ говорилъ мнѣ только о Бенигсенѣ, который разъѣзжаетъ по окрестностямъ, чтобы избрать удобную мѣстность, на которой можно бы дать большое сраженіе. По двумъ улицамъ, почти на протяженіи двухъ верстъ, я проѣзжалъ между двухъ рядовъ подводъ, нагруженныхъ ранеными, и между толпами также раненыхъ, которые шли пѣшкомъ въ главный госпиталь. Въ этотъ день особенно много прибыло въ Москву раненыхъ: по донесенію коменданта число ихъ простиралось до 26 тыс. Наша армія приблизилась къ Поклонной Горѣ и остановилась въ нѣсколькихъ верстахъ отъ заставы по Смоленской дорогѣ. Съ разу я замѣтилъ большое неустройство. Я нашелъ кн. Кутузова сидящимъ передъ огнемъ. Къ нему безпрерывно подъѣзжали со всѣхъ сторонъ генералы, офицеры главнаго штаба, адъютанты, испрашивая приказаній. Онъ отсылалъ ихъ то къ генералу Барклаю, то къ Бенигсену, а иногда и къ Толю, квартирмейстеру, своему любимцу, достойному своего покровителя. Онъ принялъ меня чрезвычайно учтиво, отвелъ въ сторону, и мы бесѣдовали на единѣ по крайней мѣрѣ полчаса. Это былъ мой первый разговоръ съ этимъ человѣкомъ. Онъ очень любопытенъ. Низости, неувѣренность и страхъ выражались въ словахъ главнокомандующаго нашими арміями, который долженствовалъ быть спасителемъ Отечества, но который никогда ничего не дѣлалъ и, не смотря на то, былъ почтенъ

---

[1]) Б. Кроссара, Mémoires milit. et histor. т. IV, гл. XLIV, стр. 361—336; Записки Ермолова т. I, стр. 208.

этимъ громкимъ титуломъ. Онъ объявилъ мнѣ, что рѣшился дать сраженіе Наполеону на этомъ самомъ мѣстѣ. Когда я замѣтилъ ему, что за позиціею мѣстность довольно круто спускается до самого города и если непріятель подвинетъ нашу линію, то армія наша войдетъ въ улицы вмѣстѣ съ непріятелемъ и можетъ быть вся погублена, онъ продолжалъ увѣрять меня, что его не принудятъ оставить эту позицію; но если бы по какому либо случаю ему пришлось отступить, то онъ двинулся бы на Тверь. На мое замѣчаніе, что онъ не нашелъ бы тамъ достаточнаго продовольствія для войскъ, что его можно найти только въ Бѣломъ (пристань, откуда хлѣбъ идетъ въ Петербургъ), отстоящемъ отъ Москвы на 300 верстъ, у него вырвалось выраженіе: „но прежде всего нужно подумать о Сѣверѣ и закрыть его". Онъ имѣлъ въ виду резиденцію императора и не обращалъ вниманія на два обстоятельства: если бы корпусъ Витгенштейна былъ разбитъ, то Сенъ-Сиръ былъ бы въ Петербургѣ гораздо прежде его, а Наполеонъ, занявъ Москву, не могъ предпринимать походъ на Сѣверъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ: походъ продолжался бы шесть недѣль, необходимыхъ, чтобы занять Петербургъ въ концѣ Октября. Слѣдуя по дорогѣ въ Тверь, Кутузовъ оставилъ бы за собою всѣ свои подкрѣпленія и отдалъ бы въ руки непріятелю всю страну до Чернаго моря. Я его спросилъ, не предполагаетъ-ли онъ отступить на Калужскую дорогу, куда направлены всѣ обозы съ продовольствіемъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ уклончиво. Причина заключалась въ томъ, что корпусъ Понятовскаго, послѣ сраженія при Бородинѣ, былъ двинутъ въ этомъ направленіи, и онъ избѣгалъ встрѣчи съ нимъ. Онъ началъ распространяться о сраженіи, которое намѣренъ дать, просилъ меня, чтобы завтра я пріѣхалъ въ армію вмѣстѣ съ архіепископомъ и двумя чудотворными иконами Божіей Матери, которыя онъ хотѣлъ пронести по всей линіи войскъ съ духовенствомъ во главѣ, пѣть молебны и кропить святою водою воиновъ. Онъ просилъ меня прислать ему нѣсколько дюжинъ бутылокъ вина и предупредилъ, что завтра ничего не будетъ, „потому что (прибавилъ онъ) я знаю способъ дѣйствій Наполеона: онъ остановится сегодня вечеромъ, дастъ войскамъ день отдыха, послѣ завтра сдѣлаетъ рекогносцировку и черезъ день нападетъ на меня". Мы возвратились къ огню, около котораго собрались генералы и спорили между собою. Дохтуровъ, который долженъ былъ командовать лѣвымъ крыломъ, пріѣхалъ извѣстить, что не было возможности провезти артилерію по причинѣ крутыхъ береговъ рѣки и высокой горы".

О разговорѣ съ глазу на глазъ только и могутъ быть показанія самихъ двухъ собесѣдниковъ; но намъ осталось показаніе одного графа Ростопчина. Повѣрить его разсказъ нечѣмъ; но почему же ему не вѣрить? Устранивъ даже то непріязненное чувство къ кн. Кутузову, которымъ пропитанъ этотъ разсказъ, какъ и всѣ Записки графа Ростопчина о 1812 г. и обращая вниманіе только на сущность разговора, нельзя не придти къ тому заключенію, что князь Кутузовъ или насмѣхался надъ своимъ собесѣдникомъ, желая его уколоть, или считалъ его человѣкомъ, не имѣющимъ никакого понятія о военномъ дѣлѣ. Онъ выразилъ ему опредѣленно только два предположенія: о намѣреніи дать сраженіе и объ отступленіи на Сѣверъ къ Твери. Вопросъ же о движеніи на Калужскую дорогу оставленъ имъ безъ прямаго отвѣта. Послѣднее весьма понятно: кн. Кутузовъ никогда и никому не сообщалъ предположеній о своихъ будущихъ дѣйствіяхъ; а это дѣйствіе при томъ принадлежало къ числу такихъ, которое необходимо было скрыть. Это можетъ отчасти объяснить, почему онъ указалъ на отступленіе къ Твери.

Но дѣйствительно-ли въ это утро князь Кутузовъ еще намѣренъ былъ дать большое сраженіе подъ Москвою и отказался отъ этой мысли только вечеромъ, послѣ того, какъ большинство членовъ военнаго совѣта въ Филяхъ высказалось противъ? Прежде нежели будемъ отвѣчать на этотъ вопросъ, мы считаемъ нужнымъ предложить по существу тотъ-же вопросъ, но въ иномъ видѣ, а именно: при назначеніи его главнокомандующимъ всѣми Русскими арміями, имѣлъ ли князь Кутузовъ въ виду защитить Москву отъ непріятеля и не впустить его туда? Едва-ли можетъ быть и сомнѣніе въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ: защита Москвы составляла существенную его цѣль. „Я вспоминаю, говоритъ одинъ изъ приближенныхъ къ Барклаю-де-Толли его адъютантовъ въ 1812 г., какъ въ Дорогобужѣ зашла рѣчь о томъ, что непріятель можетъ проникнуть въ Москву, и Барклай отвѣчалъ на это: „Когда рѣчь идетъ о спасеніи Россіи, а можетъ быть и всей Европы, Москва въ моихъ глазахъ тоже, что и всякій другой городъ; дѣло идетъ не о благѣ городовъ и областей, а о спасеніи и поддержаніи королевствъ и имперій“ [2]). Безъ сомнѣнія взглядъ кн. Кутузова, какъ Русскаго человѣка, былъ совершенно иной. Наврядъ ли въ его посѣдѣлой головѣ, всецѣло занятой мыслію о спасеніи Отечества, во время грозной для него опасности, нашелся праздный уголокъ для мысли, хотя бы и мимолетной, о другихъ королевствахъ и имперіяхъ Европы; для него Москва не могла имѣть такого же значенія, какъ всякій, какой бы то ни былъ, городъ или мѣстность въ Россійской имперіи. Выѣхавъ изъ Петербурга, сидя въ каретѣ и смотря на карту Россіи, онъ часто повторялъ: „Если только Смоленскъ застану въ нашихъ рукахъ, то непріятелю не бывать въ Москвѣ“. За Торжкомъ онъ узналъ, что Смоленскъ уже взятъ Французами. „Ключь къ Москвѣ взятъ, сказалъ онъ съ глубокимъ чувствомъ и пожалѣлъ, что поѣхалъ прямою дорогою къ Смоленску, а не черезъ Москву. Съ этого времени возможность защитить Москву отъ вторженія въ нее непріятеля сдѣлалась для него вопросомъ, который онъ и выразилъ прямо въ письмѣ къ графу Ростопчину изъ Гжатска. „Не рѣшенъ еще вопросъ, потерять ли армію или потерять Москву“, писалъ онъ, и этотъ вопросъ оставался для него нерѣшеннымъ до перваго Сентября. Бородинское сраженіе было вызвано необходимостью. Постоянное отступленіе привело въ уныніе все войско, разстроило дисциплину и возбудило въ немъ ропотъ и недовѣріе къ предводителямъ. Войска требовали битвы, требовали ея общественное мнѣніе всей Россіи и государь. Уступая этимъ требованіямъ, и Барклай-де-Толли рѣшился бы дать большое сраженіе. Князь Кутузовъ по собственному убѣжденію долженъ былъ дать такое сраженіе для того, чтобы не потерять довѣрія къ себѣ войскъ и Россіи, и потому-то успѣхъ этого сраженія рѣшалъ именно поставленный имъ вопросъ, котораго не существовало для его предшественника.

Нѣкоторые изъ современниковъ происшествій предполагали, что кн. Кутузовъ никогда не думалъ дать сраженіе на другой день послѣ Бородина, но говорилъ это изъ одной *политики*“ [3]); но едвали не вѣрнѣе думали тѣ, которые вѣрили, что онъ дѣйствительно намѣренъ былъ дать сраженіе, но отказался отъ этого намѣренія послѣ того, какъ были приведены въ извѣстность огромныя потери, понесенныя нашимъ войскомъ на Бородинскихъ поляхъ. Безъ сомнѣнія новое сраженіе, данное на другой

---

[2]) Левенштернъ, Denkwürdigkeiten, ч. I, стр. 212.

[3]) Записка о 1812 г. князя А. Б. Голицына.

день послѣ Бородинскаго, было бы не менѣе ожесточенно, какъ и первое и стоило бы не меньшихъ потерь, какъ бы успѣшно оно ни окончилось. Въ такомъ-же случаѣ вопросъ, занимавшій князя Кутузова, былъ бы разрѣшенъ: армія наша была бы почти уничтожена. Такого рѣшенія вопроса безъ сомнѣнія не могъ допустить опытный главнокомандующій; но ему тяжело было допустить и второй способъ рѣшенія, т. е. оставить Москву въ добычу непріятелю. Поэтому, *собравъ сколько возможно подкрѣпленій* и *выбравъ мѣсто* для битвы, онъ дѣйствительно желалъ дать новое сраженіе подъ Москвою. Всѣ письма его въ это время, писанныя къ графу Ростопчину, могутъ служить доказательствомъ. Нѣтъ никакихъ основательныхъ причинъ предполагать, что онъ умышленно его обманывалъ, какъ это думали самъ графъ Ростопчинъ и многіе изъ иностранныхъ писателей. Приписываемыя ему слова, что онъ *клялся своими сѣдинами*, что не *отдастъ* Москву непріятелю, что *будетъ и въ улицахъ драться*, что они войти могутъ въ Москву не иначе какъ *по его трупу*, не находятся ни въ одномъ изъ его писемъ къ графу Ростопчину; а напротивъ, находятся большею частію въ афишкахъ самого графа Ростопчина [4]).

Трудно было Русскому вождю безъ боя уступить врагу древнюю столицу; но сраженія онъ дать не могъ, потому что не получалъ никакихъ почти подкрѣпленій; а 80-ти тысячное ополченіе, которое вызвался поставить графъ Ростопчинъ, оказалось существовавшимъ лишь въ его возбужденномъ, хотя и любовью къ родинѣ, воображеніи. А можетъ быть кн. Кутузовъ разсчитывалъ до послѣдняго времени на помощь вооруженныхъ жителей Москвы? „Весьма возможно, говоритъ принцъ Евгеній Виртемберскій, что онъ надѣялся дать сраженіе Наполеону подъ самою Москвою и не возведя тамъ надежныхъ укрѣпленій (за недостаткомъ времени) и разсчитывалъ, что все способное носить оружіе населеніе Москвы будетъ его подкрѣплять“ [5]).

Переговоривъ наединѣ съ графомъ Ростопчинымъ, князь Кутузовъ возвратился вмѣстѣ съ нимъ къ своей обычной скамеечкѣ, стоявшей около горѣвшаго костра. Тамъ собралось много генераловъ и другихъ военныхъ чиновъ, и велись горячіе споры о невыгодности избираемой позиціи и о томъ, слѣдуетъ ли защищать или оставить Москву. Кутузовъ слушалъ молча: но „по выраженію его лица нельзя было не замѣтить душевной тревоги“, говоритъ очевидецъ, принцъ Евгеній Виртемберскій [6]). Въ это

---

[4]) Записки А. П. Ермолова, т. I, стр. 209; Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву, № 154, стр. 167: „Ты удивляешься неосторожности Москвитянъ; но отцы и дѣды наши умерли, а мы дожили почти до старости безъ помышленія о томъ, чтобы непріятель могъ добраться до святыни Кремлевской: не хотѣлось думать, не хотѣлось вѣрить, не хотѣлось трусить въ собственныхъ глазахъ своихъ; насъ-же *увѣряли*, *ободряли*, *клялись сѣдыми волосами* и пр.“ Очевиденъ намекъ на Кутузова; но въ письмѣ, которое онъ прислалъ для обнародованія графу Ростопчину, 21 Авг. 1812 г., сказано: „прошу увѣрить Московскихъ жителей *моими сѣдинами*, что еще *не было* ни одного сраженія съ передовыми войсками, гдѣ бы наши *не одерживали поверхности*, а что́ не доходило до главнаго сраженія, то это зависило отъ насъ, главнокомандующихъ“. Тотъ-ли смыслъ заключается въ этихъ словахъ, какой придалъ имъ гр. Ростопчинъ?

[5]) Erinnerungen aus dem Feldzuge des Jahres 1812. Breslau, 1846 г., стр. 102; Memoiren des Herz. Eugen v. Würtemberg, Франкфуртъ на Од. 1862, ч. 2, стр. 160.

[6]) Тамъ же, стр. 98.

время возвратился Ермоловъ, котораго вмѣстѣ съ полковниками Толемъ и Кроссаромъ, онъ посылалъ подробно обозрѣть избранную Бенигсеномъ мѣстность для битвы. По возвращеніи Ермоловъ выразилъ прежнее мнѣніе и представилъ доказательства. Кн. Кутузовъ молчалъ, а войска продолжали устраиваться по отданному приказанію; земляныя работы не останавливались... Когда Ермоловъ окончилъ свое донесеніе, графъ Ростопчинъ подошелъ къ нему и отвелъ его въ сторону. „Конечно званіе мое обратило его вниманіе на меня, говоритъ А. П. Ермоловъ: до того гордый вельможа не зналъ меня". „Не понимаю, для чего вы усиливаетесь непремѣнно защищать Москву, сказалъ ему гр. Ростопчинъ, когда, овладѣвъ ею, непріятель ничего не пріобрѣтетъ полезнаго. Принадлежавшія казнѣ сокровища и все имущество вывезены. Изъ церквей, за исключеніемъ немногихъ, взяты драгоцѣнности, богатыя, золотыя и серебряныя украшенія. Спасены важнѣйшіе государственные архивы. Многіе владѣльцы частныхъ домовъ укрыли лучшее свое имущество. Въ Москвѣ остается до 50 тыс. самого бѣднаго народа, не имѣющаго другаго пріюта". „Ваше сіятельство видите во мнѣ исполнителя воли начальника (уклончиво отвѣчалъ ему Ермоловъ), не допускающаго свободы разсужденій". „Замѣчательны, говоритъ Ермоловъ, послѣднія слова графа Ростопчина: „если безъ боя оставите вы Москву, то увидите ее за собою пылающею" [7]). Замѣчателенъ, прибавимъ мы, и отвѣтъ Ермолова графу Ростопчину о начальникѣ, не допускающемъ свободы разсужденій, когда только что передъ тѣмъ онъ два раза сряду очень *свободно* выразилъ ему свой взглядъ на избранную для сраженія мѣстность и ласково былъ выслушанъ кн. Кутузовымъ.—Кн. Кутузовъ по прежнему сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, молча выслушивая противоположныя мнѣнія. Въ это время подошелъ къ нему принцъ Евгеній Виртемберскій и сказалъ на ухо: „Надо рѣшиться, князь; хуже всего нерѣшительность" [8]).

Во время этихъ разговоровъ на Поклонной Горѣ, „въ эти важныя сами по себѣ мгновенія, вдругъ раздались раскаты пушечныхъ выстрѣловъ нашаго аріергарда, указавшіе на близость непріятеля. Многіе думали, что чувство чести вынуждало положить предѣлъ дальнѣйшему отступленію. По ихъ мнѣнію, какъ могила составляетъ предѣлъ земному странствованію человѣка, такъ Москва была цѣлію и гробомъ Русскаго воина; за ней уже былъ другой міръ". Въ этихъ словахъ принца Евгенія весьма вѣрно передано чувство, которое испытывали Русскіе, стоя передъ Москвою. Это-то чувство и волновало кн. Кутузова и не вдругъ заставило его принять рѣшительную мѣру. Выслушавъ мнѣнія, онъ всталъ, отослалъ генераловъ на свои мѣста и, уѣзжая на свою квартиру въ Фили, подозвалъ принца Евгенія и тихо сказалъ ему: „Это должна рѣшить одна моя голова, дурна-ли она или хороша (ici ma tête, fut elle bonne ou mau-

---

7) Записки Ермолова т. I, стр. 209.

8) Aus dem Leben des Prinz. Eugen v. Würtemberg, изд. Helldorff, ч. II, стр. 58. Только въ этомъ изданіи находятся приведенныя слова; но оно сдѣлано его адъютантомъ не только на основаніи Записокъ самого принца, но и его собственныхъ. Принимая въ соображеніе, что князь Кутузовъ во время своего генералъ-губернаторства въ западныхъ губерніяхъ, отечески ласково относился къ принцу, находившемуся въ Вильнѣ съ своею дивизіею въ 1810 г. и принцъ питалъ къ нему искреннее расположеніе, можно допустить, что принцъ могъ рѣшиться сказать ему тайно эти слова. Послѣдующее обстоятельство, о которомъ упоминается уже во всѣхъ изданіяхъ воспоминаній принца Евгенія, подтверждаетъ это.

vaise, ne doit s'aider que d'elle même)". Замѣтивъ отношенія кн. Кутузова къ принцу Евгенію, графъ Ростопчинъ подошелъ къ нему и съ живостію сказалъ: „Если бы меня спросили, то я бы сказалъ: уничтожьте городъ прежде, нежели отдадите его непріятелю".

Таковъ былъ взглядъ графа Ростопчина; но „генералъ-губернаторъ, который долженъ охранять благоденствіе города, конечно не можетъ дать подобнаго совѣта". Пораженный этими словами, принцъ отвѣчалъ: „Я не Русскій; только Русскій можетъ рѣшиться на это" [9]).

Послѣ отъѣзда кн. Кутузова, графъ Ростопчинъ отправился къ Барклаю-де-Толли, завтракалъ у него и конечно слышалъ отъ него то мнѣніе, что на избранной позиціи драться нельзя и что надо оставить Москву безъ боя. „Онъ былъ угрюмъ и нѣсколько разстроенъ"; но, увидавъ барона Левенштерна, обошелся съ нимъ ласково и пригласилъ его въ городъ" [10]). „Я говорилъ съ Барклаемъ, и онъ мнѣ сказалъ: „Вы видите, что хотятъ дѣлать; если сдѣлаютъ глупость и рѣшатся на этомъ мѣстѣ драться, то я желаю только одного—быть убитымъ". Беннигсенъ, котораго я не видалъ со времени кончины императора Павла, заговорилъ со мною; я побѣдилъ отвращеніе къ этому человѣку и узналъ отъ него, что онъ вовсе не вѣритъ, чтобы возвѣщаемое кн. Кутузовымъ сраженіе было дѣйствительно дано; что они сами не знаютъ, сколько у нихъ человѣкъ подъ ружьемъ и что имѣется въ виду отступленіе, которое неизбѣжно повлечетъ за собою занятіе Москвы непріятелемъ. Солдаты смотрѣли угрюмо, офицеры были унылы; повсюду ужасный хаосъ; всякій давалъ совѣты, повсюду спорили между собою. Наканунѣ вечеромъ, Кутузовъ требовалъ отъ меня инструментовъ для саперовъ; я послалъ 10 наполненныхъ телѣгъ; офицеръ, которому я поручилъ ихъ доставить, никого не нашелъ, кто бы ихъ принялъ. Полчаса спустя, онъ явился ко мнѣ за приказаніями: онъ нашелъ, что телѣги были распряжены, и лошади взяты кѣмъ-то насильно. Не зная къ кому обратиться, чтобы вытребовать назадъ лошадей, я приказалъ офицеру оставить тамъ телѣги съ инструментами, а съ людьми возвратиться въ Москву пѣшкомъ. Я просилъ Барклая, чтобы онъ позволилъ моему сыну поѣхать вмѣстѣ со мною въ городъ. Мнѣ хотѣлось доставить ему день спокойствія. Онъ страдалъ отъ контузіи, которую получилъ въ руку и, казалось, принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые не думали, что будетъ дано сраженіе. Я отправился къ архіепископу и передалъ ему желаніе Кутузова, чтобы онъ съ процессіею и съ иконами пѣлъ молебны и окроплялъ святою водою воиновъ передъ сраженіемъ. Это сообщеніе было не по вкусу преосвященному, который меня спросилъ: „но куда-же я отправлюсь послѣ церемоніи?"—„Къ своимъ экипажамъ, отвѣчалъ я, въ которыхъ вы и отъѣдите отъ города, чтобы подождать исхода сраженія".—„Но если оно начнется прежде, чѣмъ я окончу церемонію? Я могу быть взятъ въ плѣнъ въ этой суматохѣ или убитъ!" Чтобы его успокоить, я объявилъ ему за тайну мое убѣжденіе, что сраженія вовсе не будетъ, но чтобы онъ только былъ готовъ на всякій случай. Когда мы сѣли за столъ, я замѣтилъ, что только мнѣ одному положили кусокъ бѣлаго хлѣба: отъѣздъ всѣхъ булочниковъ изъ Москвы былъ тому причиною. Въ 4 часа кн. Кутузовъ прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ просилъ кратчайшею дорогою прислать къ нему для присоединенія къ арміи только что составленныхъ два пѣхотныхъ полка, которые, въ

---

[9]) Erinnerungen, стр. 98—99; Memoiren, ч. 2, стр. 154—155; Helldorff, ч. 2, стр. 59.

[10]) Denkwürdigkeiten eines Livländers, ч. 1, стр. 238—239.

ожиданіи назначенія, прибыли въ одну деревню, находившуюся въ семи верстахъ отъ Москвы на Петербургской дорогѣ".

Сохранилось письмо кн. Кутузова къ гр. Ростопчину, писанное именно въ это время: „При письмѣ вашего сіятел. получилъ я рапортъ генералъ-маіора Миллера о состояніи его полка. Я намѣренъ присоединить оный къ арміи; но до тѣхъ поръ пока ваше сіятельство не получите дальнѣйшихъ о семъ отъ меня увѣдомленій, прошу васъ полкъ оный удержать въ Москвѣ". Это письмо есть отвѣтъ на письмо графа Ростопчина отъ 27 Августа, приведенное нами выше; оно показываетъ, что кн. Кутузовъ уже рѣшился на отступленіе [11]). Его разговоръ на Поклонной Горѣ съ графомъ Ростопчинымъ свидѣтельствуетъ, что онъ не только не хотѣлъ говорить съ нимъ откровенно, но шутилъ надъ нимъ, такъ какъ графъ Ростопчинъ подалъ къ тому поводъ, вызвавшись сгоряча поставить 80 тысячное новое ополченіе изъ жителей Москвы и ея окрестностей и тѣмъ ввелъ его въ заблужденіе. Не исполнивъ своего вызова, графъ Ростопчинъ, проповѣдывавшій постоянно, что съ потерею Москвы сопряжена и гибель Отечества, почувствовалъ, что ему уже не приходится тоже говорить самому князю Кутузову. Онъ началъ выражать ему и всѣмъ другимъ окружавшимъ его лицамъ совершенно противоположную мысль объ оставленіи Москвы, чего прежде онъ и въ возможности не допускалъ. Это конечно должно было поставить князя Кутузова въ необходимость противорѣчить ему. Но онъ могъ противорѣчить и по другой, простой причинѣ: оставленіе Москвы безъ боя имъ, какъ главнокомандующимъ, еще не было рѣшено до военнаго совѣта въ Филяхъ, а тайныя свои помышленія и соображенія конечно онъ открывать бы ему не сталъ.

Но съ какимъ убѣжденіемъ возвратился графъ Ростопчинъ съ Поклонной Горы въ Москву? Судя по его Запискамъ, онъ не приступалъ къ особеннымъ мѣрамъ, какія необходимы въ томъ случаѣ, если бы онъ былъ увѣренъ, что Москва будетъ оставлена безъ боя и къ которымъ онъ приступилъ немедленно нѣсколько часовъ спустя, получивъ объ этомъ извѣстіе отъ кн. Кутузова. До полученія этого извѣстія онъ приготовилъ слѣдующее письмо къ императору: „Государь! До 26 Августа я употребилъ всѣ старанія, чтобы успокоить жителей Москвы и поддержать общественное мнѣніе; но вдругъ послѣдовавшее отступленіе нашихъ армій, приближеніе непріятелей и огромное количество раненыхъ, наполнившихъ улицы, привели въ ужасъ Москву. Видя и самъ, что ея участь зависитъ отъ одного сраженія, я рѣшился принять мѣры, чтобы жители, оставшіеся въ незначительномъ числѣ, выбыли изъ нея, и я отвѣчаю вамъ моею головою, что непріятель найдетъ ее такою же опустѣлою, какъ и Смоленскъ. Все вывезено: Коммисія (т. е. военная), Арсеналъ. Теперь я забочусь о раненыхъ, которые ежедневно по 1500 выѣзжаютъ изъ города. Я считаю своею обязанностію объяснить вамъ, что Татищевъ, Обрѣзковъ и полковникъ Курдюмовъ дѣлали невозможное. Часть пороха и свинцу осталась; но если мы потеряемъ сраженіе, то все это пойдетъ въ воду, и я велю разбить бочки съ виномъ, наполняющія магазины. Москва въ рукахъ Бонапарта будетъ степью, если огонь не истребитъ ея, и можетъ сдѣлаться его могилою. Арміи стоятъ въ 6 верстахъ отъ города. Позиція довольно хороша и представляетъ удобные способы къ отступленію на Владиміръ или Калугу, гдѣ находятся всѣ наши магазины продовольствія. Но не нужно ходить такъ далеко. Надо непріятеля заставить уйти и погибнуть со всѣ-

[11]) Письмо князя Кутузова къ графу Ростопчину отъ 1-го Сент. 1812 г.

ми его разбойниками. Армія получила подкрѣпленія въ 12 тыс. человѣкъ, изъ пяти полковъ, которые составлялись здѣсь, въ Клину, Завидовѣ и Подольскѣ. Лобановъ прибудетъ уже поздно, потому что, вѣроятно, Бонапартъ нападетъ на насъ послѣ завтра. Въ томъ случаѣ, если наши войска оставятъ Москву въ добычу непріятелю, я присоединюсь къ главнокомандующему съ тѣми военными, которые здѣсь находятся и буду служить при арміи въ качествѣ простаго офицера. Государь! Чтобы слово миръ удалилось отъ васъ. Исторія вашего царствованія не должна быть запятнана позоромъ, который неизгладимымъ пятномъ легъ бы на Русскій народъ. Онъ займетъ свое мѣсто во вселенной, и вы восторжествуете надъ вашимъ жестокимъ противникомъ. Это случится, можетъ быть, очень скоро. Ваши подданные проливаютъ свою кровь и не унываютъ. Государь, не поддавайтесь увлеченію: вы скоро сдѣлаетесь спасителемъ вселенной. Очень можетъ случиться, что я уже въ послѣдній разъ имѣю счастіе писать къ вамъ; поэтому позвольте мнѣ отдать подъ ваше покровительство моего единственнаго сына. 26 Августа онъ былъ контуженъ въ руку; ядро разорвало его платье, но онъ оставался при исполненіи своихъ обязанностей и такъ будетъ поступать всегда“ [12]).

Сынъ графа Ростопчина, до 17 лѣтъ не покидавшій родительскаго крова, въ 1812 г. опредѣленъ былъ въ службу и въ качествѣ адъютанта Барклая - де - Толли сразу подвергся трудамъ и походной и боевой жизни. Графъ Ростопчинъ былъ нѣжный семьянинъ и конечно съ радостію увидалъ своего сына послѣ первой, продолжительной разлуки и грустно смотрѣлъ на утомленнаго и контуженнаго юношу. Въ то время, когда онъ писалъ къ Государю, онъ не могъ забыть о сынѣ, въ первый разъ послѣ четырехмѣсячнаго отсутствія проводившаго ночь въ отцовскомъ домѣ, можетъ быть послѣднюю. Не могъ онъ не вспомнить о немъ, обрекая себя на смерть. Мы нисколько не сомнѣваемся, что графъ Ростопчинъ могъ пожертвовать и собственною жизнью, точно также какъ онъ приносилъ на жертву Отечеству своего единственнаго, въ это время, сына; но это чувство, выраженное въ его письмѣ и увѣренность, что будетъ дана битва подъ Москвою, показываютъ, что онъ вѣрилъ словамъ Кутузова и не подозрѣвалъ его въ то время *).

Послѣ того, какъ съ Поклонной Горы Кутузовъ пріѣхалъ въ Фили, онъ, по разсказу графа Ростопчина, „пообѣдалъ и, отдохнувъ по обыкновенію, созвалъ военный совѣтъ, куда пригласилъ генераловъ для совѣщанія о томъ, что̀ слѣдуетъ предпринять, т. е. защищать Москву или оставить ее непріятелю. Изъ 8 или 9 лицъ, присутствовавшихъ на этомъ совѣтѣ, только одинъ предложилъ немедленно идти впередъ и напасть на Наполеона, который, по его мнѣнію, ослабилъ на половину свои силы, отправивъ два корпуса, одинъ подъ начальствомъ Мюрата на Калужскую дорогу, а другой подъ начальствомъ принца Евгенія Богарне на Звѣнигородъ. Другіе генералы, указывая на печальное, но истинное состояніе нашей арміи, настаивали на необходимости отступленія. Кутузовъ былъ того же мнѣнія и объявилъ, что онъ пройдетъ городъ ночью и двинется на Рязанскую дорогу. „Онъ мнѣ оказалъ въ этомъ случаѣ величайшую услугу, не пригласивъ меня на этотъ неожиданный совѣтъ; потому что я точно также настаивалъ бы на необходимости отступленія, и это мнѣніе было бы принято, а мое съ нимъ согласіе только бы послужило ему

---

[12]) Письмо графа Ростопчина къ императору отъ 1-го Сентября 1812 г.

*) Графъ Ростопчинъ могъ думать вообще о предстоящей битвѣ, и не подъ Москвою. *П. Б.*

оправданіемъ, что онъ отдалъ Москву непріятелю. Онъ написалъ мнѣ письмо, которое привезъ одинъ изъ его адъютантовъ, Монтрезоръ, около 8 часовъ вечера".

Въ виду Москвы, куда многіе изъ офицеровъ отправлялись провести или нѣсколько часовъ, или переночевать удобнѣе, нежели на военныхъ бивуакахъ, старый вождь не въ столицѣ поручилъ отвести себѣ помѣщеніе, гдѣ всякій еще жилой домъ готовъ былъ гостепріимно отворить двери такому гостю, но въ деревнѣ Филяхъ, въ одной изъ крестьянскихъ избъ. Быть можетъ, онъ желалъ показать собою примѣръ своимъ боевымъ сотрудникамъ, изъ которыхъ многіе имѣли свои дома въ Москвѣ; или тяжело ему было въѣхать въ столицу, которой участь была уже рѣшена въ его соображеніяхъ, чтобы изречь ей приговоръ въ ея собственныхъ стѣнахъ. Съ Поклонной Горы онъ отправился въ Фили и назначилъ военный совѣтъ въ 4 часа пополудни. Потрясенный нравственно назначеніемъ новаго главнокомандующаго, утомленный изумившею всѣхъ дѣятельностію во время Бородинскаго сраженія, Барклай-де-Толли сдѣлался боленъ. Его томила лихорадка, когда войска занимали мѣста для битвы подъ Москвою. Перемогая болѣзнь, онъ отправился осмотрѣть позицію. „Я удивился при видѣ оной," говоритъ онъ, „найдя ее совершенно невозможною для боя. Я поспѣшилъ въ главную квартиру князя, находящуюся на краю фланга и встрѣтилъ на пути г. Бенигсена. Я открылъ ему всѣ свои замѣчанія о сей позиціи и спросилъ у него: Рѣшено ли было погребсти всю армію на семъ мѣстѣ? Онъ казался удивленнымъ, но объявилъ мнѣ, что вскорѣ самъ будетъ на лѣвомъ флангѣ; вмѣсто того онъ поѣхалъ въ деревню, находящуюся въ центрѣ, гдѣ назначена была его квартира. Когда я объяснилъ положеніе арміи князю (что́ я исполнилъ съ помощію рисунка позиціи), онъ ужаснулся. Полковникъ Толь, у коего онъ спросилъ мнѣнія, призналъ всѣ мои замѣчанія справедливыми; онъ говорилъ, что не избралъ бы сей позиціи и присовокупилъ, что принужденъ объявить, что арміи подвергались нѣкоторой опасности" [13]). Выслушивая замѣчанія Барклая-де-Толли, едва ли могъ *ужаснуться* князь Кутузовъ: точно такія же замѣчанія онъ только что выслушалъ отъ Ермолова, Толя, Мишо, Кроссара, кн. Кудашева. Можетъ быть, онъ дѣйствительно былъ доволенъ, что подтвержденіе справедливости этихъ замѣчаній услышалъ отъ главнокомандующаго первою арміею, котораго мнѣніе конечно имѣло значеніе; но едва ли его удовольствіе въ этомъ случаѣ можно объяснить тою цѣлію, которую усмотрѣлъ генералъ Ермоловъ. „Князь Кутузовъ, внимательно выслушавъ, не могъ скрыть своего восхищенія, что не ему присвоена будетъ мысль объ отступленіи и, желая отклонить отъ себя сколь возможно упреки въ оставленіи Москвы, велѣлъ собрать военный совѣтъ [14])".

---

[13]) Изображеніе военн. дѣйствій первой арміи, Чтенія, 1858 г. кн. IV, стр. 25—26.

[14]) „День клонился къ вечеру, говоритъ А. П. Ермоловъ, и еще не было никакихъ особенныхъ распоряженій. Военный министръ призвалъ меня къ себѣ, съ отличнымъ благоразуміемъ и основательностію istолковалъ мнѣ причины, по коимъ полагаетъ онъ отступленіе необходимымъ, пошелъ къ князю Кутузову и мнѣ приказалъ идти за собою. Никому лучше военнаго министра не могли быть извѣстны способы для продолженія войны и какими изъ нихъ въ настоящее время пользоваться возможно; чтобы употребить благонадежные, надобно выиграть время, и для того оставить Москву необходимо. Послѣ переговоровъ съ ними кн. Кутузовъ „приказалъ къ осьми часамъ вечера собрать генераловъ на военный совѣтъ". Барклай-де-Толли не упоминаетъ о присутствіи при этомъ случаѣ Ермо-

Ермоловъ объясняетъ дѣйствія кн. Кутузова особенною, свойственною ему хитростію. Оставляя пока въ сторонѣ ходившую между современниками молву о хитрости кн. Кутузова, нельзя не замѣтить, что въ этомъ случаѣ она не могла выразиться, потому что не достигла бы цѣли. Въ умѣ тонкомъ и предусмотрительномъ никто и никогда не отказывалъ кн. Кутузову. Могъ ли главнокомандующій отклонить отъ себя *упреки* и сложить отвѣтственность за оставленіе безъ бою древней столицы Россіи на военный совѣтъ, котораго мнѣнія были вовсе не обязательны для него? Онъ могъ отвергнуть даже единогласное мнѣніе совѣта; а въ этомъ случаѣ нельзя было ожидать единогласія. Тяжелое чувство при мысли объ оставленіи Москвы, которое испытывалъ самъ князь Кутузовъ, было общимъ чувствомъ всѣхъ Русскихъ военныхъ людей. Оно могло вызвать скорѣе на отчаянную рѣшимость погибнуть подъ стѣнами города, нежели оставить его безъ боя. Во всякомъ же случаѣ Бенигсенъ, постоянно заявлявшій о необходимости сраженія и выбравшій позицію подъ Москвою, заявилъ бы тоже мнѣніе и въ совѣтѣ. Главнокомандующій всегда могъ утвердить одно изъ мнѣній, и стало быть отвѣтственность оставалась бы на немъ одномъ. Такъ и понималъ князь Кутузовъ что́ доказываютъ его слова, сказанныя на Поклонной Горѣ герцогу Виртемберскому. Но, безъ

лова можетъ быть случайно; но во всякомъ случаѣ онъ вѣрнѣе опредѣляетъ время военнаго совѣта въ 4 часа по полудни, что́ показываетъ, что распоряженіе о его созывѣ сдѣлано кн. Кутузовымъ прежде этого разговора. Барклай-де-Толли говоритъ, что одинъ б. Бенигсенъ заставилъ себя ожидать до 6 часовъ, что́ подтверждаетъ и самъ Бенигсенъ. „Кн. Кутузовъ подробно разсказалъ мнѣ, говоритъ Ермоловъ, разговоръ его съ гр. Ростопчинымъ и *со всею простотою души своей и невинностію* увѣрялъ меня, что до сего времени онъ не зналъ, что непріятель пріобрѣтеніемъ Москвы не снищетъ никакихъ существенныхъ выгодъ и что нѣтъ конечно причинъ удерживать ее съ чувствительною потерею, и спросилъ: какъ я думаю о томъ? Избѣгая вторичнаго испытанія моего пульса, я молчалъ; но когда приказалъ онъ мнѣ говорить, подозрѣвая готовность обойтись безъ драки, я отвѣчалъ, что прилично было-бы аріергарду нашему, въ честь древней столицѣ, оказать нѣкоторое сопротивленіе.“ Графъ Ростопчинъ безъ сомнѣнія сообщилъ кн. Кутузову, что изъ Москвы вывезено *все*, что́ только желательно было спасти, какъ онъ писалъ самому императору, и это сообщеніе безъ сомнѣнія имѣло важное значеніе для Кутузова. Онъ очень могъ не знать объ этомъ до того времени, потому что графъ Ростопчинъ не сообщалъ ему ничего подобнаго въ перепискѣ съ нимъ. Быть можетъ, что въ армію доходили слухи о вывозѣ различныхъ предметовъ изъ Москвы; но это были частные слухи, которыми едва-ли было время заниматься главнокомандующему. Да едва-ли и Ермолову было это извѣстно тогда; а развѣ много позже, когда онъ писалъ свои Записки. „Князь, конечно, замѣчаетъ Ермоловъ, не полагалъ, чтобы извѣстно было сужденіе на счетъ его знаменитаго Суворова, которой говорилъ: его и Рибасъ не обманетъ. Впрочемъ въ *нынѣшнее время* многіе его угадываютъ“. Но какой же смыслъ этихъ словъ Суворова? Кажется не тотъ, который видитъ въ нихъ Ермоловъ. Суворовъ *хитрость* приписывалъ Рибасу, который и дѣйствительно отличался ею, а *умъ* Кутузову, и слова его можно перевесть такъ: какъ ни хитеръ Рибасъ, но Кутузовъ такъ *уменъ*, что ему не удастся его обмануть. Ничего нѣтъ труднѣе для людей, погруженныхъ въ интриги главныхъ штабовъ, понять всю простоту дѣйствій великаго ума. Но сомнительно даже, чтобы князь Кутузовъ имѣлъ такой разговоръ съ Ермоловымъ передъ самымъ военнымъ совѣтомъ. Вѣроятно, въ то время, когда онъ писалъ Записки, память ему нѣсколько измѣнила, и онъ пріурочилъ его не къ тому времени.

сомнѣнія, для него было важно то обстоятельство, чтобы главные боевые его сотрудники убѣдились въ необходимости принимаемой имъ мѣры, а не исполняли ее только въ слѣдствіе его приказанія какъ главнокомандующаго.

Въ назначенное время съѣхались въ избу, которую занималъ въ Филяхъ кн. Кутузовъ, генералы Барклай-де-Толли, Дохтуровъ, Уваровъ, гр. Остерманъ, Коновницынъ, Ермоловъ, полковники Кайсаровъ и Толь. Баронъ Бенигсенъ заставилъ себя ждать до шести часовъ. „1-го Сентября, говоритъ онъ въ своихъ Запискахъ, я былъ занятъ окончательнымъ осмотромъ, вмѣстѣ съ полковникомъ Мишо, окрестностей лѣваго крыла нашей позиціи, какъ явился ко мнѣ офицеръ отъ кн. Кутузова съ порученіемъ пріѣхать къ нему. Я велѣлъ отвѣчать, что явлюсь немедленно, лишь только окончу осмотръ мѣстоположенія. Я пріѣхалъ къ князю въ седьмомъ часу вечера и нашелъ у него собранный военный совѣтъ“. Исчисливъ тѣхъ же лицъ, составлявшихъ совѣтъ и упомянувъ въ ихъ числѣ ген. Платова, онъ говоритъ: „Каково было мое удивленіе, когда я узналъ, что дѣло идетъ о томъ, чтобы провесть войска черезъ Москву и оставить столицу непріятелю? Генералъ Барклай болѣе всѣхъ поддерживалъ необходимость этой мѣры“. Б. Бенигсенъ, узнавъ о предметѣ совѣщанія и желая повсюду первенствовать, не дождался, чтобы главнокомандующій поставилъ вопросъ для разсужденій, и самъ предложилъ его въ такомъ видѣ: что слѣдуетъ предпочесть, сраженіе ли подъ Москвою, или оставленіе столицы непріятелю? Князь перервалъ его рѣчь. По свидѣтельству Барклая, его сильно огорчилъ такой безполезный и легко поднятый вопросъ; онъ замѣтилъ, что участь не только арміи и Москвы, но и всего государства зависила отъ того предмета, который предлагается на обсужденіе. Такой вопросъ, говорилъ онъ, безъ предварительнаго объясненія главныхъ обстоятельствъ, совершенно лишній; затѣмъ, подробно объяснивъ всѣ недостатки выбраннаго для битвы мѣстоположенія, князь говорилъ: „Пока будетъ еще существовать армія и находиться въ состояніи противиться непріятелю, до тѣхъ поръ останется еще надежда съ честью окончить войну; но по уничтоженіи арміи, не только Москва, но и вся Россія была бы потеряна“. Послѣ этихъ соображеній онъ предложилъ вопросъ въ такомъ видѣ: слѣдуетъ ли ожидать непріятеля въ такой неудобной позиціи, или оставить Москву непріятелю? Барклай де-Толли доказывалъ, что позиція весьма невыгодна, дожидаться въ ней непріятеля опасно, побѣдить его болѣе нежели сомнительно, потому что онъ располагаетъ бо̀льшими силами: со времени Бородинскаго сраженія, наши войска потерпѣли значительныя потери, особенно въ офицерахъ и генералахъ. Если бы удалось намъ удержать мѣсто сраженія, то во всякомъ случаѣ мы потерпѣли бы значительный уронъ и съ остальными силами не были бы въ состояніи защитить такого обширнаго города, какъ Москва. Но если бы мы были разбиты, то все, что не досталось бы непріятелю на мѣстѣ сраженія, было бы имъ уничтожено при нашемъ отступленіи чрезъ Москву. Конечно потеря Москвы произведетъ тяжелое впечатлѣніе на государя, но не будетъ для него дѣломъ неожиданнымъ и не вынудитъ его къ заключенію мира. Его рѣшительная воля состоитъ въ томъ, чтобы съ твердостію продолжать войну. Сохранивъ Москву, Россія не избавитъ себя отъ войны жестокой и разорительной; но сохранивъ армію, не лишится возможности продолжать войну, которая составляетъ единственное средство къ спасенію Отечества. Поэтому Барклай-де-Толли предлагалъ оставить Москву безъ боя и отступить на Владимірскую дорогу, чтобы сохранить сообщеніе съ Петербургомъ.

Баронъ Бенигсенъ, противъ котораго главнѣйше были направлены рѣчи главнокомандующаго первою арміею, отвѣчалъ ему: „Я началъ съ вопроса, говорилъ онъ, хорошо ли сообразили тѣ послѣдствія, которыя повлечетъ за собою оставленіе Москвы, самого обширнаго города въ имперіи и какія понесутъ потери казна и множество частныхъ лицъ? Подумали ли, что̀ будутъ говорить крестьяне, общество и вообще весь народъ и какое ихъ мнѣнія могутъ имѣть вліяніе на способы для продолженія войны? Подумали-ли объ опасности провесть черезъ городъ войска съ артиллеріею въ такое короткое время, когда непріятель преслѣдуетъ насъ по пятамъ? Наконецъ, о стыдѣ оставить непріятелю столицу безъ выстрѣла? Я спрашиваю: будетъ ли послѣ этого вѣрить Россія, что мы выиграли Бородинское сраженіе, какъ это было обнародовано, если послѣдствіемъ его будетъ оставленіе Москвы, и не докажемъ ли мы тѣмъ, что его потеряли? Какое произведетъ это впечатлѣніе на иностранные дворы и вообще въ чужихъ краяхъ? Я спрашиваю: развѣ наши войска будутъ лучше устроены, оставивъ непріятелю Москву? Не должно ли наше отступленіе имѣть предѣлъ? Я прибавилъ, что не вижу поводовъ предполагать, что мы непремѣнно будемъ разбиты, потеряемъ всю артиллерію, тогда какъ послѣ Бородинскаго сраженія мы получили подкрѣпленія, а непріятель получить ихъ не могъ. Я думаю, напротивъ, что мы остались такими-же Русскими, которые всегда дрались съ примѣрною храбростью. Если мы въ сраженіи 26 Августа потерпѣли большія потери, то не меньшія потерпѣлъ и непріятель какъ въ солдатахъ, такъ и въ офицерахъ. Если наша армія послѣ того растроена, то не менѣе растроены и непріятельскія войска“. Вся эта рѣчь б. Бенигсена клонилась не къ тому, чтобы защитить отъ нападеній избранную имъ позицію, какъ слѣдовало бы ожидать; напротивъ, онъ и не пытался защитить ее; а вдругъ предложилъ совершенно новый способъ военныхъ дѣйствій, разсчитывая, что онъ найдетъ поддержку въ общемъ почти желаніи войскъ дѣйствовать наступательно. Опираясь на извѣстія, что непріятельскіе корпуса идутъ въ обходъ нашихъ фланговъ, т. е. корпусъ вице-короля на Рузу и Понятовскаго на Калужскую дорогу (что̀ подтверждалось свѣдѣніями, полученныя во время самого военнаго совѣта), онъ предложилъ: „Въ продолженіи ночи перевесть всѣ войска на лѣвое крыло и двинуться на встрѣчу непріятелю, ослабленному отдѣленіемъ этихъ двухъ корпусовъ. Мы непремѣнно бы его разбили, и тогда тѣ корпуса, которые были посланы въ обходъ нашихъ, онъ непремѣнно бы долженъ былъ притянуть къ себѣ, чтобы они не могли быть отрѣзаны.“

„Я замѣтилъ на это, говоритъ Барклай-де-Толли, что объ этомъ слѣдовало подумать ранѣе и сообразно съ тѣмъ размѣстить войска. Время еще не было упущено, когда я въ первый разъ объяснилъ вамъ невыгоды позиціи; но теперь уже поздно: ночью нельзя передвигать войска по непроходимымъ рвамъ, и непріятель могъ бы ударить на насъ, прежде нежели успѣли бы мы размѣстить войска въ новомъ положеніи. При томъ наша армія, по храбрости, сродной нашимъ войскамъ, могла сражаться съ непріятелемъ въ позиціи и отразить его, но не можетъ исполнять движенія въ виду непріятеля“.

Князь Кутузовъ выразилъ согласіе съ этимъ послѣднимъ замѣчаніемъ и привелъ въ доказательство Фридландское сраженіе. Умалчивая о томъ обстоятельствѣ, на которое указывалъ Барклай-де-Толли, что было упущено время для предлагаемаго передвиженія войскъ, баронъ Бенигсенъ говоритъ, что ему показалось *страннымъ* замѣчаніе главнокомандующаго первою арміею, что Русскія войска не въ состояніи исполнить это-

го движенія и что оно разобщило бы насъ съ Калугою, Тулою, Рязанью и Владиміромъ. „Я говорилъ, что на открытой долинѣ, которая простирается противъ нашего лѣваго крыла, и для простаго глаза могутъ быть видимы движенія всѣхъ колоннъ, и легко наблюдать за ними, и при томъ предполагаемое движеніе вовсе не сложно, а напротивъ чрезвычайно просто. Что же касается до сообщеній съ показанными городами, то предполагаемое мною движеніе прикрываетъ ихъ, что можно видить, взглянувъ только на карту и, въ случаѣ отступленія, намъ остается только выбрать старую или новую Калужскую дорогу". Бенигсенъ увѣряетъ даже, будто говорилъ, что и въ случаѣ оставленія Москвы наши войска должны отступать въ этомъ направленіи. Но вслѣдъ за тѣмъ онъ разсказываетъ, что, оспаривая предложенное Барклаемъ-де-Толли отступленіе къ Владиміру и Нижнему Новгороду, онъ предлагалъ другое, по Рязанской дорогѣ и что генералъ Платовъ поддерживалъ его предложеніе.

Мнѣніе Бенигсена поддерживалъ Дохтуровъ „Онъ сидѣлъ (говоритъ Бенигсенъ) вдали отъ стола, вокругъ котораго не могли размѣститься всѣ лица, присутствовавшія на совѣтѣ, и дѣлалъ мнѣ знаки одобренія моихъ соображеній. У меня волосы становятся дыбомъ, говорилъ онъ ему потомъ, когда подумаю только объ оставленіи Москвы". На другой день послѣ военнаго совѣта Дохтуровъ писалъ въ семейномъ письмѣ: „Я въ отчаяніи, что оставляютъ Москву. Какой ужасъ, мы уже по сю сторону столицы! Я прилагаю все стараніе, чтобы идти врагу на встрѣчу. Бенигсенъ былъ того же мнѣнія: онъ дѣлалъ что могъ, чтобы увѣрить, что единственнымъ средствомъ не уступать столицы было бы встрѣтить непріятеля и сразиться съ нимъ. Но это отважное дѣйствіе не могло подѣйствовать на этихъ малодушныхъ людей. Мы отступили черезъ городъ; какой стыдъ для Русскихъ — покинуть отчизну безъ малѣйшаго ружейнаго выстрѣла и безъ боя! Я взбѣшенъ; но что же дѣлать?" Коновницинъ, предпріимчивый и неустрашимый, но не входившій въ обширныя военныя соображенія (по свидѣтельству Ермолова) защищалъ наступательный способъ дѣйствій. Гр. Остерманъ, Уваровъ и Раевскій соглашались съ мнѣніемъ Барклая-де-Толли. Опровергая предложеніе Бенигсена, Остерманъ между прочимъ выразился, что можно бы рѣшиться защищать Москву, еслибъ генералъ Бенигсенъ могъ поручиться, что мы непремѣнно одержимъ побѣду. „Это слишкомъ большое требованіе отъ одного человѣка, отвѣчалъ Бенигсенъ съ раздраженіемъ: побѣда можетъ зависить лишь отъ храбрости солдатъ и умѣнія нашихъ генераловъ". Раевскій пріѣхалъ къ концу совѣщаній. Кн. Кутузовъ поручилъ Ермолову пересказать ему сущность разсужденій. „Если позиція отнимаетъ у насъ возможность дѣйствовать всѣми нашими силами, а между тѣмъ рѣшено дать сраженіе: то выгоднѣе идти на встрѣчу непріятелю, нежели ожидать его. Это лучшее средство разстроить планъ его атаки; но для подобнаго предпріятія войска наши недовольно привычны къ маневрамъ: потому мы можемъ лишь не надолго замедлить вторженіе Наполеона въ Москву. Отступленіе послѣ сраженія чрезъ такой обширный городъ довершитъ растройство арміи. „Россія не въ Москвѣ, среди сыновъ она", слѣдовательно болѣе всего надо беречь войска. Мое мнѣніе: оставить Москву безъ сраженія; но я говорю, какъ солдатъ. Князь Михаилъ Иларіоновичъ только можетъ судить, какое вліяніе въ политическомъ отношеніи можетъ произвести извѣстіе о занятіи Москвы непріятелемъ".

Полковникъ Толь, раздѣляя тоже мнѣніе, „представилъ совершенную невозможность держаться арміи въ позиціи, выбранной Бенигсеномъ; ибо, съ неминуемою потерею Москвы, армія подверглась бы совершенному истребленію и потеряла бы всю артилерію". Поэтому онъ предложилъ ос-

тавить „немедленно позицію при Филяхъ и расположить армію правымъ флангомъ къ деревнѣ Воробьевой, а лѣвымъ къ новой Калужской дорогѣ, по направленію между деревнями Шатиловымъ и Воронцовымъ; и изъ этой позиціи отступить по старой Калужской дорогѣ, буде потребуютъ обстоятельства“.

Такъ раздѣлились мнѣнія. Одинъ только изъ участвовавшихъ въ совѣтѣ генераловъ отсталъ отъ одного берега и не присталъ къ другому. Кн. Кутузовъ обратился къ А. П. Ермолову, прося его выразить свое мнѣніе. Вотъ что разсказываетъ самъ Ермоловъ. „Совершенно убѣжденный въ основательности предложенія военнаго министра, я осмѣлился замѣтить одно направленіе на Владиміръ не согласующимся съ обстоятельствами. Царская фамилія, оставя Петербургъ, могла назначить пребываніе свое во многихъ мѣстахъ, совершенно отъ опасности удаленныхъ, не порабощая армію невыгодному для нея направленію, которое нарушало связь нашу съ полуденными областями, изобилующими разными для арміи потребностями, и чрезвычайно затрудняло сообщеніе съ арміями генерала Тормасова и адмирала Чичагова. Не рѣшился я, какъ офицеръ, не довольно еще извѣстный, страшась обвиненія соотечественниковъ, дать согласіе на оставленіе Москвы и, *не защищая мнѣнія моего*, вполнѣ *неосновательнаго*, предложилъ атаковать непріятеля. Девять сотъ верстъ безпрерывнаго отступленія не располагаютъ его къ ожиданію подобнаго со стороны нашей предпріятія; внезапность сія, при переходѣ войскъ въ оборонительное состояніе, безъ сомнѣнія, произведетъ между ними большое замѣшательство, которымъ его свѣтлости, какъ искусному полководцу, предлежитъ воспользоваться, и это можетъ произвести большой оборотъ въ нашихъ дѣлахъ. Съ неудовольствіемъ кн. Кутузовъ сказалъ мнѣ, что такое мнѣніе даю я потому, что не на мнѣ лежитъ отвѣтственность. Слишкомъ поспѣшно изъявилъ онъ свое негодованіе: ибо не могъ сомнѣваться, что многихъ мнѣнія будутъ гораздо благоразумнѣйшія, на которыя онъ могъ опираться“.

Терпѣливо выслушивалъ кн. Кутузовъ разсужденія собранныхъ на совѣтъ генераловъ; только два раза не выдержалъ онъ своего обычнаго спокойствія, остановивъ Бенигсена, когда онъ захотѣлъ руководить совѣтомъ и выслушавъ мнѣніе, выраженное Ермоловымъ. Сей послѣдній пользовался большою извѣстностью въ войскахъ; онѣ цѣнили его умъ, храбрость и военныя способности; къ его мнѣнію не могъ равнодушно отнестись главнокомандующій, тѣмъ болѣе, что онъ противорѣчилъ самъ себѣ. Кн. Кутузовъ заключилъ разсужденія совѣта слѣдующими словами: „Съ потерею Москвы не потеряна еще Россія. Первою обязанностію поставляю себѣ—сохранить армію, сблизиться съ тѣми войсками, которыя идутъ къ ней на подкрѣпленіе и *самымъ уступленіемъ Москвы приготовить неизбѣжную гибель непріятелю*. Поэтому я намѣренъ, пройдя Москву, отступить по Рязанской дорогѣ. Знаю, отвѣтственность обрушится на мнѣ, но жертвую собою для блага Отечества“. Вставъ со стула, онъ заключилъ: „Приказываю отступать“ [15]).

---

[15]) Барклай-де-Толли, изображеніе воен. дѣйствій первой арміи, стр. 26 — 28; Военный журналъ полковн. Толя подъ 1-мъ Сентября; письмо барона Бенигсена къ императору изъ Вильны отъ 19-го Января 1813 г., при которомъ онъ приложилъ выписку изъ своихъ записокъ о военномъ совѣтѣ въ Филяхъ (Extrait du contenu du conseil de guerre qui a eu lieu le 1-r Septembre 1812); Ермоловъ, Записки, т. I, стр. 211—213; Письмо Дохтурова къ его супругѣ отъ 3 Сент. 1812 г. (Русск. Архивъ 1874 г. кн. 5, стр. 1098); Раевскаго, письмо къ Жомини, въ которомъ онъ излагаетъ и свои воспоминанія, подъ видомъ разбора и дополне-

Военный совѣтъ продолжался долго, по сказанію одного изъ современныхъ свидѣтелей; наконецъ, поздно вечеромъ, отворились двери избы, и одинъ за другимъ начали выходить оттуда генералы, и мало по малу, сперва шопотомъ, разгласилось намѣреніе Кутузова оставить Москву. Изъ памяти очевидцевъ никогда не изгладится скорбь, овладѣвшая сердцами. Стыдно было глядѣть другъ на друга. Съ Москвою сопряжены были понятія о славѣ, достоинствѣ, даже самобытности Отечества. Ея отдача врагамъ казалась сознаніемъ въ безсиліи защищать Россію. „Не завидна въ подобные дни судьба главнокомандующаго, къ тому же обязаннаго скрывать подъ личиною безстрастія все, въ душѣ его происходящее! Кутузовъ, между Бородинымъ и Москвою, долженъ былъ выстрадать вѣка цѣлые". Такой подвигъ великой рѣшимости могъ совершить только кн. Кутузовъ. „Конечно легче было, уступая общему порыву, дать подъ Москвой сраженіе и погибнуть вмѣстѣ съ нею. И тутъ была слава!" [16]) Но искалъ не славы только престарѣлый вождь Русскихъ войскъ, а спасенія Отечества.

Сдѣлавъ немедленно распоряженія объ отступленіи обозовъ и потомъ войскъ, кн. Кутузовъ провелъ тревожную ночь. Долго ходя взадъ и впередъ по избѣ, онъ какъ бы не слыхалъ, какъ начиналъ заговаривать съ нимъ полковникъ Шнейдеръ. Но когда онъ сказалъ: „гдѣ же мы остановимся", кн. Кутузовъ, ударивъ по столу, отвѣчалъ: „Это мое дѣло; но уже доведу я Французовъ, какъ въ прошломъ году Турокъ, что они будутъ ѣсть лошадиное мясо". Призвавъ генералъ-интенданта В. С. Ланскаго, онъ поручилъ ему распорядиться продовольствіемъ. „Но куда мы идемъ?" спросилъ Ланской. „На Рязанскую дорогу". „Трудно подвезть туда запасы: они всѣ у Калуги".—„А въ Рязани ничего нѣтъ"?— „Если прикажете, будетъ; но жаль, если продовольствіе погибнетъ или не дойдетъ до насъ".—„Подумаю", замѣтилъ князь Кутузовъ; „а ты приди ко мнѣ завтра, когда придешь на мѣсто". Между тѣмъ, передъ отступленіемъ, войска получили на нѣсколько дней запасовъ [17]). Ночью Кутузовъ былъ печаленъ и нѣсколько разъ плакалъ, по свидѣтельству Кайсарова, находившагося при немъ.

Немедленно послѣ рѣшенія, принятаго на военномъ совѣтѣ въ Филяхъ, князь Кутузовъ написалъ графу Ростопчину слѣдующія строки:

„Непріятель, отдѣливъ колонны свои на Звѣнигородъ и Боровскъ и невыгодное здѣшнее мѣстоположеніе принуждаютъ меня съ горестью Москву оставить. Армія идетъ на Рязанскую дорогу; посему покорно прошу ваше сіятельство прислать мнѣ съ симъ же адъютантомъ моимъ Монтрезоромъ, сколько можно болѣе, полицейскихъ офицеровъ, которые могли бы армію провести черезъ разныя дороги на Рязанскую дорогу" [18]).

Графъ Ростопчинъ получилъ это письмо послѣ того, какъ только что отправилъ нарочнаго къ государю съ своимъ письмомъ отъ того-же числа, выше нами приведеннымъ. Исполнивъ порученіе князя Кутузова и прика-

---

ній къ сочиненію Бутурлина, доставленное потомъ его сыномъ А. Н. Раевскимъ г. Михайловскому-Данилевскому. О томъ, что Н. Н. Раевскій сказалъ въ совѣтѣ стихъ Озерова „Россія не въ Москвѣ, среди сыновъ она", онъ самъ не говоритъ; но говоритъ А. Н. Раевскій, который постоянно находился при отцѣ, въ письмѣ къ Данилевскому.

[16]) Графъ П. Х. Граббе, изъ Памятныхъ Записокъ, Русск. Архивъ 1873 г. № 3, стр. 469—471; Михайловскій-Данилевскій, Собр. сочин. т. IV, стр. 477.

[17]) Записки артилериста, ч. I, стр. 175.

[18]) Письмо князя Кутузова отъ 1 Сент. 1812 г., Фили.

завъ оберъ-полицеймейстеру предоставить ему въ распоряженіе сколько возможно полицейскихъ офицеровъ, онъ написалъ государю слѣдующее письмо: „Государь! Въ то время, какъ я отправлялъ къ вамъ мое донесеніе, пріѣхалъ адъютантъ кн. Кутузова и привезъ мнѣ письмо, съ требованіемъ отъ меня полицейскихъ офицеровъ, которые должны провесть армію на Рязанскую дорогу. Онъ говоритъ, что съ сожалѣніемъ оставляетъ Москву. Такимъ его поступкомъ рѣшается участь этой столицы и вашей имперіи, которая задрожитъ отъ гнѣва, когда узнаетъ, что онъ отдаетъ непріятелю городъ, въ которомъ заключалось величіе Россіи и гдѣ покоится прахъ вашихъ предковъ. Я послѣдую за арміею; я все вывезъ, и мнѣ ничего другаго не остается дѣлать какъ плакать о судьбѣ моего Отечества и вашей“ [19]). Это письмо въ соотношеніи съ другимъ, приведеннымъ выше письмомъ, написаннымъ въ тотъ-же день, показываетъ, что графъ Ростопчинъ былъ вполнѣ увѣренъ, что подъ Москвою князь Кутузовъ непремѣнно дастъ сраженіе, и полученная имъ отъ него записка въ 8 часовъ вечера была для него совершенною неожиданностью. При такомъ, кажется, состояніи духа только и могло быть написано это послѣднее его письмо къ императору изъ Москвы, передъ занятіемъ ея Французами. Но какъ же это удивленіе, эту неожиданность, согласить съ тѣмъ, что самъ графъ Ростопчинъ утромъ въ тотъ же день совѣтовалъ князю Кутузову и другимъ изъ окружавшихъ его генераловъ отступить и оставить непріятелю Москву, въ которой онъ не найдетъ уже никакихъ выгодъ?

Что́ касается до того, что онъ разсказываетъ въ своихъ Запискахъ о 1812 г., то мы въ этомъ случаѣ не останавливаемся на нихъ: мы не разъ уже указывали, что его образъ мыслей и его взгляды на событія въ то время, когда онъ писалъ эти Записки, совершенно были иныя, нежели прежде. Но мы приведемъ показанія современниковъ, свидѣтелей происшествій, подтверждаемыя и имъ самимъ въ этихъ Запискахъ. Противорѣчія съ самимъ собою, въ которыя такъ часто впадаетъ графъ Ростопчинъ, не могутъ быть объяснимы ничѣмъ инымъ, какъ тѣмъ ложнымъ положеніемъ, въ которое онъ самъ себя поставилъ. Сила обстоятельствъ, съ которою онъ такъ смѣло выступалъ на бой въ началѣ своей государственной дѣятельности, въ это время очевидно подавила его своею историческою тягостью. Неутомимо боролся онъ съ воображаемымъ заговоромъ Мартинистовъ и возстаніемъ народа, котораго будто-бы непріятель можетъ склонить на измѣну обѣщаніемъ освобожденія отъ крѣпостной зависимости, и—упустилъ изъ виду дѣйствительныя событія. Онъ не понималъ ни силы непріятельскаго нашествія, ни способовъ для обороны; полагалъ, что непріятель никогда не достигнетъ до Москвы, думалъ противупоставить ему ополченіе изъ жителей столицы и ея окрестностей, котораго однакоже не составлялъ, объявляя только, что *кликнетъ кличъ*, когда настанетъ время. Увлекаясь несуществовавшими призраками, онъ поставилъ себя въ совершенно ложное положеніе къ дѣйствительнымъ событіямъ. Онъ не только не способствовалъ жителямъ Москвы удалиться и спасти свое имущество, но помѣшалъ имъ самимъ во-время принять эту мѣру. Начавъ вывозить изъ Москвы государственныя сокровища и другіе предметы въ то время, когда огромное количество перевозочныхъ средствъ потребовалось уже для приближавшихся войскъ, естественно онъ лишилъ возможности воспользоваться ими въ надлежащемъ количествѣ какъ жителей Москвы, такъ и войска. Неминуемымъ послѣдствіемъ былъ ропотъ первыхъ и не-

---

19) Письмо гр. Ростопчина къ императору отъ 1 Сент. 1812 г.

годованіе кн. Кутузова, которое усилилось еще болѣе, когда, приблизясь въ Москвѣ, онъ узналъ, что не приготовлено никакого ополченія для ея защиты, какъ обѣщалъ ему графъ Ростопчинъ, переставшій даже отвѣчать на его письма, встрѣчая намеки на это обѣщаніе. Такое ложное отношеніе къ дѣйствительности окончилось ужаснымъ происшествіемъ — убійствомъ Верещагина.

Хотя графъ Ростопчинъ и увѣдомилъ государя, что онъ вывезъ *все* изъ Москвы, и ему нечего больше дѣлать, однако всю ночь на 2-е Сентября онъ провелъ въ безпрерывной дѣятельности. „Сей часъ по полученіи письма Кутузова, давъ приказаніе полицейскимъ офицерамъ провожать по Москвѣ армію, я приказалъ оберъ-полицмейстеру, со всѣми чинами, находившимися подъ его начальствомъ и съ 64 пожарными трубами, выступить на разсвѣтѣ изъ города и слѣдовать во Владиміръ (говоритъ онъ въ своихъ Запискахъ [20]). Такое же приказаніе я далъ начальнику гарнизона. Я послалъ моего адъютанта къ архіепископу объявить ему высочайшее повелѣніе, что онъ въ продолженіи ночи долженъ выѣхать изъ столицы и взять съ собою двѣ иконы Божіей Матери. Я безпокоился о томъ, какъ ему удастся ихъ взять. Одна, Владимірская, находилась въ

---

[20]) С. Н. Глинка говоритъ: „Кутузовъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія.

1. Для удаленія обывателей изъ Москвы, посылалъ конныхъ чиновниковъ, которые въ вечеру 1-го Сент. отъ Драгомиловской или Смоленской заставы, мчась вихремъ по улицамъ, кричали: спасайтесь, спасайтесь!

2. Къ утаенію отъ непріятеля движеній своихъ въ Москвѣ, онъ вытребовалъ не у графа Ростопчина, но у тогдашняго оберъ-полицмейстера Ивашкина, опытнѣйшихъ частныхъ приставовъ, для провожанія его дальнѣйшими дорогами, чтобы, коснувшись различныхъ заставъ, развлечь вниманіе непріятеля, а войско Русское вывесть на предположенную Рязанскую заставу.

3. Чтобы показать Наполеону, будто бы и войско и обозы движутся къ Казани, Кутузовъ приказалъ оберъ-полицмейстеру, также мимо графа Ростопчина, пустить по Владимiркѣ весь огнегасительный снарядъ, къ которому прикинулъ нѣсколько конныхъ отрядовъ. Я *видѣлъ оба* предписанія Кутузова Ивашкину, начертанныя карандашемъ собственною его рукою“ (Записки о 1812 г., стр. 65—66). Конечно Кутузову не представлялось никакой нужды скрывать отъ непріятеля движенія войскъ по Московскимъ улицамъ и вообще слова Глинки о военныхъ соображеніяхъ, основанныя вѣроятно на простой молвѣ, не имѣютъ значенія; но его увѣреніе, что онъ самъ видѣлъ записки кн. Кутузова въ Ивашкину, которое онъ повторилъ потомъ въ другомъ своемъ сочиненіи (Записки о Москвѣ отъ исхода 1812 года и до половины 1813-го, стр. 41), какъ свидѣтеля правдиваго, хотя и способнаго увлекаться, заслуживаетъ вниманія. Это обстоятельсто показывало бы недовѣріе кн. Кутузова къ Ростопчину, которое дѣйствительно существовало въ это время. При этомъ-же случаѣ разсказываетъ Глинка, что А. П. Валуевъ ему говорилъ: „подите, спросите у моего батюшки (онъ былъ вмѣстѣ съ Кутузовымъ); онъ вамъ скажетъ, какъ Михаилъ Иларіоновичъ отзывается о Ростопчинѣ“ (тамъ же, стр. 40). Письмо кн. Кутузова къ графу Ростопчину, посланное съ ад. Монтрезоромъ, не опровергаетъ показанія Глинки. Обращаясь къ графу Ростопчину, онъ въ тоже время могъ сдѣлать предписанія Ивашкину. Но въ рапортѣ Ивашкина исправлявшему должность министра полиціи С. К. Вязмитинову, изъ Владиміра отъ 27 Сентября 1812, не упоминается о предписаніяхъ кн. Кутузова; между тѣмъ въ этомъ именно рапортѣ онъ говоритъ, что графъ Ростопчинъ приказалъ ему пожарную команду и трубы отправить во Владиміръ, перебивъ напередъ всѣ бочки съ виномъ.

большомъ соборѣ; другая Иверская въ особой часовнѣ, ей посвященной. Онъ опасался и не безъ основанія, чтобы оставшееся въ Москвѣ народонаселеніе не воспрепятствовало увезти Покровительницъ столицы и что онъ самъ могъ подвергнуться опасности. Поводомъ къ такому подозрѣнію служило ему то обстоятельство, что народъ въ послѣдніе три-четыре дня началъ дѣйствительно опасаться, чтобы не увезли этихъ иконъ и посылалъ караулить ихъ ночью. По счастію, никто не явился въ этотъ день, и выѣздъ совершился скоро и спокойно; но это подозрѣніе народа было причиною того, что не могли спустить и уложить большую серебряную люстру, потому что для этого потребовалось бы по крайней мѣрѣ три дня времени".

Только за день до вступленія непріятеля въ Москву начался вывозъ церковныхъ сокровищъ, которыя были уже приготовлены къ отправленію, по распряженію архіепископа Августина. Графъ Ростопчинъ 31-го Августа прислалъ 300 подводъ, на которыхъ въ туже ночь отправлены были по Ярославской дорогѣ въ Вологду патріаршая ризница и библіотека, ризницы соборовъ, Троицкой лавры и нѣкоторыхъ другихъ монастырей, дѣла Консисторіи и Сѵнодальной Конторы. „Но можно ли было въ тогдашнихъ обстоятельствахъ (говоритъ одинъ изъ современниковъ) Московскому викарію спасти другія вещи священныя, объ утратѣ или поруганіи которыхъ скорбѣли жители Москвы? Ему должно было или сообразоваться съ дальновидными намѣреніями свѣтскаго начальства, или дѣйствовать по собственной предусмотрительности въ случаѣ непредвидѣнномъ и даже опасномъ, и при томъ передъ народомъ, тогда готовымъ требовать отчета въ дѣйствіяхъ архипастыря". Преосв. Августинъ былъ ограниченъ въ своихъ распоряженіяхъ въ этомъ случаѣ самымъ числомъ подводъ, присланныхъ ему графомъ Ростопчинымъ и его запрещеніями. Ему хотѣлось спасти драгоцѣнности, оставшіяся въ Успенскомъ соборѣ, св. мощи и чудотворныя иконы; но графъ Ростопчинъ не соглашался на это, чтобы не произвести унынія въ народѣ. Митрополитъ Платонъ, по пріѣздѣ въ Москву, спросилъ игумена Перервинскаго монастыря, все-ли онъ спасъ изъ монастырскихъ сокровищъ? — „Все лучшее и драгоцѣнное; оставилъ только серебряныя лампады въ церквахъ, чтобы не произвести волненія въ народѣ", отвѣчалъ игуменъ. — „Ступай скорѣе, возьми все и увези", возразилъ митрополитъ; „когда тать идетъ, тогда къ чему такіе разсчеты?".

Такими разсчетами и руководствовался графъ Ростопчинъ и — не безъ основанія. Остававшееся въ Москвѣ незначительное количество жителей было взволновано только что распространившимся его воззваніемъ на *Три Горы*. Тамъ собрались толпы народа и ожидали главнокомандующаго и архіепископа, чтобы онъ благословилъ ихъ на брань, и даже митрополита Платона, котораго именно въ этотъ день едва уговорили выѣхать изъ Москвы. На другой день, 1-го Сентября, когда церковь празднуетъ *новолѣтіе* и молится о *лѣтѣ Господнемъ благопріятнѣмъ*, Августинъ служилъ литургію въ Успенскомъ соборѣ. „Соборъ былъ полонъ народа и рыданія". Зарыдалъ и самъ преосвященный и сослужившіе съ нимъ, когда, складывая антиминсъ, онъ сказалъ: „Скоро ли снова Господь удостоитъ насъ служить въ этомъ храмѣ?" Послѣ литургіи, среди обозовъ, тянувшихся по улицамъ Москвы, онъ едва проѣхалъ на Тверскую, на свое Савинское подворье; но и тамъ осадили его народныя толпы, освѣдомляясь, когда поѣдетъ онъ на Три Горы. Приказавъ затворить ворота подворья и приготовить лошадей къ отъѣзду съ чудотворными иконами, онъ постоянно посылалъ къ главнокомандующему спросить объ оконча-

тельныхъ его распоряженіяхъ. Такъ прошелъ день, настатъ вечеръ, и только въ полночь ему принесли слѣдующее письмо графа Ростопчина: „Преосвященный Августинъ! Печальное рѣшеніе кн. Кутузова отдать столицу должно рѣшить выѣздъ вашего преосвященства по полученіи сего немедленно. Трактъ назначается вамъ на Владиміръ. При семъ объявляю вамъ Высочайшее повелѣніе вывезти изъ Москвы три иконы, Владимірскую, что̀ въ Успенскомъ соборѣ, Иверскую и Смоленской Богородицы".— Преосвященный, съ небывалою для него торопливостью (говоритъ свидѣтель-очевидецъ) распечаталъ пакетъ, съ явнымъ на лицѣ огорченіемъ прочиталъ письмо графа и сказалъ намъ: „дѣло рѣшено". Немедленно онъ сдѣлалъ распоряженія, отправилъ своего секретаря въ Успенскій соборъ, а игумена Перервинскаго монастыря въ Иверскую часовню, принадлежащую этому монастырю. „Я пріѣхалъ въ часовню, говоритъ игуменъ, хотя въ ночное уже время, однакоже засталъ многихъ, то входящихъ, то выходящихъ въ часовню, для поклоненія чудотворной иконѣ. Горѣвшія лампада и свѣчи разливали яркій свѣтъ по всей улицѣ. Посему, чтобы непримѣтнѣе, такъ сказать, скрыть икону отъ молящихся, я приказалъ жившему при часовнѣ іеромонаху облачиться въ священническія одежды, нести передъ иконою зажженную свѣчу и съ пѣніемъ псаломщиками богородичныхъ стиховъ нести икону, сказывая другимъ, что она подымается для болящаго, а на мѣсто ея поставилъ съ нея списокъ, что̀ безпрепятственно отъ народа было исполнено. Въ сію ночь, кажется, весь городъ находился въ безпрестанномъ движеніи, и зарево со стороны Можайска освѣщало полъ-неба, такъ что отъ него въ улицахъ было свѣтло". Въ два часа утра преосвященный выѣхалъ изъ Москвы съ чудотворными иконами, спасая что̀ было возможно на 14 подводахъ, оставленныхъ ему въ распоряженіе [21]).

„Но что для меня было особенно важно—это отправленіе раненыхъ и больныхъ, говоритъ графъ Ростопчинъ. Пять дней тому назадъ, у одной изъ городскихъ заставъ, на лугу стояло пять тысячъ подводъ съ упряжью, подъ надзоромъ довольно значительной стражи, чтобы какъ нибудь ночью возщики не разошлись. Надзирателю этой стражи велѣно было не давать никому ни одной подводы безъ приказа, мною самимъ подписаннаго. Получивъ письмо Кутузова, извѣщавшее объ отступленіи, я послалъ довѣреннаго человѣка, который распорядился, чтобы немедленно всѣ подводы были запряжены и отправлены къ госпиталямъ, куда уже было отдано мною приказаніе помѣстить на подводы сколько возможно раненыхъ и объявить другимъ, что непріятель войдетъ въ городъ и что они потихоньку могутъ слѣдовать за обозомъ, который перевезетъ наиболѣе страждующихъ въ Коломну, гдѣ ожидаютъ ихъ барки и всякая помощь. Болѣе 20 тыс. помѣстились на подводахъ, не безъ суматохи конечно и споровъ, а другіе слѣдовали за ними пѣшкомъ. Весь этотъ поѣздъ двинулся въ 6 часовъ утра, но опасно раненые рѣшились остаться и ожидать непріятеля и смерти. Ихъ было до двухъ тыс., а по возвращеніи моемъ я нашелъ изъ нихъ живыми до 300. Этотъ поѣздъ, безпримѣрный въ исторіи чрезвычайныхъ происшествій, на 4-й день прибылъ въ Коломну; больные были помѣщены на барки и препровождены въ три города Рязанской губерніи, гдѣ ихъ помѣстили, кормили и заботились о нихъ подъ дѣятельнымъ надзоромъ профессора Лодера, котораго я назначилъ главнымъ докторомъ

[21]) Записки игумена Перервинскаго монастыря о. Лаврентія (Маякъ, 1842 г. т. II, № 4 стр. 54—57); Снегирева, Очерки жизни пр. Августина, стр. 31 — 34; Жизнь митроп. Платона, ч. II., стр. 48—49.

госпиталей. Его просвѣщенной и человѣколюбивой заботливости досталась лучшая награда—полное право сказать: я спасъ жизнь тысячамъ больныхъ и раненыхъ. Наполеонъ въ одномъ изъ своихъ бюллетеней упрекалъ меня въ жестокомъ поступкѣ, что я обрекъ на смерть нѣсколько тысячь раненыхъ солдатъ, оставленныхъ въ госпиталяхъ; но если бы онъ хотѣлъ быть справедливымъ, то долженъ бы благодарить меня, что я вывезъ изъ Москвы 25 тысячь, которыя бы всѣ померли въ ней съ голоду. Исторія обвинила бы Наполеона въ смерти этихъ несчастныхъ, попавшихся ему въ качествѣ военноплѣнныхъ.—Около полуночи я отправилъ къ государю нарочнаго съ извѣстіемъ, что Москва отдается въ руки непріятелю. Я отправилъ въ Ярославль шарлатана Шмидта. Написавъ уже нѣсколько строкъ письма къ государю, я замѣтилъ, что листъ бумаги, на которомъ я писалъ, разорванъ; я взялъ другой, а этотъ остался на моемъ письменномъ столѣ и послужилъ поводомъ Наполеону объявить въ одномъ изъ своихъ бюллетеней: „что въ смущеніи, въ какомъ я находился, я забылъ на моемъ столѣ недоконченное письмо къ государю“.

Дѣйствительно, въ пресловутыхъ бюллетеняхъ великой арміи, Наполеонъ объявлялъ, что „30 тысячь раненыхъ или больныхъ Русскихъ находятся въ Москвѣ въ госпиталяхъ, оставленные безъ помощи и пищи“, что „въ домѣ этого негоднаго Ростопчина (ce misérable Rostopchine) нашли нѣкоторыя бумаги и одно неоконченное письмо“ [22]). Эти бумаги, „по большей части ничего незначущія“, говоритъ графъ Ростопчинъ, были отбиты казаками во время бѣгства Наполеона и доставлены обратно къ нему.

Конечно число оставшихся въ Москвѣ раненыхъ не простиралось до числа указаннаго Наполеономъ; но въ ней остались не одни только тяжело раненые, которые сами не захотѣли или не могли уже выѣхать; напротивъ, подводъ не достало и для нѣкоторыхъ изъ раненыхъ, которые желали покинуть Москву и не достаться въ жертву непріятелю. Въ Голицинской больницѣ помѣщали тяжело раненыхъ; въ числѣ ихъ находился А. С. Норовъ, лишившійся ноги при Бородинѣ. 1-го Сентября, пишетъ онъ, „явился ко мнѣ въ больницу какой-то крестьянинъ и подалъ мнѣ адресованную на мое имя записку, писанную карандашемъ. Эта записка была отъ моего друга, штабсъ-капитана Лодыгина, слѣдующаго содержанія: „Пишу тебѣ, мой другъ, на пушкѣ; мы оставляемъ Москву, непріятель вступаетъ за нами, спасайся если можешь и заяви товарищамъ“. Больно легли мнѣ на сердце слова: „мы оставляемъ Москву“, но истина явилась во всей наготѣ. При мнѣ были мои два человѣка и больная женщина; я немедленно послалъ обоихъ моихъ людей отыскивать какой нибудь экипажъ и лошадей; къ вечеру нашли какую-то бричку, но лошадей не было“ [23]). Лошадей не нашли: ихъ нельзя было найти въ Москвѣ въ это время, когда всѣ спѣшили выѣхать и когда огромное количество перевозочныхъ средствъ было забрано правительствомъ и охранялось стражею. Изъ этого разсказа не видно, чтобы раненымъ, находившимся въ Голицинской больницѣ, предлагали выѣхать изъ Москвы. Туда не присылали подводъ, вѣроятно по ихъ недостатку и потому, что въ этой больницѣ помѣщались тяжело раненые. Ихъ даже не посѣщали доктора въ послѣдніе дни передъ вступленіемъ непріятеля. Мы это можемъ объяснить только суматохою, господствовавшею въ это время и недостаткомъ

---

[22]) Бюллетени великой арміи №№ 19 и 20; Правда о пожарѣ Москвы, стр. 232 и 234.

[23]) А. С. Норова: Война и Миръ, по поводу сочиненія гр. Толстаго, стр. 49.

въ медикахъ. Главное начальство надъ военными госпиталями въ это время поручено было извѣстному профессору Московскаго университета Лодеру. Ему поручено было устройство этихъ госпиталей на 6 тыс. человѣкъ офицеровъ и 31 тыс. нижнихъ чиновъ. Подъ его главнымъ попечительствомъ находились и вывезенные изъ Москвы въ Рязанскую губернію раненые. По свидѣтельству графа Ростопчина, подкрѣпляемому и другими показаніями современниковъ, Лодеръ съ такимъ усердіемъ исправлялъ возложенныя на него порученія, что заслужилъ общую признательность [24].

„Въ 11 часовъ вечера (продолжаетъ свой разсказъ графъ Ростопчинъ), мнѣ доложили о пріѣздѣ принцевъ Виртембергскаго и Августа Ольденбургскаго. Одинъ былъ полнымъ генераломъ, другой генералъ-лейтенантомъ нашихъ войскъ. Они оба пріѣхали просить меня, чтобы вмѣстѣ ѣхать къ кн. Кутузову убѣждать его не оставлять Москву и дать сраженіе непріятелю. Мое объясненіе съ ними было очень коротко. Когда я спросилъ, была ли ими заявлена въ военномъ совѣтѣ необходимость сраженія, они отвѣчали, что даже и не присутствовали въ совѣтѣ. Я замѣтилъ ихъ высочествамъ, что одинъ изъ нихъ дядя, а другой двоюродный братъ императора, и потому они гораздо болѣе меня имѣютъ права своими совѣтами заставить кн. Кутузова измѣнить рѣшеніе; при томъ мнѣ еще остается такъ много дѣла до утра, что я не могу посвятить трехъ или четырыхъ часовъ на поѣздку, особенно когда предвижу, что она будетъ безполезна. Принцы мнѣ объявили, что они были у кн. Кутузова; но ихъ не впустили къ нему, объявивъ, что онъ спитъ. Долго они жаловались на кн. Кутузова и рѣзко судили о его поступкѣ, прежде чѣмъ наконецъ оставили меня. Почти въ слѣдъ за ними явились ко мнѣ 5 или 6 юношей изъ хорошихъ семействъ и умоляли со слезами на глазахъ ѣхать къ кн. Кутузову и уговорить его отмѣнить приказъ объ отступленіи (которое уже совершалось: артилерія проходила уже по внѣшнимъ бульварамъ). Они были въ отчаяніи и почитали лично для себя оскорбленіемъ это отступленіе и оставленіе Москвы въ добычу непріятелямъ. Я успокоилъ, сколько могъ, благородный порывъ юности, и эти господа ушли отъ меня, оставаясь одинаково недовольны какъ мною, что я не помѣшалъ кн. Кутузову отступать, такъ и имъ, что онъ не далъ Наполеону разбить себя на голову. Въ то время, когда я запиралъ въ одинъ ящикъ бумаги, которыя намѣревался увезти съ собою, услышалъ я крики и плачь подлѣ моего кабинета. Когда я вышелъ, трое Грузинъ бросились мнѣ въ ноги и объявили, что двухъ Грузинскихъ царицъ, двухъ князей и патріарха забылъ въ Москвѣ г. Валуевъ, на попеченіе котораго я ихъ отдалъ. Не знаю уже, гдѣ и какимъ образомъ нашли имъ до 15 лошадей, и всѣ эти потомки Грузинскихъ царей отправились въ путь; царевны въ каретахъ, а ихъ дворъ пѣшкомъ“.

„Мнѣ не давали покоя ни на минуту. Ко мнѣ непрерывно приходили люди всѣхъ состояній; одни просили подводъ, другіе денегъ, не имѣя средствъ выѣхать изъ Москвы. Одинъ полицейскій офицеръ, котораго я зналъ, пришелъ ко мнѣ въ слезахъ и привелъ съ собою 3-хъ лѣтняго ребенка, котораго забыла мать, уѣхавъ изъ Москвы. Я дѣлалъ все возможное, чтобы удовлетворить требованіямъ этихъ несчастныхъ. Что касается до денегъ, то я растратилъ столько, что выѣхалъ изъ Москвы и очень богатымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ бѣднымъ человѣкомъ: потому что у меня было

---

[24]) Біогр. словарь профессоровъ Москов. университета, 1855 г., ч, I. стр. 471.

130 тыс. экстраординарной суммы, оставшейся у меня и — 630 р. собственно мнѣ принадлежавшихъ денегъ. Къ счастію, мысль о томъ, гдѣ ихъ достать въ послѣдствіи, въ это время не приходила въ голову".

„Я велѣлъ спросить у полицейскихъ офицеровъ, не найдется ли между ними нѣсколько такихъ, которые бы согласились переодѣтыми остаться въ Москвѣ и посылать мнѣ донесенія въ главную квартиру черезъ казачьи аванпосты, къ которымъ они могли приближаться, проходя чрезъ Сокольничій лѣсъ. Мнѣ нужно было шесть человѣкъ; но вызвалось только пять, кромѣ одного еще, котораго я самъ избралъ. Они исполняли порученіе съ умомъ, ревностію и большою находчивостію. Къ счастію, и не подозрѣвали даже ихъ присутствія. Я всѣхъ ихъ нашелъ по возвращеніи въ Москву, и государь ихъ щедро наградилъ".

„Около утра къ мнѣ явился г. Загряжскій, который прежде состоялъ при императорѣ Павлѣ берейторомъ, — личность пошлая, хвастунъ и лошадиный барышникъ. Онъ мнѣ объявилъ, что его жена не прислала за нимъ лошадей изъ деревни, и потому, закопавъ въ саду все свое имущество, онъ намѣренъ оставаться въ Москвѣ, чтобы его оберегать. Я ему замѣтилъ, что онъ можетъ подвергнуться большимъ непріятностямъ, что я не могу ему ни давать приказаній, ни позволенія въ этомъ случаѣ. Но этотъ человѣкъ уже обдумалъ свой образъ дѣйствій; онъ остался и потомъ явился къ гр. Коленкуру, который его зналъ, потому что онъ покупалъ ему лошадей въ то время, какъ онъ былъ посланникомъ въ Россіи. Онъ принялъ на себя попеченіе надъ конюшнею Наполеона и устроилъ мастерскую для починки сѣделъ Французской кавалеріи".

Такъ провелъ графъ Ростопчинъ день и ночь, наканунѣ вступленія Французовъ въ Москву, — послѣдніе сутки его неутомимой дѣятельности. „Другой на моемъ мѣстѣ, писалъ онъ въ послѣдствіи, можетъ быть не былъ бы такъ дѣятеленъ; но были три причины, которыя постоянно возбуждали мое рвеніе въ это злополучное время: слава моего Отечества, важность мѣста, которое ввѣрилъ мнѣ мой государь, и признательность къ благодѣяніямъ, которыми осыпалъ меня императоръ Павелъ. Занятій было такъ много, что я не имѣлъ времени сдѣлаться больнымъ, и не могу понять, какъ могъ я перенести столько трудовъ. Со взятія Смоленска и до моего выѣзда изъ Москвы, въ продолженіи 23-хъ дней, я не ложился спать въ постель. Я спалъ одѣтый на диванѣ; меня постоянно будили, чтобы читать извѣстія, которыя приходили со всѣхъ сторонъ, говорить съ курьерами и часто, немедленно снова отправлять ихъ. Я пріобрѣлъ увѣренность, что всегда найдутся способы быть полезнымъ Отечеству. Когда слышишь взывающій его голосъ: „жертвуй собою для моего спасенія", тогда пренебрегаешь опасностями, превозмогаешь препятствія, закрываешь глаза на будущее; но лишь только займешься самимъ собою, станешь разсчитывать: то ничего не сдѣлаешь порядочнаго и войдешь въ общую толпу народа" [25]).

Но что же дѣлалось въ Москвѣ въ этотъ день? Баронъ Левенштернъ, котораго изъ лагеря графъ Ростопчинъ пригласилъ въ городъ, говоритъ, что она „показалась ему чрезвычайно пуста; только трактиры были полны, но и тамъ никто не веселился. Настроеніе было сурово, въ выраженіяхъ лицъ простыхъ, бородатыхъ людей замѣтно было волненіе, ожиданіе, недовѣріе и какая-то отчаянная рѣшимость; глаза блистали иногда какой-то непреклонной смѣлостью" [26]). Тѣ которые еще не уѣхали спѣ-

---

[25]) Правда о пожарѣ Москвы, стр. 220 и 272.

[26]) Denkwürdigkeiten, ч. I, стр. 239.

шили уѣзжать, прятали свое имущество или сами уничтожали. С. Н. Глинка 1-го Сентября отправилъ изъ Москвы свою семью. „Потерявъ изъ виду отъѣзжающихъ друзей моего сердца, говоритъ онъ, и *по обязанности моей* объѣхавъ съ братомъ моимъ окрестныя селенія, возвратился я въ безмолвную, унылую Москву, предчувствовавшую, но неслыхавшую еще рѣшительнаго слова о своемъ жребіи" [27]). Графъ Ростопчинъ не объявилъ, да и не имѣлъ времени объявить объ отступленіи нашихъ войскъ чрезъ Москву. Въ тотъ же день съ вечера началось отступленіе войскъ через Москву. Обозъ прошелъ ночью за Рогожскую заставу. Въ три часа утра 2 Сентября, когда еще не начинался разсвѣтъ, двинулись передовыя части войскъ. За ними послѣдовала вся армія; въ 8 часовъ утра присоединился къ ней князь Кутузовъ со своимъ штабомъ. Но деревянный Дорогомиловскій мостъ не выдержалъ тягости двигавшагося по немъ войска, фуръ и пушекъ: онъ повредился и остановилъ движеніе. Столпилось огромное число войскъ по одной изъ сторонъ Москвы-рѣки, и произошло замѣшательство. Распорядившись починкою моста, кн. Кутузовъ обратился къ окружавшей его свитѣ и спросилъ: „кто изъ васъ знаетъ Москву?" Вызвался князь А. Б. Голицынъ.—„Проводи меня такъ, чтобы сколько можно ни съ кѣмъ не встрѣтиться", сказалъ ему главнокомандующій. „Онъ ѣхалъ верхомъ отъ Арбатскихъ воротъ вдоль по бульварамъ до Яузскаго моста. Во все время его проѣзда до мосту его дѣйствительно никто не видалъ, и онъ ни отъ кого не получалъ ни одного донесенія" [28]). Съ возвышеннаго берега Москвы-рѣки у Дорогомиловскаго моста можно было наблюдать за движеніемъ войскъ. „Мы смотрѣли оттуда, говоритъ одинъ изъ свидѣтелей, на вѣяніе отступавшихъ нашихъ знаменъ. Кутузовъ ѣхалъ верхомъ, спокойно и величаво; а полки наши, объятые недоумѣніемъ, тянулись въ глубокомъ молчаніи, но не изъявляя ни отчаянія, ни негодованія. Они еще думали, что сразятся въ Москвѣ за Москву" [29]). Барклай-де-Толли ревностно устраивалъ отступленіе: 18 часовъ онъ не сходилъ съ лошади; его адъютанты разставлены были по разнымъ мѣстамъ города, чтобы наблюдать за порядкомъ движенія войскъ и немедленно доносить ему, если бы случилось какое нибудь затрудненіе или безпорядокъ [30]). Починка Дорогомиловскаго моста озабочивала фельдмаршала. Онъ послалъ туда Вольцогена, который, прибывъ на мѣсто, нашелъ большое скопленіе войскъ на берегу; но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтилъ, что возлѣ моста въ бродъ проходили по рѣкѣ фуры съ провіантомъ. Онъ указалъ на это генералу Маркову, который по этому броду и провелъ ополченцовъ. Между тѣмъ мостъ былъ исправленъ, и движеніе пошло своимъ порядкомъ. Барклай отъѣхалъ къ каменному мосту и, остановясь тамъ, наблюдалъ за движеніемъ войскъ. Вдругъ донесли ему, что солдаты грабятъ Гостиный дворъ. Но посланный туда адъютантъ привезъ ему извѣстіе, что сами купцы пригласили солдатъ въ свои лавки, желая, чтобы ихъ товары лучше достались своимъ, нежели непріятелямъ. Такое приглашеніе, случавшееся и въ другихъ улицахъ Москвы, производило однако безпорядки, которые прекращались не безъ усилій. Но вообще „отступленіе производилось въ строгомъ порядкѣ и въ унылой тишинѣ. Приближаясь къ осиротѣлой столицѣ, матери городовъ Русскихъ, воины съ сокрушенными

---

[27]) С. Н. Глинка, Записки о 1812 г., стр. 63—63, Ѳ. Н. Глинки, Письма Русск. офицера, стр. 27—28.

[28]) Записка о 1812 г. князя А. Б. Голицына.

[29]) С. Н. Глинка, Записки о 1812 г., стр. 67.

[30]) Левенштернъ, Denkwürdigkeiten, ч. I, стр. 240.

сердцами взирали на великолѣпныя зданія, оставляемыя врагу: домъ Пашкова, многіе другіе огромные и красивые дома, наконецъ Кремль съ своими башнями, и съ высокими палатами древнихъ царей Русскихъ, и съ златоглавымъ Иваномъ Великимъ, безмолвными свидѣтелями предстоявшихъ бѣдствій—все это оставлялось въ жертву непріятелю. И тысячи Русскихъ бѣгутъ отъ него съ оружіемъ въ рукахъ! Такія скорбныя мысли приводили насъ въ неописанную горесть и, стѣсняя грудь, исторгали слезы. Несчастные жители своимъ отчаяніемъ увеличивали общую горесть. Священники передъ церквами, въ полномъ облаченіи, благословляли святымъ крестомъ и кропили святою водою проходившихъ мимо солдатъ, освѣжая тѣмъ упадшій духъ. На каждомъ шагу представлялись горестныя явленія: женщины, старики, дѣти плакали и выли, не зная, куда дѣваться. Иные выбѣгали изъ домовъ, блѣдные отчаянные и суетились, не понимая о чемъ: все въ глазахъ ихъ разрушалось и казалось приближеніемъ Антихриста, свѣтопреставленіемъ.... Мужественнѣйшіе воины содрогались, взирая на такія явленія въ погибающей столицѣ своего Отечества. Общее движеніе, шумъ проходящихъ, мракъ осенняго дня и страшная мысль о приближеніи непріятеля были предзнаменованіемъ всѣхъ ужасовъ разрушенія Москвы. Солдаты шли уныло въ рядахъ, генералы и офицеры по своимъ мѣстамъ. Во время прохода войскъ по набережной между Кремлевскою стѣною и рѣкою, у каменнаго моста, для наблюденія за порядкомъ, стоялъ главнокомандующій первою арміею. Мы прошли за Кремль, внутрь города и всюду видѣли горе, плачъ, отчаяніе. Офицеры стали сходиться вмѣстѣ для бесѣды о предстоящемъ, которое для всѣхъ было чрезвычайно непонятно; тутъ и рядовые, подъ предлогомъ напиться водицы, ускользали въ ближайшія лавочки, дома и погреба, открытые какъ будто для угощенія проходящихъ: тамъ-то прощались они съ матушкой-Москвой..... Передъ заставою мы вышли на большую, широкую улицу, заставленную въ нѣсколько рядовъ обозами; коляски, брички, телѣги ѣхали вмѣстѣ съ артиллеріею по обѣ стороны... Тутъ представлялась странная смѣсь всякаго званія людей и экипажей; повозки были наполнены сундуками, узлами и перинами, на которыхъ сидѣли служанки, а лакеи сзади повозокъ вели лошадей и борзыхъ собакъ. Казалось, всякій въ торопяхъ забиралъ только одни любимые предметы для спасенія изъ города. Иныя повозки вытѣсняли одна другую изъ рядовъ. Фигнеръ позволилъ многимъ изъ нихъ пристать къ своей артилеріи, до самаго выѣзда“ [31]).

Только утромъ, 2 Сентября, остававшіеся въ Москвѣ жители узнали о движеніи черезъ городъ Русскихъ войскъ, покидавшихъ Москву въ добычу непріятелю. Это извѣстіе конечно прежде всего распространилось по тѣмъ улицамъ и частямъ города, по которымъ довершалось движеніе войскъ; въ отдаленныя части оно проникало постепенно, и въ нѣкоторыхъ узнали только тогда, когда непріятели уже заняли Москву. Для многихъ даже самое движеніе черезъ Москву нашихъ войскъ было непонятно, и они смотрѣли на него, не подозрѣвая его значенія. „Какъ теперь помню (говоритъ одинъ изъ военныхъ, дѣйствовавшихъ въ это время, лицъ), ѣду мимо одного дома и вижу у отвореннаго окна пожилую женщину съ двумя молодыми дѣвушками, вѣроятно мать съ дочерьми. Я удивленнымъ тономъ спросилъ: „что вы тутъ дѣлаете? вѣдь Французы идутъ за нами по пятамъ; вы можете попасть въ плѣнъ“. Дама сначала не хотѣла этому

---

[31]) Записки артилериста ч. I, стр. 169—171; Записки Ермолова т. II, стр. 213; Бернгарди, Denkwürdigkeiten aus dem Leben des Gr. Toll, т. II, стр. 146—147.

вѣрить, но вдругъ подскакалъ какой-то мужчина, проговорилъ въ торопяхъ нѣсколько словъ, и вотъ въ домѣ поднялся ужасный крикъ: лошадей, экипажи, Французы" [32]). Изъ остававшихся еще въ Москвѣ жителей всѣ почти, имѣвшіе какую либо возможность, принимали мѣры для обезпеченія своего выѣзда изъ Москвы, зарывали или вообще прятали въ тайныя мѣста имущество, котораго не считали возможнымъ вывезти, укладывали другое въ экипажи и подводы и держали на готовѣ лошадей. Все это двинулось вмѣстѣ съ войсками съ утра 2-го Сентября; но тѣ, которые узнали поздно объ оставленіи Москвы, около вечера этого дня, уже случайно могли выбраться изъ города, а большею частію попадались въ плѣнъ непріятелямъ, занимавшимъ уже столицу. Нѣкоторые даже и въ это время, смотря уже на отъѣзжающихъ своихъ знакомыхъ, спрашивали, куда они ѣдутъ, и когда имъ отвѣчали, что ѣдутъ отъ Французовъ, говорили: какіе это Французы, это Англичане пришли къ намъ на помощь" [33]).

Къ длиннымъ вереницамъ обозовъ, состоявшихъ изъ всевозможныхъ родовъ экипажей, тянувшихся къ Владимірской, Ярославской и Рязанской заставамъ изъ всѣхъ улицъ Москвы, присоединялось огромное количество пѣшеходовъ, уносившихъ каждый что́ могъ или, лучше, что́ схватилъ въ торопяхъ изъ своего имущества. Это переселеніе жителей Москвы, двинувшееся вмѣстѣ съ движеніемъ войскъ по огромному городу, изрѣзанному большею частію узкими и неправильными улицами, безъ сомнѣнія, затрудняло движеніе войскъ и давало трудную задачу нашему авангарду удержать стремленіе непріятеля и замедлять его вступленіе въ городъ, который онъ считалъ послѣднею цѣлью своего труднаго и долгаго похода. Обстоятельство это не ускользнуло отъ вниманія кн. Кутузова. Онъ понималъ, что быстрое движеніе Французскаго авангарда, горѣвшаго нетерпѣніемъ войдти въ Москву, можетъ быть гибельно не только для спасавшихся жителей Москвы, но и для значительной части войскъ, которой движеніе они затрудняли на каждомъ шагу. Пріѣхавъ къ Рогожской заставѣ, онъ послалъ Ермолова къ генералу Милорадовичу сказать, „чтобы онъ, сколько возможно, удерживалъ непріятеля или бы условился съ нимъ, дабы имѣть время вывезти изъ города тяжести". У Дорогомиловскаго моста Ермоловъ встрѣтилъ генерала Раевскаго, начальствовавшаго частью аріергарда и передалъ ему это порученіе. „Сойдя съ лошадей, говоритъ онъ, мы поговорили нѣкоторое время, смотря на Москву, погрустили о ней; впереди ничего не представлялось намъ утѣшительнаго, и большой перемѣны въ положеніи нашемъ предвидѣть было невозможно. Отъ кн. Кутузова чего-то ожидали, но не съ полною предавались довѣренностію". Генералъ Милорадовичъ, блистательно исполнивъ возложенное на него трудное порученіе, оказалъ великую услугу не только несчастнымъ Московскимъ жителямъ, но и самимъ нашимъ войскамъ.

„Отъ кн. Кутузова чего-то ожидали," говоритъ А. П. Ермоловъ, весьма двусмысленно относившійся къ нему, какъ это видно изъ его Записокъ, —и эти слова объясняютъ, почему войска не теряли надежды. „Я наблюдалъ, говоритъ онъ далѣе, какое дѣйствіе произведетъ надъ войсками оставленіе Москвы и замѣтилъ съ радостію, что солдатъ не терялъ духа, не допускалъ ропота. Начальниковъ поражала потеря древней столицы. Въ Москвѣ уже было мало жителей и по большей части не имѣю-

---

[32]) Изъ записокъ ген. Ковальскаго, Русс. Вѣстникъ 1871 г. Январь, стр. 93.

[33]) Н. Г. Кичеева: Изъ недавней старины. М. 1870 г., стр. 6—13.

щихъ пристанища въ другомъ мѣстѣ. Домы были пусты и заперты, обширныя площади уподоблялись степямъ, въ нѣкоторыхъ улицахъ не встрѣчалось человѣка. Въ рѣдкой изъ церквей не было молящихся жертвъ, которыя оставлялись на произволъ враговъ безчеловѣчныхъ. Душу мою раздиралъ стонъ раненыхъ, оставляемыхъ во власти непріятеля. Съ негодованіемъ смотрѣли на это войска" [34]).

Тяжело раненые, остававшіеся въ Москвѣ, находились въ больницахъ и слѣдовательно не могли *своимъ стономъ раздирать душу* воиновъ; остальные были всѣ вывезены въ ночь. Правда, при этомъ огромномъ обозѣ, но все таки не могшемъ поднять всѣхъ, тѣ изъ раненыхъ, которые могли идти, отправились пѣшкомъ. Быть можетъ нѣкоторые изъ нихъ отставали вслѣдствіе изнуренія и встрѣчались съ отступавшими войсками на улицахъ Московскихъ. Но вѣроятнѣе, что это были раненые въ послѣднихъ дѣлахъ нашего аріергарда, которые вмѣстѣ съ самими войсками вошли въ Москву. Конечно войска, не имѣя достаточныхъ средствъ, не могли всѣхъ ихъ увезти съ собою, и нѣкоторые изъ тѣхъ, которые шли пѣшкомъ, могли отставать отъ нихъ и даже остаться въ Москвѣ. *Войска* могли смотрѣть съ сожалѣніемъ на этихъ несчастныхъ; но едвали съ негодованіемъ на кого-либо, потому что не на кого было негодовать. Впрочемъ, какія бы горькія чувства ни волновали Русскихъ воиновъ въ это тяжелое время, важно то, что они не *роптали*, не *теряли духа*. Это состояніе духа происходило отъ того глубокаго довѣрія, которое они питали къ своему предводителю. „Проходя по улицамъ этой древней столицы, говоритъ свидѣтель происшествія, тоже не расположенный къ кн. Кутузову, солдаты и офицеры плакали. Кутузовъ отдавалъ ее на произволъ непріятелю и, сдѣлай это Барклай — въ войскахъ несомнѣнно произошло бы возмущеніе" [35]). Въ общемъ настроеніи Русскихъ войскъ, солдатъ и большей части офицеровъ, терялись и исчезали всякое частное чувство и особенныя мысли и соображенія отдѣльныхъ лицъ. „Войска во время отступленія по Москвѣ казались смущенными и убитыми. Но къ этому примѣшивалась и досада; подозрѣвали даже измѣну, смотрѣли съ недовѣріемъ на всѣхъ не-Русскихъ по происхожденію, и этого упрека не избѣжалъ даже Барклай, столько разъ доказавшій на дѣлѣ свою преданность Отечеству. Многіе явно называли его измѣнникомъ. Между знатными офицерами были и другіе причины грусти; одни жалѣли о своихъ оставленныхъ въ Москвѣ палатахъ, другіе объ участи родныхъ и друзей; большинство же и можно даже сказать почти всѣ испытывали чувство униженія: богатую столицу, древній городъ, матушку-Москву оставлять въ добычу непріятелю! Гнѣвъ мѣшался съ чувствомъ мести, и тогда уже нѣкоторые восклицали, что этотъ позоръ можетъ быть изглаженъ только вступленіемъ въ Парижъ. Это были голоса въ пустынѣ. Какимъ образомъ непобѣдимаго, предъ которымъ пала вся Европа и теперь Москва, можно было надѣяться прогнать во Францію, въ Парижъ? — А между тѣмъ это желаніе совершилось" [36]).

Менѣе всего впрочемъ можно подозрѣвать богатыхъ Русскихъ дворянъ въ томъ, чтобы они сожалѣли о своихъ Московскихъ домахъ, въ смыслѣ потери имущества. „Вечеромъ 1-го Сентября, разсказываетъ гр. Ростопчинъ, я отправилъ моего слугу на мою дачу, чтобы привезть оттуда

---

[34]) Записки Ермолова, т. I, стр. 214—215.

[35]) Изъ Записокъ генер. Ковальскаго, стр. 93.

[36]) Левенштернъ, Denkwürdgkeiten, ч. I, стр. 241—242.

два портрета, которые мнѣ были очень дороги: одинъ — моей жены, другой императора Павла. Нельзя здѣсь не замѣтить, что я оставилъ все мое имущество въ моихъ двухъ домахъ, картины, книги, бронзу, фарфоръ, экипажи, погреба, напередъ зная, что все будетъ разграблено. Я хотѣлъ понести такія же потери, какъ и другіе, быть въ одинаковомъ положеніи съ другими жителями Москвы, у которыхъ были тамъ свои дома. Двадцать подводъ увезли бы все это имущество, стоившее до полумилліона. У меня были тысячи лошадей въ распоряженіи, и сверхъ того изъ моего Воронова я могъ вытребовать до 500; но я всѣмъ пожертвовалъ. Въ это время не обратили на это вниманія, а послѣ смѣялись. Со мною случилось тоже, что̀ часто случается, что хорошія душевныя движенія, безъ всякаго расчета, приписываютъ глупости". Это чувство выразилось въ то время не въ одномъ графѣ Ростопчинѣ, но во многихъ богатыхъ Русскихъ, имѣвшихъ, также какъ и онъ, всѣ средства спасти свое имущество и оставившихъ его въ своихъ Московскихъ дворцахъ на расхищеніе непріятелю. „Владѣльцы, потерявшіе наиболѣе при вторженіи непріятеля въ Москву, писалъ онъ впослѣдствіи, даже не представили отъ себя свѣдѣнія о потеряхъ въ коммисію вспоможенія; между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что оба графа Разумовскіе, генералъ Апраксинъ, гр. Бутурлинъ и я, мы потеряли какъ въ городскихъ, такъ и сельскихъ домахъ и движимомъ имуществѣ, болѣе нежели на пять милліоновъ рублей. Изъ библіотеки гр. Бутурлина, которую цѣнили въ милліонъ, не осталось ни одного тома. Воспоминаніе объ этихъ потеряхъ перейдетъ по наслѣдству къ дѣтямъ [37])". Нѣтъ никакого сомнѣнія, что имущества этихъ лицъ могли быть спасены; впослѣдствіи и *удивлялись неосторожности Москвичей* [38]). Простительно бѣдняку хлопотать о спасеніи своего имущества, потомъ и трудомъ пріобрѣтеннаго и обезпечивающаго его существованіе даже въ грозное время гибели Отечества; но кто же не оцѣнитъ высокое, безотчетное и безсознательное чувство какъ бы презрѣнія къ мысли и заботамъ о спасеніи своего частнаго имущества въ подобное время, со стороны нашего богатаго дворянства?

Едва наши войска прошли Москву, какъ всѣ улицы, которыми они слѣдовали, покрылись снова подводами, экипажами и толпами пѣшеходовъ, со всѣхъ сторонъ тѣснившимися на главныхъ путяхъ, ведущихъ къ заставамъ, противоположнымъ Дорогомиловской; а между тѣмъ въ это время вступалъ въ нее нашъ аріергардъ. Милорадовичъ къ тремъ часамъ пополудни только въѣхалъ въ Дорогомиловскую заставу и поспѣшилъ къ своей пѣхотѣ, уже отступавшей по городу. Когда съ своею свитою онъ подъѣхалъ къ Кремлю, его поразило странное зрѣлище: графъ Ростопчинъ еще ночью сдѣлалъ распоряженіе, чтобы Московскій гарнизонный полкъ, находившійся подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Брозина, выступилъ изъ Москвы; но его распоряженіе приводилось въ исполненіе только въ это время. Полкъ шелъ съ музыкою, пѣсенники впереди. „Это какой-то измѣнникъ радуется нашему несчастію", громко говорили солдаты и жители. Увидавъ это явленіе, пылкій Милорадовичъ подскакалъ къ полку и закричалъ: „какой негодяй вамъ приказалъ идти съ музыкою?" Г. Брозинъ хладнокровно отвѣчалъ: „Въ Регламентѣ Петра Великаго сказано, если гарнизонъ при сдачѣ крѣпости получаетъ дозволеніе выступить свободно, то выходитъ съ музыкою". Пораженный такимъ отвѣтомъ, Милорадовичъ отрывисто сказалъ: „Развѣ въ Регламентѣ Петра Великаго есть что нибудь о сдачѣ Москвы? Прикажите замолчать вашей музыкѣ" [39]).

---

[37]) Правда о пожарѣ Москвы, стр. 253 и 297.

[38]) Выраженіе И. И. Дмитріева, письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву № 154, стр. 167.

[39]) Богдановича, Истор. отечеств. войны, т. II, гл. XXV, стр. 280—281.

Только къ пяти часамъ Милорадовичь успѣлъ достигнуть заставы и вывесть на Коломенскую дорогу свои войска. Священникъ Николоямской церкви вышелъ въ полномъ облаченіи съ крестомъ, святою водою, чудотворною иконою Св. Николая и зажженными свѣчами, когда нашъ аріергардъ проходилъ по Таганской и Николоямской улицамъ. Онъ окроплялъ св. водой проходившихъ мимо воиновъ; солдаты ловили капли воды, крестясь и крича: врагъ нашь погибъ, а не мы! Офицеры сходили съ лошадей и прикладывались къ иконѣ. При этомъ солдатамъ раздавали печеный хлѣбъ [40]). Аріергардъ былъ такъ же грустнымъ свидѣтелемъ множества раненыхъ, которые лежали на тротуарахъ около домовъ и которымъ не было средствъ оказать помощь.

Въ это время, когда наши войска проходили по Москвѣ, 2 Сентября „утромъ около 10 часовъ, говоритъ гр. Ростопчинъ, все было приготовлено къ моему отъѣзду. Я послалъ за моимъ сыномъ, который спокойно спалъ до 6 часовъ и только проснувшись узналъ о судьбѣ Москвы. Онъ долго не приходилъ; я самъ пошелъ его отыскать и встрѣтилъ выходящаго изъ спальни моей жены съ глазами полными слезъ. „Я ходилъ проститься и въ послѣдній разъ посмотрѣть на мою мать и сестеръ", сказалъ онъ мнѣ. Въ этой комнатѣ были ихъ и всѣ семейные портреты. Я понималъ грусть моего сына; онъ оставлялъ родительскій домъ, быть можетъ, на всегда, и хотѣлъ проститься съ матерью, которая была его воспитательницею, учительницею и наставницею; не найдя ея въ Москвѣ, онъ прощался съ ея портретомъ, передъ отъѣздомъ въ армію, на 17 году жизни, ходомъ обстоятельствъ припужденный желать смерти, чтобы избѣжать безславія быть покореннымъ".

„Я вышелъ на дворъ, чтобы сѣсть на лошадь и встрѣтилъ нѣсколько человѣкъ, которые должны были ѣхать со мною. Улица передъ моимъ домомъ была наполнена народомъ, который желалъ быть при моемъ отъѣздѣ. Лишь только я показался, всѣ сняли шапки. Съ утра я приказалъ вывести изъ тюрьмы и привести ко мнѣ купеческаго сына Верещагина, сочинителя прокламаціи Наполеона, и учителя фехтованія Француза Мутона, который за революціонныя выходки былъ судимъ и уже недѣли три какъ приговоренъ Уголовною Палатою къ наказанію плетьми со ссылкою въ Сибирь (но я велѣлъ отсрочить исполненіе приговора). Оба они содержались въ домѣ неисправныхъ должниковъ, и ихъ забыли отправить вмѣстѣ съ 730 преступниками Московской губерніи и всѣхъ тѣхъ, которыя занималъ непріятель, находившимися съ большой тюрьмѣ и за три дня до вступленія непріятеля отправленными, подъ охраною стражи изъ гарнизоннаго баталіона, въ Нижній Новгородъ. Человѣкъ 20 несостоятельныхъ должниковъ, которые помѣщались въ особомъ домѣ, были, по моему распоряженію, выпущены на свободу: ихъ кредиторовъ уже не было въ Москвѣ, и обстоятельства не благопріятствовали уплатѣ долговъ. Я былъ очень удивленъ, когда прочелъ однажды, что эти несостоятельные должники превратились въ бюллетеняхъ Наполеона въ легіонъ, состоявшій изъ 500 человѣкъ и приводившій въ исполненіе мой проектъ о сожженіи Москвы".

„Я велѣлъ привести къ себѣ Верещагина и Мутона; я обратился къ первому, упрекая его въ преступленіи тѣмъ болѣе ужасномъ, что изъ всего народонаселенія Москвы нашелся онъ одинъ, который хотѣлъ предать Отечество. Я ему сказалъ, что Сенатъ приговорилъ его къ смерти,

---

[40]) Записка, составленная въ Москов. духовной консисторіи въ 1836 г. о происшествіяхъ 1812 г. и о подвигахъ духовенства.

и приговоръ долженъ быть исполненъ. Я приказалъ двумъ унтеръ-офицерамъ изъ находившихся при мнѣ драгуновъ бить его саблями. Онъ упалъ, не произнеся ни одного слова. Потомъ я обратился къ Мутону, который читалъ молитвы, ожидая той-же участи. „Я оставляю тебѣ жизнь, ступай къ своимъ и скажи имъ, что несчастный, котораго я наказалъ, былъ единственный изъ Русскихъ измѣнникъ своему Отечеству“. Я отвелъ его къ воротамъ и далъ знать толпѣ, чтобы его пропустили. Толпа разступилась. Мутонъ убѣжалъ, и на него не обратили никакого вниманія, хотя по арестантской одеждѣ его можно было отличить отъ другихъ: онъ былъ безъ шапки и съ молитвенникомъ въ рукахъ. Я сѣлъ на лошадь, выѣхалъ со двора и изъ улицы, гдѣ былъ мой домъ, не оборачивая головы назадъ, чтобы не смущать себя прошлымъ, закрывая глаза на настоящее, которое было ужасно и отступая передъ страшнымъ будущимъ“.

„Я отправился на одинъ изъ бульваровъ, гдѣ остановился, въ ожиданіи извѣстія отъ посланныхъ мною о томъ, что непріятель уже въ городѣ. Я былъ пораженъ безлюдьемъ повсюду. На пространствѣ нѣсколькихъ верстъ я видѣлъ только одну женщину съ ребенкомъ у окна и толстаго старика, который въ халатѣ сидѣлъ передъ своимъ домомъ. Я спросилъ его: неужели онъ остается въ Москвѣ и по какимъ причинамъ? Онъ мнѣ отвѣчалъ: „Въ мои годы не стоитъ перебираться съ одного мѣста въ другое. Я остаюсь, нисколько не заботясь о томъ, что̀ можетъ случиться со мною: пусть будетъ, что̀ будетъ“. Оставляя этого человѣка, я чувствовалъ, что онъ правъ и былъ истиннымъ философомъ, не сознавая того“.

Но кромѣ тѣхъ, сравнительно съ народонаселеніемъ, немногихъ, которые желали бы, но не успѣли выѣхать изъ Москвы, не имѣя средствъ или запоздавъ ими воспользоваться въ слѣдствіе довѣрія къ заявленіямъ графа Ростопчина, были и другіе, довольно многочисленные, *истинные философы, не сознавая этого*, которые остались въ Москвѣ, считая долгомъ оставаться въ ней, въ какомъ бы положеніи она ни находилась. Это дворники и вообще прислуга при барскихъ домахъ, весьма многочисленныхъ въ это время въ Москвѣ. Дворянскія семейства, нѣсколько достаточныя, проводили всю зиму въ Москвѣ и имѣли свои домы, потому что жить въ наемныхъ помѣщеніяхъ считалось въ то время несовмѣстнымъ съ дворянскимъ достоинствомъ, точно также какъ, пріѣхавъ въ Москву на короткій срокъ. останавливаться въ гостинницахъ, которыхъ поэтому и было немного, а не у родныхъ или знакомыхъ, или обѣдать въ трактирахъ. Эта прислуга, частію оставшаяся въ домахъ, изъ которыхъ весною еще выѣхали ихъ владѣльцы въ свои *подмосковныя* или болѣе отдаленныя деревни и не могли распорядиться ихъ судьбою, частію по собственному усмотрѣнію, а иногда и нарочно оставленная владѣльцами, считала обязанностію не оставлять домовъ своихъ господъ и сохранять ихъ имущество. Словомъ, это были—*крѣпостные люди*, на которыхъ такое зоркое было устремлено вниманіе не одного графа Ростопчина и которыхъ подозрѣвали въ томъ, что Наполеонъ, объявивъ ихъ *вольными*, могъ преклонить къ измѣнѣ Отечеству!

„Когда проходили послѣдніе полки нашего аріергарда и за ними по пятамъ шелъ непріятель (говоритъ очевидецъ) у домовъ опустѣлыхъ стояли еще дворники. Я кричалъ: ступайте, уходите, непріятель идетъ! — Не можемъ уходить, отвѣчали они: намъ приказано беречь дома [41])“.

Эти люди мирно находились при своихъ домахъ и не мѣшались съ толпою бездомныхъ гулякъ, окружавшихъ домъ графа Ростопчина во время его

---

[41]) С. Н. Глинка, Записки о 1812 г. стр. 70. Русс. Архивъ 1871, г. № 6, стр. 0200.

отъѣзда изъ Москвы, терзавшихъ трупъ несчастнаго Верещагина и потомъ собравшихся въ Кремлѣ и, вспоминая его *воззваніе на Три Горы*, пытавшихся вооруженною рукою дѣйствовать противъ занявшаго Москву непріятеля [42]).

„Мой офицеръ пріѣхалъ мнѣ сказать, продолжаетъ графъ Ростопчинъ, что Милорадовичъ съ нашимъ аріергардомъ прошелъ уже Арбатъ и что непріятельскій авангардъ непосредственно слѣдуетъ за нимъ. Я поѣхалъ къ Рязанской заставѣ и на Яузскомъ мосту, полагая объѣхать отрядъ конницы, встрѣтилъ кн. Кутузова съ его свитою. Я поклонился ему и не хотѣлъ говорить ни слова; но онъ поздоровался со мною (что было похоже на насмѣшку) и сказалъ мнѣ: „Я могу васъ увѣрить, что не оставлю Москвы, не давши сраженія". Я ничего ему не отвѣчалъ, потому что всякой отвѣтъ на пошлость (à une bêtise) не могъ быть ничѣмъ инымъ какъ глупостью (sottise). Прежде нежели я подъѣхалъ къ мосту, я былъ остановленъ десяткомъ раненыхъ офицеровъ, которые пѣшкомъ направлялись за городъ. Они остановили меня, прося дать имъ денегъ, потому что у нихъ ихъ вовсе не было. Я опорожнилъ мои карманы. Моя подача не соотвѣтствовала моему желанію дать имъ болѣе. Они благодарили меня со слезами на глазахъ; я также плакалъ. Это были слезы сострадания и скорби при видѣ раненыхъ офицеровъ, поставленныхъ въ положеніе просить милостыни для того, чтобы не умереть съ голоду".

„Приблизившись къ заставѣ, я съ трудомъ могъ ее проѣхать отъ множества столпившихся обозовъ и войскъ, спѣшившихъ выѣхать за городъ. Въ то время, когда я миновалъ уже заставу, я слышалъ три пушечныхъ выстрѣла, которые сдѣлалъ непріятель, чтобы разсѣять собравшуюся въ Кремлѣ толпу народа. Это выстрѣлы были знакомъ того, что непріятель овладѣлъ столицею и извѣстили меня, что я перестал уже быть ея начальникомъ. Я поворотилъ мою лошадь и съ почтеніемъ поклонился первому городу Россійской имперіи, гдѣ я родился, котораго я былъ охранителемъ (gardien) и гдѣ оставлялъ двухъ моихъ дѣтей, похороненныхъ на кладбищѣ. Я исполнилъ свой долгъ; моя совѣсть спокойна, потому что не въ чемъ меня упрекнуть; но я угнетенъ былъ скорбію и доведенъ до того, что завидовалъ Русскимъ, погибшимъ при Бородинѣ: они умерли какъ защитники Отечества, съ оружіемъ въ рукахъ, и не были свидѣтелями торжества Наполеона".

Объ этомъ свиданіи графа Ростопчина съ кн. Кутузовымъ сохранились и другія свидѣтельства очевидцевъ. Когда кн. Кутузовъ, проѣхавъ по бульварамъ Москвы, прибылъ къ Яузскому мосту, то, по словамъ князя А. Б. Голицына, нашелъ тамъ „невѣроятную суматоху. Мы застали тутъ графа Ростопчина, который, въ мундирномъ сюртукѣ, въ эполетахъ, съ нагайкою въ рукахъ, прогонялъ всѣхъ и старался очистить мостъ; ибо и жители и часть арміи, все должно было проходить этимъ дефилеемъ. Свиданіе было сухое; Ростопчинъ начиналъ говорить, но Кутузовъ не отвѣчалъ и приказывалъ скорѣе очищать мостъ. Отъ Яузскаго моста до Коломенской заставы движеніе народа, смѣшаннаго съ войскомъ, произвело нѣкоторые безпорядки; ломали кабаки и лавки. Народъ Русскій пьетъ и отъ горя и отъ радости одинаково; но все тутъ же было приведено въ порядокъ, и городъ очищался понемногу. Народъ и армія походили на морскую волну, ибо все тѣснилось за ними. Выѣхавъ за заставу, уже нѣкоторые корпуса были расположены на привалѣ по

---

[42]) Бестужева-Рюмина, Кратк. опис. происшествій, стр. 87 и слѣд.

обѣимъ сторонамъ большой дороги, около старообрядческаго кладбища. На самой большой дорогѣ избралъ себѣ мѣсто Кутузовъ [43])". Онъ сѣлъ на свою обычную скамеечку и ожидалъ вѣстей отъ Милорадовича".

Оба разсказа объ этой послѣдней встрѣчѣ кн. Кутузова съ Московскимъ главнокомандующимъ, хотя и различаются въ подробностяхъ, но одинаково доказываютъ, что она была холодна и непріятна для обоихъ. Кто изъ нихъ не хотѣлъ говорить съ другимъ и кто первый поздоровался и заговорилъ, это не представляетъ важности. Но вѣроятно слова, приписываемыя кн. Кутузову графомъ Ростопчинымъ, были дѣйствительно сказаны. Трудно предполагать, да и нѣтъ поводовъ, чтобы они создались сами собою въ разгоряченномъ воображеніи графа Ростопчина. Что же касается до показанія кн. Голицына, что кн. Кутузовъ ничего не говорилъ графу Ростопчину, то онъ могъ и не слыхать тѣхъ немногихъ словъ, которыя онъ ему сказалъ, при господствовавшей вокругъ *суматохѣ*. Эти немногія слова однакоже весьма важны, и графъ Ростопчинъ справедливо ихъ считаетъ насмѣшкою: иного значенія они и имѣть не могутъ.

---

[43]) Записка о 1812 г. князя А. Б. Голицына.

(*Продолженіе будетъ*).

МОСКОВСКІЙ АРХИВЪ КОЛЛЕГІИ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ ВЪ 1812 ГОДУ.

Тому нѣсколько лѣтъ, во время постояннаго моего пребыванія въ Петербургѣ, узналъ я отъ Александра Николаевича Попова, что онъ занимается составленіемъ подробнаго жизнеописанія графа Ѳеодора Васильевича Ростопчина и, вслѣдствіе того, согласно его желанію, доставилъ ему возможность сдѣлать выборку кое-какихъ матеріяловъ изъ моихъ семейныхъ бумагъ.

Послѣ этого понятно, съ какимъ удовольствіемъ я прочелъ въ *Русскомъ Архивѣ* сего года прекрасныя статьи его: „Москва въ 1812 году".

Не найдя однако въ нихъ, подобно тому какъ и въ изданныхъ незадолго предъ тѣмъ графомъ Сегюромъ Mémoires du Comte Rostoptschine (Paris, 1872), кромѣ общихъ извѣстій о вывозѣ изъ Москвы, по повелѣнію императора Александра Павловича, разныхъ сокровищъ и присутственныхъ мѣстъ (стр. 187,200 и 208 этихъ записокъ), никакихъ прямыхъ указаній на спасеніе графомъ Ростопчинымъ, въ тяжкую годину нашествія, древнѣйшаго хранилища нашихъ государственныхъ актовъ, именно ввѣреннаго мнѣ, съ 1873 года, Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, называвшагося тогда *Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ Архивомъ*,—полагаю не безполезнымъ сообщить при семъ, въ дополненіе къ статьямъ уважаемаго А. Н. Попова, копіи съ разныхъ документовъ, сохранившихся въ этомъ Архивѣ относительно судьбы его въ 1812-мъ году, и въ томъ числѣ съ тогдашней переписки графа Ростопчина и предмѣстника моего Н. Н. Бантыша-Каменскаго, обоюдными распоряженіями которыхъ сохранены были для потомства богатые матеріялы отечественной исторіи.

Въ сказанной перепискѣ два *собственноручныя* письма графа Ростопчина и одна его приписка (P. S.) всего краснорѣчивѣе показываютъ просвѣщенное попеченіе его объ Архивѣ, а отвѣты Бантыша-Каменскаго свидѣтельствуютъ, до какой степени онъ былъ въ этомъ случаѣ полезнымъ его сотрудникомъ.

Между тѣмъ, Вигель, начавшій службу свою въ этомъ же Архивѣ, далеко еще незрѣлымъ юношей, къ сожалѣнію, перенесъ въ свои извѣстныя Записки лишь тѣ поверхностныя впечатлѣнія, которыя Бантышъ-Каменскій произвелъ на него въ ту пору: онъ изобразилъ его раздражительнымъ и брюзгливымъ старцемъ, труженикомъ-копуно́мъ, который, въ добавокъ, велъ знакомство только съ архіереями и монахами. Послѣднее извѣстіе, какъ бы оно ни было преувеличено, имѣло основаніемъ близкое родство Бантыша-Каменскаго съ злополучнымъ архіепископомъ Амвросіемъ, изъ-за чего и онъ пострадалъ отъ разъяренной черни, въ день

убіенія сего архипастыря, въ Донскомъ монастырѣ. Хотя въ сочиненіи своемъ „Графъ Блудовъ и его время“ (СПБ. 1866, стр. 18 и 19) Ег. Петр. Ковалевскій повторилъ отзывы Вигеля, но по крайней мѣрѣ отдалъ Бантышу-Каменскому полную справедливость въ томъ отношеніи, что онъ первый оцѣнилъ блестящія дарованія другаго своего подчиненнаго, Д. Н. Блудова и подготовилъ въ лицѣ его одного изъ нашихъ замѣчательнѣйшихъ и полезнѣйшихъ государственныхъ людей.

Въ сущности, жизнь Бантыша-Каменскаго была рядомъ такихъ подвиговъ самоотверженія и столкновеній съ опасностями, такихъ тяжкихъ испытаній и горькихъ лишеній, которыя не всегда выпадаютъ даже на долю подвизающихся въ военной службѣ. Посвятивъ, въ продолженіи 52-хъ лѣтъ, утреннее и вечернее время разбору архивскихъ бумагъ въ холодныхъ подвалахъ, онъ лишился слуха; тамъ же торопливо распоряжался онъ укладкою дѣлъ для вывоза изъ Москвы и, по возвращеніи сюда, снова ихъ распредѣлилъ по шкафамъ; дорогой ни на шагъ не отлучался отъ обоза; а во время отсутствія своего, лишился оставленной имъ въ столицѣ, своей собственной, библіотеки, при чемъ и его подмосковная сожжена была Французами (см. его жизнеописаніе, составленное сыномъ Бантыша-Каменскаго, въ I т. Словаря достопамятныхъ людей Русской земли, и брошюру „Biographie de m-r Bantisch-Kamensky“. Moscou, 1830).

О такихъ дѣятеляхъ не слѣдуетъ потомству судить ни по тѣмъ слабостямъ, которыя могъ въ нихъ подмѣтить легкомысленный юноша, ни даже по ихъ гражданской доблести, еслибы она осталась безслѣдною: а по *результатамъ* ихъ дѣятельности, которые только одни могутъ имѣть цѣну въ глазахъ потомства и практическое для него значеніе.

Въ итогѣ же трудовъ Бантыша-Каменскаго, видимъ мы: 1) что онъ спасъ Московскій Главный Архивъ въ 1812 г. 2) что онъ настолько хорошо зналъ Архивъ, что съ 1803 г., въ теченіи многихъ лѣтъ, успѣшно снабжалъ Карамзина историческими матеріялами, и 3) что ученый міръ обязанъ Бантышу-Каменскому многими историко-политическими сочиненіями (объ Уніи, о сношеніяхъ съ Польшею, и др.), какъ напечатанными, такъ и хранящимися въ Архивѣ въ рукописяхъ; всего же болѣе, изданіемъ въ 1813 г. *перваго* тома „Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ“, труда, требовавшаго обширныхъ познаній, большой добросовѣстности и множества матеріяльныхъ заботъ, послѣ чего, по проложенному уже пути, А. Ѳ. Малиновскому сравнительно легче было издать послѣдующіе три тома. Онъ же, произведя послѣ смерти Бантыша-Каменскаго, подробную ревизію архивскихъ документовъ, отчетливо отмѣтилъ въ каталогахъ тѣ сравнительно немногіе изъ нихъ, которые, бывъ оставлены въ Москвѣ, погибли невозвратно, какъ о томъ, въ общихъ чертахъ, упомянуто въ прилагаемой здѣсь копіи съ отпуска донесенія Бантыша-Каменскаго Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

Баронъ Ѳ. Бюлеръ.

А. Переписка Н. Н. Бантыша-Каменскаго съ графомъ Ростопчинымъ и московскимъ губернаторомъ Обрѣзковымъ.

1) *Графъ Ростопчинъ Бантышу-Каменскому (Собственноручно).*

Получено во 2 часу пополудни.

Милостивый государь мой Николай Николаевичъ!

Для предосторожности и избѣжанія дальныхъ препятствій, предлагаю вамъ архивъ, подъ вѣдомствомъ вашимъ находящійся, не теряя времени, укласть къ отправленію въ то мѣсто, куда отъ меня назначено будетъ, а мнѣ дать знать, сколько подводъ для подъема потребно будетъ. Съ истиннымъ почитаніемъ и преданностію имѣю честь пребыть вашего превосходительства милостиваго государя моего покорнѣйшій слуга графъ Ф. Ростопчинъ.

14 Авг. 1812. Москва.

2) *Отвѣтъ.*

15 Авг.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь!

Совѣтъ вашего сіятельства о спасеніи государственныхъ дѣлъ спасительный; я пріемлю оной съ глубочайшимъ и искреннѣйшимъ благодареніемъ и вчерашняго же дня занялся уборкою въ сундуки и увязкою оныхъ, положивъ древнѣйшія Россійскія грамоты, трактаты со всѣми иностранными дворами и грамоты ихъ по 1700 годъ. Сіи бумаги важнѣйшія въ Архивѣ, и оныя увязаны въ семи большихъ сундукахъ.

Затрудняюсь я крайне остающимися еще бумагами, каковы статейные списки всѣхъ дворовъ, въ книгахъ переплетенные; рескрипты, реляціи и меморіалы министерскіе, коихъ число составляетъ больше 50 шкаповъ. Важны и сіи бумаги хранящіяся въ безопасномъ отъ пожара мѣстѣ; но если и оныя увязывать, то едвали на 80 подводахъ уложить можно. Снабдите, ваше сіятельство, меня и о сихъ бумагахъ милостивымъ вашимъ совѣтомъ. Подводъ на увязанные уже семь помянутыхъ сундуковъ нужно десять. Я рѣшился самъ проводить сіи безцѣнныя бумаги и крѣпко надѣюсь, что ваше сіятельство снабдите меня проѣзжимъ указомъ до назначеннаго вами мѣста, давъ знать, чтобы во всякомъ случаѣ дѣлано было мнѣ всевозможное пособіе. Съ глубочайшимъ и проч.

3) *Графъ Ростопчинъ Бантышу-Каменскому.*

Получ. въ VIII часу, ввечеру.

Милостивый государь мой Николай Никалаевичъ!

На отношеніе вашего превосходительства, коимъ требуете моего совѣта на счетъ уборки дѣлъ занимающихъ болѣе 50-ти шкафовъ и хранящихся нынѣ въ безопасномъ отъ пожара мѣстѣ, симъ

честь имѣю отвѣтствовать вамъ, милостивый государь мой, что хотя для укладки оныхъ едвали достаточно быть можетъ 80-ти подводъ по изъясненію вашему, но когда для перевозки ихъ потребны будутъ лошади, тогда всѣ нужныя по предмету сему распоряженія пріемлю я на себя; а потому и не будетъ излишнимъ, если ваше превосходительство заблаговременно прикажите дѣла сіи увязывать.

P. S. По исчисленіи потребнаго числа лошадей, дайте отъ себя записку къ свѣдѣнію е. п. г-ну гражданскому губернатору Обрѣзкову. № 1321. Москва. Августа 16 дня 1812 года.

4) Собственноручная записка графа Ростопчина.

Прошу васъ быть въ готовности съ архивою, чтобы ее отправить немедленно, а о подводахъ я сейчасъ далъ повелѣніе.

Вамъ преданный графъ Ф. Ростопчинъ. 20 Авг.

5) Обрѣзковъ Бантышу-Каменскому.

Милостивый государь мой Николай Николаевичъ!

Его сіятельство графъ Ѳедоръ Васильевичь изволилъ приказать мнѣ не помедля нарядить для дѣлъ и вещей Архива Иностранной Коллегіи подводы по требованію вашему. Не имѣя доселѣ увѣдомленія, сколько оныхъ нужно будетъ, я прошу ваше превосходительство поспѣшить доставленіемъ мнѣ онаго, дабы я могъ успѣть къ назначенному времени, откуда слѣдуетъ, оныхъ приготовить.

Съ истиннымъ почтеніемъ и пр. Н. Обрѣзковъ.

№ 3428. Августа 20 дня 1812 года.

6) Бантышъ-Каменскій графу Ростопчину.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь!

Слѣдуя полученному сего дня приказанію вашего сіятельства, послалъ ея сейчасъ къ г-ну губернатору Николаю Васильевичу письмо съ прошеніемъ прислать въ Архивъ сто двадцать лошадей съ пространными повозками и увѣдомить, какимъ ѣхать трактомъ и куда? И на однихъ ли сихъ лошадяхъ, или будутъ оныя перемѣняемы? Вашего же сіятельства покорнѣйше прошу снабдить меня подороженною на имя мое съ будущими при мнѣ для охраненія дѣлъ чиновниками и для караула инвалидами.

20 Авг. 1812.

7) Бантышъ-Каменскій Обрѣзкову

20 Авг.

Милостивый государь Николай Васильевичъ!

Пишу сіе въ Архивѣ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, которую сколько можно было убрали и увязали во сто пяти сундукахъ и коробахъ; и для того покорнѣйше прошу ваше превосходительство приказать: 1) прислать лошадей съ пространными повозками (ибо сундуки и коробы есть немалые) сто двадцать; 2) желательно

знать, какимъ ѣхать трактомъ и на однихъ ли все лошадяхъ и куда ѣхать, или будутъ они перемѣняемы? 3) снабдить подорожною на имя мое съ будущими при мнѣ для охраненія дѣлъ чиновниками и для караула инвалидами.

8) Графъ Ростопчинъ Бантышу-Каменскому.

№ 1460, Августа дня 21, 1812.

Милостивый государь мой Николай Николаевичъ!

На отношеніе вашего превосходительства отъ 20 числа сего Августа симъ васъ, милостивый государь мой, увѣдомляю, что слѣдовать Архивѣ Государственной Иностранной Коллегіи на Владиміръ, по коему тракту вездѣ будутъ перемѣнныя лошади; а подорожныя для васъ и для находящихся при васъ чиновниковъ я приказалъ дать. Графъ Ростопчинъ.

9) Бантышъ-Каменскій графу Ростопчину.

22 Авг. 1812.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь!

Сейчасъ прислано 28 лошадей для подъему Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ Архива, а къ вечеру обѣщали и остальныхъ прислать. Ежели на всякой станціи перекладывать на другія повозки огромные сундуки и тюки, и на другихъ ѣхать лошадяхъ, то сіе и весьма затруднительно будетъ, и не надѣюсь полнаго числа лошадей въ деревняхъ сыскать; слѣдовательно долженъ буду съ дѣлами стоять иногда въ полѣ подъ дождемъ.

Сдѣлайте милость, ваше сіятельство, прикажите предписать кому слѣдуетъ, чтобы я могъ съ сими дѣлами, не перекладывая оныхъ въ дорогѣ, ѣхать прямо на однихъ телѣгахъ съ тѣми же лошадьми до города Володимера, такъ какъ и Петръ Степановичь Валуевъ отправляетъ свои дѣла *) туда же.

Для облегченія же въ дорогѣ крестьянъ я соглашаюсь изъ коллежской суммы дать на каждую лошадь на кормъ по три рубля. Таковое вашего сіятельства предписаніе облегчитъ мой путь, и я единственно одолженъ буду сею милостію вашему сіятельству.

Сверхъ того снабдите меня предписаніемъ, что дѣла ѣдущія со мною составляютъ Государственную Архиву и чтобы во всякомъ случаѣ дѣлано было всевозможное мнѣ пособіе. Видъ сей очень для меня нуженъ во всякомъ мѣстѣ, паче сіе нужно для ѣдущихъ при обозѣ.

*

Б. ОТКРЫТЫЙ ЛИСТЪ Н. Н. БАНТЫШУ-КАМЕНСКОМУ.

По высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, дѣйствительному статскому совѣтнику Бантышъ-Каменскому, слѣдующему во Владиміръ и далѣе куда надобность востребуетъ, съ бумагами Московскаго Архива Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ; почему господа команду имѣщіе и благоволятъ оказывать ему въ пути всякое по требованію его пособіе и вспомоществованіе для сбереженія высочайше ввѣренныхъ ему бумагъ. Въ удостовѣрѣніе чего и данъ сей за подписаніемъ моимъ и съ приложеніемъ герба моего печати. Москва, 22-го Августа 1812 г. Его Императорскаго Величества

*) Дѣла тогдашней Кремлевской Экспедиціи.

Всемилостивѣйшаго Государя моего генералъ отъ инфантеріи, главнокомандующій въ Москвѣ, оберъ-камергеръ, сенаторъ, ордена Св. Андрея Первозваннаго и другихъ кавалеръ, графъ Ростопчинъ.

В. ВЪ ГОСУДАРСТВЕННУЮ КОЛЛЕГІЮ ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ ИЗЪ МОСКОВСКАГО ЕЯ АРХИВА ДОНОШЕНІЕ.

Узнавъ о выступленіи изъ Москвы 11-го Октября непріятелей, посланъ былъ отсюда нарочный туда архивскій чиновникъ для усмотрѣнія, въ какомъ состояніи находится коллежскій домъ и оставленные тамо чиновники съ солдатами, библіотека и нѣкоторыя бумаги.

Возвратясь же 26 Октября, оный посланный донесъ: что оставшіеся тамо чиновники въ жалостнѣйшемъ находятся положеніи, голы, босы, избиты, безъ денегъ и безъ всякой помощи; что ежели бы они оставили Архивъ, то навѣрно оный обращенъ бы былъ въ пепелъ злодѣями, ибо чиновники сіи по нѣскольку разъ заливали огонь на чердакахъ; что въ Архивѣ какъ въ верхнемъ, такъ равно и въ нижнемъ этажахъ нашелъ онъ разбросаны по полу бумаги и перебиты стеклы; но при всемъ томъ многія бумаги уцѣлѣли, особливо библіотека, изъ которой уповательно не болѣе 300 книгъ унесено Поляками.

При томъ привезъ оный посланный два рапорта изъ Архивы. Первый отъ надворнаго совѣтника и старшаго секретаря, во все то время въ Архивѣ жившаго, г-на Ждановскаго, который между прочимъ увѣдомляетъ о слѣдующемъ: что „Сентября 2-го числа въ четыре часа по полудни вошли нечаянно въ Москву Французскія войска и въ вечеру начали жечь, бить людей и грабить; что пожаръ продолжался сряду восемь сутокъ, а грабежъ до выходу изъ оной непріятеля, то есть по 11-е Октября; что съ 4-го на 5-е Сентября сгорѣлъ въ Архивѣ тотъ флигель, въ которомъ жилъ онъ Ждановскій съ товарищемъ своимъ секретаремъ г-мъ Шульцомъ (который тогда же сыскалъ себѣ убѣжище съ семействомъ своимъ въ Воспитательномъ Домѣ, гдѣ и понынѣ находится); а въ которомъ флигелѣ жилъ комисаръ Тарховъ, то оный хотя отъ закравшихся искръ и загорался, но пожаръ ими чиновниками потушенъ былъ; что большой корпусъ, гдѣ Архивъ съ библіотекою и трактатная палата, уцѣлѣли отъ пожару, но замки и задвижки сбиты и изломаны, а отъ подорванія непріятелемъ съ 10-го на 11-е Октября въ Кремлѣ подкопа, вышибло духомъ нѣсколько оконченъ и перебило много стеколъ; что иконы архивскія окладныя всѣ ободраны, а нѣкоторыя и увезены; что дѣла и книги частію разбросаны, изорваны и сожжены стоявшими тутъ и приходившими для грабежу Французами и Поляками; что лежавшія въ сараяхъ дрова всѣ сожжены, бывъ раскладываемы въ трехъ мѣстахъ по двору день и ночь, а сукны на столахъ бывшія всѣ похищены; что въ нижнихъ этажахъ, на погребицахъ и въ дровяномъ сараѣ поставлены были ихъ злодѣйскія лошади; что изъ оставленныхъ отъ Архива ему Ждановскому на расходы и на Сентябрьскую треть жившимъ въ Архивѣ чиновникамъ жалованья 716 р. 67 к. онъ Жда-

новскій въ началѣ Сентября роздалъ чиновникамъ за всю треть Сентябрьскую жалованье, которое потомъ у всѣхъ ихъ непріятелями отнято со всѣмъ ихъ имѣніемъ, да и остальныя деньги всѣ безъ изъятія мученіями и побоями ихъ исторгнуты были; и, что несносно, кромѣ безпрестанныхъ, ежедневныхъ отъ непріятеля обысковъ, угроженія смертію, ограбленія до нага, нашедъ Французы у него Ждановскаго въ карманѣ хранившуюся казенную печать и требуя денегъ, избили его шпажною полосою до крови, отъ чего и понынѣ все еще онъ страждетъ".

Вторый рапортъ присланъ былъ отъ архивскаго комисара, надворнаго совѣтника Тархова. Сей, равнымъ образомъ жалуясь на злодѣевъ, бившихъ его нещадно и съ обнаженными саблями требовавшихъ отъ него казенныхъ и его собственныхъ денегъ, доноситъ: „что 5 Сентября пріѣхавъ въ Архивъ верхами, злодѣйскіе чиновники съ командою, имѣя въ рукахъ молоты и топоры, начали разбивать замки у трактатной палаты и у нижнихъ архивскихъ апартаментовъ, а разломавъ оные взошедъ начали грабить положенное тамъ на сохраненіе собственное ихъ чиновниковъ имѣніе, коего наклавъ 4 фуры повезли съ собою; но дѣла и бумаги всѣ выкинули на полъ и топтали ногами; по прошествіи же нѣсколькихъ дней послѣ онаго грабежа стали у него Тархова постоемъ въ его комнатахъ 8-го Польскаго уланскаго полку шефъ Чернецкій, два капитана: Запольской, а другой изъ Гишпанцевъ; стояли тутъ вмѣстѣ слишкомъ три недѣли, отъ которыхъ онъ не имѣлъ ни одного часа покоя, въ разсужденіи ихъ требованія припасу и посуды".

Важнѣйшее же въ его Тархова рапортѣ замѣчено слѣдующее обстоятельство:

„1-го Октября, пришедъ въ архивскій домъ къ нему на квартиру, опредѣленные отъ Французскаго правительства Мясницкой частный приставъ съ комисаромъ и драгуномъ и спрося его, онъ ли называется Тарховъ, дали ему знать, что требуетъ его генералъ-комендантъ къ себѣ, и онъ не могъ противиться имъ, пошелъ съ ними и былъ приведенъ въ занятой комендантомъ домъ купцовъ Чороковыхъ на Мясницкой, гдѣ отданъ отъ частнаго Французскаго правителю его канцеляріи секретарю, которой, принявъ его отъ нихъ и спрося имя, отечество и фамилію, записалъ и повелъ вверхъ въ холодной покой, въ пребольшую залу и поставилъ у дверей двухъ драгунъ съ обнаженными шпагами, которымъ приказалъ его Тархова за порогъ не выпускать; что послѣ сего, спустя часъ или болѣе, приводитъ тотъ же правитель канцеляріи взятаго частнымъ же Французскимъ приставомъ и комисаромъ, жившаго въ Воспитательномъ Домѣ у г-на Тутолмина тайнаго совѣтника *Андрея Васильевича Новалишина*, бывшаго Астраханскаго губернатора, которому отъ того же правителя сказано остаться съ нимъ Тарховымъ. Чрезъ два часа былъ взятъ изъ Прѣсненской части дѣйств. статскій совѣтникъ и бывшій Слободскій Украинскій гражданскій губернаторъ *Андрей Кондратьевичъ Артаковъ*; чрезъ полчаса приведенъ отставной бригадиръ *Амлосъ Евдокимовичъ Демидовъ*, взятый съ Пятницкой части; потомъ съ Запаснаго дворца, что у Красныхъ во-

ротъ, отставной коллежскій ассесоръ *Петръ Устиновичь Устиновъ* и титулярный совѣтникъ *Ребровъ*, и приставлены были уже къ ихъ дверямъ четыре драгуна съ обнаженными саблями; и держали ихъ въ той холодной залѣ съ 7-го часа утра по 8-й часъ вечера, не давая имъ ни хлѣба, ни воды. Наконецъ входитъ къ нимъ 8-го часа въ исходѣ Французской генералъ-комендантъ вмѣстѣ съ генералъ-полиціймейстеромъ *Виллерсомъ* (находившимся при Московскомъ университетѣ профессоромъ), объявляютъ всѣмъ имъ арестъ за то, что, до прибытія въ Москву Французовъ, отправилъ якобы его сіят. графъ Ѳедоръ Васильевичь Ростопчинъ на баркахъ 50 человѣкъ Французовъ, въ Москвѣ прежде живпихъ, въ Казань или въ Сибирь, и тамъ оные содержатся будто бы весьма нехорошо: то ихъ императоръ Наполеонъ велѣлъ имъ сказать, чтобъ они писали о семъ къ своему Императору и Государю, а равно и къ главнокомандующему арміею князю Кутузову, чтобъ они были возвращены непремѣнно, а ежели не будутъ возвращены, то они разстрѣляны будутъ. На сіе чрезъ ген. полицейм. Виллерса отвѣчали они, что мы о семъ свѣдѣнія никакого не имѣемъ и совсѣмъ ни душей ни тѣломъ не знаемъ. И въ тотъ же часъ повелъ ихъ оный Виллерсъ съ конвоемъ драгунъ къ Французскому генералу военноплѣнными, и отданы ему подъ стражу, гдѣ, не выпуская за порогъ, держали ихъ въ крѣпкомъ караулѣ три дни, давая по одному куску хлѣба; но вдругъ на четвертый день входитъ къ нимъ Французской генералъ и объявляетъ всѣмъ имъ отъ Наполеона свободу съ тѣмъ, чтобъ они съ отправленнымъ отъ него конвоемъ явились къ Тревизскому принцу дюку, къ которому приведены были. И оный принцъ, потребовавъ ихъ къ себѣ, также объявилъ имъ свободу съ тѣмъ, чтобъ они обязались реверсомъ являться чрезъ три дни и всякой день къ Французскому частному приставу, а которой изъ нихъ не явится, то угрожаемы были по закону ихъ; и что они до самаго изгнанія нашими козаками изъ Москвы тамъ являлись".

Сообразивъ таковое чиновниковъ архивскихъ жалостное въ Москвѣ состояніе, осмѣлился Архивъ послать къ нимъ тотчасъ чрезъ почту двѣсти рублей на необходимыя ихъ нужды и на пропитаніе, оставляя впрочемъ на разсужденіе Государственной Коллегіи: *во первыхъ*, снабдить сихъ несчастливцовъ важнѣйшимъ въ ихъ нуждахъ награжденіемъ и помощію, гдѣ имъ жить; ибо собственные ихъ домы всѣ сгорѣли, а въ архивскомъ одномъ уцѣлѣвшемъ флигелѣ помѣстить всѣхъ никакъ не можно; *во вторыхъ*, сгорѣвшій въ Архивѣ другой большой флигель каменный и по всемъ домѣ всякую починку исправить. Но какъ все сіе безъ смѣты архитектора сдѣлано быть не можетъ, то, по пріѣздѣ Архива въ Москву, потребная всему смѣта при описи учинена и немедленно прислана будетъ. А о выѣздѣ отсюда въ Москву ожидать будетъ Архивъ повелѣнія отъ Государственной Коллегіи или предписанія отъ главнокомандующаго въ Москвѣ графа Ростопчина, по коего назначенію какъ Архивъ, такъ и прочія присутственныя мѣста, изъ Москвы сюда отправлены были.

Нижній-Новгородъ. 7 Ноября 1812 года.

ОЧЕРКИ МАЛОРОССІЙСКИХЪ ФАМИЛІЙ.
МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ОБЩЕСТВА ВЪ XVII И XVIII В.

СОБИРАЕМЫЕ А. М. ЛАЗАРЕВСКИМЪ *).

13. ИВАНЕНКИ.

1. Иванъ Богатый Іоненко „былъ въ землѣ Волосской гетманъ Дубосарскій, на всю тамошнюю Украину".

2. Григорій, полковникъ Брацлавскій 1708 . . . . . . **1**.

3. Григорій, р. 1720; въ 1740—бунчук. товарищъ; 1768—1781 Переяславск. полковникъ; 1781—1790 предсѣдатель Кіевской палаты гражданскаго суда, въ чинѣ дѣйствительнаго статск. совѣтника. Ж.—Анна Ширай. . . . **2**.

4. Михаилъ, бунчуковый товарищъ 1747. . . . . . . **2**.

5. Андрей, генералъ майоръ 1788. Ж.—Александра Коробовская. За нимъ въ концѣ XVIII ст., числилось 3180 крест. об. п.; въ м. Барышовкѣ и с. Остролучьѣ—550, въ с. Козловкѣ — 80, въ с. Ковалевкѣ — 140, въ с. Казиловкѣ—1070, въ д. Долгой Греблѣ—80, въ Ярославской губ.—110 и въ Харьковской губерніи—1150. . . . . **3**

6. Өедоръ, секундъ-майоръ, предводитель дворянства Золотоношскаго уѣзда. Ж.—Марья Чугуевецъ. За нимъ числились—1060 крест. об. п.; въ с. Канѣвцахъ—200, въ д. Лонгиновкѣ—200, въ с. Шабельникахъ—200, въ с. Ковалевкѣ—400 и въ д. Чарскомъ—60 . . . . **3**.

7. Семенъ, премьеръ-майоръ. Ж.—Александра Фуникова. У него крестьянъ: въ с. Слоутѣ—250 и въ Русскихъ губерніяхъ—1640, всего—1890 . . . . **3**.

8. Петръ, надворный совѣтникъ; маршалъ Соснинкаго повѣта 1811. Ж. — Настасья Осиповна Авсенкова. У него крестьянъ: въ с. Полуботковой Слободѣ — 60, въ с. Богодуховкѣ — 300, въ с. Деркачовкѣ — 260, въ с. Гутищѣ—200 и въ с. Дяговѣ—280, всего—1100. . . . . . **3**.

9. Александръ, ротмистръ, маршалъ Переяславск. уѣзда, 1802 — 1805. Ж. — Катерина Юрьевна Бибикова. У него крестьянъ—700; жилъ въ с. Ерковцахъ . . . . . **3**.

10. Иванъ, р. 1749. Кіевскій губернскій предводитель 1788. У него крестьянъ: въ с. Озерянахъ — 630, въ д. Максаковкѣ — 40, въ д. Михенполѣ—160 и въ сл. Хрущовкѣ—200, всего—1030. Жилъ въ Хрущовкѣ . . . . **4**.

---

*) См. вторую книгу Р. Архива сего года, стр. 402.

11. Мойсей, р. 1754; поручикъ; Остерскій уѣздный предводитель дворянства 1788, а потомъ—Кіевскій губернскій предводитель дв-ства. Ж.—Елисавета Лаврентьевна Селецкая. У него крестьянъ: въ с. Озерянахъ—630, въ с. Лелякахъ—86, въ с. Остролучьѣ—350 и полученныхъ въ приданое, въ Остерск. и Козелецк. уѣздахъ — 1100, всего 2176. Жилъ въ Остролучьѣ . . . . **4**.

12. Григорій, р. 1756; поручикъ. Жилъ въ Остролучьѣ; у него крестьянъ—482. . . . . **4**.

13. Григорій . . . . **5**.
14. Андрей. . . . . **5**.
15. Марья . . . . **5**.
16. Григорій, коллежскій ассесоръ 1801 . . . . **6**.
17. Андрей. . . . . **8**.
18. Николай, р. 1793, Переяславскій уѣздный предводитель дворянства. Ж.—Александра Алексѣева . . . . . **9**.

19. Григорій, ротмистръ . . . . **9**.
20. Александръ, Переяславскій земскій исправникъ . . . **9**.
21. Василій, Переяславскій межевой судья. . . . . . . **9**.
22. Михаилъ, р. 1781; статскій совѣтникъ. Ж.—Катерина Александровна Иваненко. Переселился въ Екатеринославскую губернію, гдѣ имѣлъ: въ с. Андреевкѣ, Александровскаго уѣзда, — 430 крестьянъ и 21500 дес. земли и въ д. Благовѣщенскѣ, Верхнеднѣпровск. у., 380 крест. и 24000 д. земли . . . . **11**.

Иваненки предкомъ своимъ называютъ Ивана Богатаго Іоненка, который „былъ въ землѣ Волоской гетманъ Дубосарскій, на всю тамошнюю Украину". Этотъ Іоненко вѣроятно происходилъ отъ извѣстнаго Іоны (Ивана), господаря Волосскаго, повѣсть о войнѣ котораго съ Турками, въ 1574 г., разсказана его современникомъ шляхтичемъ Леонардомъ Горѣцкимъ [1]).

Сынъ Ивана Богатаго вышелъ изъ Молдавіи въ Малороссію въ 1706 г., какъ видно изъ слѣдующаго универсала Мазепы, писаннаго лѣтомъ того же года, „въ таборѣ надъ Россю, выше Володарки". Желая заохотить къ войсковой службѣ Григорія Ивановича, полковника Дубосарскаго, оставившаго Турецкаго султана и пришедшаго къ намъ, въ Чигиринъ, отдаемъ ему опустѣлое мѣстечко Бурки, въ уѣздѣ Чигиринскомъ, позволяя заселять то мѣстечко поднѣстрянскими, а не нашими Малороссійскими, людьми, и всякими отъ нихъ повинностями пользоваться. Но въ 1708 г., лѣтомъ, Мазепа, въ ожиданіи уже Карла въ Малороссію, назначилъ Иваненка Брацлавскимъ полковникомъ и далъ ему, при этомъ, право вербовать самому козаковъ въ свой полкъ, вѣроятно въ то время малолюдный.

---

[1]) Малороссійскій переводъ разсказа Горѣцкаго, сдѣланный въ к. XVII в., сохранился въ лѣтописи Боболинскаго (Грабянка, изд. Кіевск., 277 — 291). Позднѣйшій пересказъ этой повѣсти сдѣланъ Н. И. Костомаровымъ, въ его монографіи „Иванъ Свирговскій", Москвитянинъ 1855 г., № 19—20.

„Позволяемъ ему п. Григорію Ивановичу, полковнику Брацлавскому, людей войсковыхъ въ томъ полку находящихся и желающихъ служить царскому величеству, въ компутъ записывать; а онъ, п. полковникъ, съ тѣми войсковыми людьми, обязанъ будетъ, по ординатамъ нашимъ, всякіе военные походы отправлять и, гдѣ случай укажетъ, противъ непріятеля становиться“.—Однакожъ Иваненко за Мазепою не пошелъ и, оставшись вѣрнымъ царю, оберегалъ правобережье Днѣпра отъ Шведовъ. Приводимъ письмо Скоропадскаго, писанное къ Иваненку въ это время (4 Февраля 1709 г., изъ Нѣжина): „Мой ласковый пріятелю, пане полковнику Браславскій. Же вм. персональною своею бытностю насъ не посѣтилесь, не мѣемъ за тое уразы (гнѣва), вѣдаючи добре, же самому вм., яко отъ небезпечного краю будучому, на мѣстцу всегда зоставати надлежитъ; а мы и изъ листовного (письменнаго) до насъ отъ вм., присланного отозву благодарними будучи, всякую чулость и бодрость якую вм. имѣешь и субмѣтуешься (обязываешься имѣть впредь) ненарушимо заховуй, жадаемъ. На привернене (присоединеніе) сотни Немировской и козаковъ поднѣстрянскихъ, что вм. просишь унѣверсалу и ускаржаешься на малолюдное товариство полку своего, чрезъ отдалене сотнѣ Немировской отъ полку Браславскаго измѣнникомъ Мазепою и отняте козаковъ поднѣстранскихъ, якихъ былъ отданъ онъ же, измѣнникъ, подъ послушенство Роттаріушу (?)—не рекузуемъ; о вшемъ, ведлугъ слушного вм. прошенія, велѣлисмо выдати нашъ унѣверсалъ въ сотню Немировскую и до козаковъ поднѣстрянскихъ, приказуючи, попрежнему, до полку Браславскаго належати и во всемъ вм. быть послушними. Стороны зась Жидовъ Немировскихъ, якіи своимъ зносенемъся (сношеніемъ) листовнимъ зъ противною намъ Лядскою стороною, подъ сіе время жебы чого не учинили шкедливого, позволяемъ вм. онихъ зъ Немирова выгнати; тилко того перестерѣгай вм., жебы имъ, Жидамъ, подъ часъ того выгнаня, не учинилось отъ кого забойство и розграблене худобамъ“ [2]).

За службу при изгнаніи Шведовъ изъ Малороссіи, Иваненко получилъ отъ князя Дм. М. Голицына сначала—Копачовъ и Мокіевку, а потомъ—дворъ Мировича въ Кіевѣ и с. Остролучье. Въ концѣ царствованія Петра Великаго, Иваненко былъ уволенъ отъ службы, „за старостью и слабостью“.

Изъ сыновей Григ. Ив-ча, пріобрѣлъ извѣстность старшій, Григорій: въ 1768 г. онъ назначенъ былъ начальникомъ трехтысячнаго отряда Малороссійскихъ козаковъ, состоявшаго при первой арміи. Въ Турецкую войну, Григ. Иваненко отличился въ особенности при Кагулѣ, гдѣ былъ раненъ; въ это же время онъ, какъ кажется, назначенъ отъ Румянцова Переяславскимъ полковникомъ [3]). — Сдѣлавшись лично извѣстнымъ Румянцову, Ив-ко съ этого времени пользовался особенною его пріязнью и довѣренностью; впослѣдствіи онъ завѣдывалъ Переяславскими имѣніями Румянцова [4]). Пользуясь своими отношеніями къ послѣднему, Иваненко, при открытіи Кіевской губерніи, назначенъ былъ изъ полковниковъ предсѣдателемъ Кіевской Гражданской Палаты.

Остальныя свѣдѣнія объ Иваненкахъ, помѣщены въ родословіи ихъ.

---

[2]) Приведенные отрывки актовъ взяты нами изъ подлинниковъ, находящихся у П. П. Исаевича.

[3]) Ригельманъ IV, 26.

[4]) Русскій Вѣстн. 1841, т. IV, стр. 196.

14. ИСКРЫ.

1. Яковъ Искра-Острянинъ, гетманъ 1638; убитъ 1641 *).
2. Иванъ, предназначенный гетманъ, убитъ 1659 . . . . **1**.
3. Осипъ . . . . **1**.
4. Марья. М.—Трофимъ. Дочь ихъ Настасья была замужемъ за Еремѣемъ Свѣтайломъ . . . . **1**.
5. Евдокія. М. Данило, пасынокъ Богдана Хмельницкаго. Вѣроятно она видится въ актѣ 1680 года: „Я Воцка Искровна, ознаймую, ижемъ, исъ порадою и за вѣдомомъ рожоного брата моего меньшого Ивана Искренка, продаламъ славетному пану Петру Ковалеви, обывателю Диканскому, грунта мои, лежачіе ведле села Дыканки". — Овдовѣвъ, Евдокія вѣроятно вернулась на отцевщину . . **2**.
6. Иванъ, полковникъ Полтавскій 1694—1700; казненъ 1708. Ж.—Прасковья Өедоровна Жученко . . . . . . **2**.
7. Захарій, полковникъ Кодацкій 1699; сотникъ Погарскій 1709—1717; обозный Стародубскій 1717. . . . . . . **2**.
8. Дочь. М. Климъ Нащинскій, Полтавскій обозный 1709. **2**.
9. Осипъ . . . . **6**.
10. Дочь. М.—Демьянъ . . . . **6**.
11. Иванъ, сотникъ компанейскаго полка . . . . **7**.
12. Климентій, сотникъ Трехтемировскій 1708; хоружій Переяславскій 1717. По универсалу Мазепы 10 Января 1708, получилъ въ Переяславскомъ полку с. Городище. Скоропадскій въ 1709 г. утвердилъ Городище и прибавилъ с. Грушевъ въ Каневской сотнѣ и ставъ въ Капустной долинѣ. Въ 1717 г. получилъ еще с. Вьюнище. Ж.—Евдокія, по второму мужу—фонъ-Вальценъ . . . . **7**.
13. Григорій . . . . **7**.
14. Елена. М.—Карпъ Чеснокъ . . . . **7**.
15. Григорій, значковый товарищъ . . . . **11**.
16. Яковъ, бунчук. товарищъ 1751; подкоморій Переяславскій 1765; надворный совѣтникъ 1780; предводитель Переяславскаго дворянства 1784. . . . . **12**.
17. Иванъ, сотенный атаманъ м. Кропивны, Золотоношскаго уѣзда . . . . **13**.
18. Андрей, майоръ. Ж.—Катерина Ефимовна Ширай. Переселился на жительство въ Кіевскую губернію. . . **16**.
19. Григорій, стряпчій Кіевскаго верхняго земскаго суда. Ж.—Марья Ивановна Синеокова. Жилъ въ с. Зоринѣ, Радомысльскаго уѣзда и имѣлъ въ Кіевской и Волынской губерніяхъ—1490 крестьянъ . . . . **16**.
20. Захарій, майоръ. Ж.—Марина Өедоровна Булакъ. **16**.
21. Яковъ, майоръ . . . . **16**.
22. Василій. . . . . **16**.

---

*) Въ какомъ родствѣ съ Яковомъ Искрою-Острянинномъ былъ (и былъ ли) Стародубскій полковникъ Леско Острянинъ (1665 г.), мы не знаемъ. О немъ см. Акты Ю. и З. Россіи, VI, 15 и 63.

Родоначальникомъ Искръ былъ Яковъ Остряница, извѣстный гетманъ, воевавшій съ Поляками въ 1638 г. Войну Остряницы подробно описалъ Окольскій, который разсказываетъ, какъ Остряница отбился отъ Поляковъ въ Голтвѣ и какъ потомъ былъ онъ побѣжденъ подъ Лубнами и бѣжалъ [1]). Къ этому Величко (IV, 293) добавляетъ, что и козацкія лѣтописи подтверждаютъ, что „Острянинъ подъ Жолкиномъ, отъ Ляховъ напуженный будучи, покинулъ войско козацкое и, вхопивши одинъ бунчукъ, съ малою дружиною переплылъ черезъ Сулу и удалея въ державу Московскую“. Этотъ самый Острянинъ и былъ дѣдомъ извѣстнаго Ивана Искры, казненнаго Мазепою. Кочубей разсказываетъ о послѣднемъ: „А п. Иванъ Ив-чъ Искра незакрыто съ предковъ своихъ есть человѣкъ знатный и заслуженный въ войску Запорожскомъ; читалемъ въ кроницѣ Лядской, у небощика п. Боровиковскаго (генер. обознаго), же дѣдъ его (бо той Острянинъ), въ Голтвѣ отъ Ляховъ осаженный будучи, выигралъ надъ ними звитязство....“ [2]) Свидѣтельство Кочубея подтверждается словами и самаго Искры, Полтавскаго полковника, который, продавая въ 1678 г. одинъ изъ грунтовъ своихъ, такъ объясняетъ происхожденіе послѣдняго: „дѣдъ мой, славной памяти, небожчикъ Яцко Острянинъ полецилъ (передалъ) небожчику отцу моему Ивану Искрѣ, а по отцу моемъ мнѣ належенъ (принадлежащій) грунтъ“ [3]).

Такимъ образомъ прославленный въ лѣтописяхъ Остряница, поднявшій въ 1638 г. вмѣстѣ съ Гунею, козаковъ противъ Поляковъ, и былъ тотъ Яцко (Яковъ) Острянинъ, котораго Иванъ Ив-чъ Искра называетъ своимъ дѣдомъ. Острянином онъ назывался, конечно, по происхожденію своему изъ г. Остра на Деснѣ (близко Кіева), на что указаніе находимъ въ Польскомъ актѣ 1638 года, называющемъ Острянину козакомъ Кіевскимъ [4]). Значитъ, извѣстный по козацкимъ лѣтописямъ гетманъ Остряница по своему происхожденію былъ козакъ изъ г. Остра, Яковъ Искра [5]). Исторія его слѣдующая. Выбранный въ 1638 г., предводителемъ

---

[1]) Величко, IV, 232.

[2]) Чтенія Моск. Общ. Др. I 859, I, 148. Въ приведенномъ мѣстѣ изъ записки Кочубея, текстъ нами исправленъ перестановкою словъ: „бо той Острянинъ“, безъ чего это мѣсто лишено смысла.

[3]) Приводимъ здѣсь отрывокъ изъ этой купчей записи, писанной 8 Марта 1678 года: „Ставувши предъ насъ (Полтавскимъ урядомъ) славетный панъ Иванъ Искренко, козакъ нашъ Полтавскій, вызналъ явне, ясне... ку записаню до книгъ нашихъ мѣскихъ Полтавскихъ... панове, зъ доброй воли моей продалемъ обители святой Мгарской Лубенской, за игуменство въ Богу превелебного госп. отца Макарія Русѣновича, кгрунтъ мой власный, нѣкому нѣвчомъ не пенний и незаведенный, дѣдизний и отцевский; дѣдъ мой славной памяти небожчикъ Яцко Острянинъ полецилъ небожчику отцу моему Ивану Искрѣ, а по отцу моемъ мнѣ належенъ и полеценъ во всемъ, якъ самъ въ собѣ зостаетъ. Ковжижа зъ лѣсомъ, зъ сѣножатми, зъ плесами и зъ заизками, чимъ владѣлъ небожчикъ дѣдусь мой и небожчикъ отецъ мой, за чотириста золотихъ полской лѣчбы“ (Протоколы Полтавск. полковаго суда по гражданск. дѣламъ, XVII в. Рукопись). Урочище Ковжижа—теперь деревня въ Полтавск. уѣздѣ. Списокъ населен. мѣстъ, изд. Ц. Ст. Ком. М. В. Д. Полтавская губернія, № 437.

[4]) Арх. Ю. З. Росс., ч. III, т. I, стр. 372.

[5]) Прозвище Искры имѣлъ уже и самъ Остряница, а не только его потомство; потому что сынъ его Иванъ въ козацкомъ реестрѣ 1649 года называется не Искрою, а Искренкомъ, т. е. прозвищемъ отческимъ.

возставшими противъ Поляковъ козаками, Острянинъ Искра выдержалъ удачно осаду въ Голтвѣ, затѣмъ былъ разбитъ и бѣжалъ, какъ говорили его современники, въ Московское государство. Бѣжалъ Искра въ Іюнѣ 1638 г., такъ какъ Путивльскій воевода Плещеевъ доносилъ въ Москву, что „3 Іюля приходили къ нему Запорожскіе Черкасы отъ гетмана Запорожскаго отъ Яцка Острянина, для сыску своихъ женъ"; а за тѣмъ, тутъ же, упоминаетъ уже и о другомъ гетманѣ — Дмитріѣ Тимофеевичѣ (Гунѣ), который выбранъ былъ козацкимъ предводителемъ послѣ бѣгства Остряницы [6]). Имѣнія послѣдняго были конфискованы; въ королевской грамотѣ 1 Іюля 1638 г., читаемъ: dobra wszystkie, ruchome y nieruchome, po Jachme Zilińskiem y Jacku Ostranicy, kozakach Kijowskich rebellizantach do dispoziciey naszey przypadle—Domańskiemu dać umyslilismy" [7]). Бѣжалъ Искра со всею своею семьею къ границѣ Слободской Украины и поселился здѣсь, между рѣчками Ворсклою и Коломакомъ, въ границахъ теперешняго Полтавскаго уѣзда. Здѣсь онъ занялъ „вольные грунта", между прочимъ урочища Ковжижу и Соколій Байракъ [8]); но надвинувшіеся къ Полтавщинѣ Поляки, какъ кажется, заставили Искру удалиться за грань, отдѣлявшую тогдашнюю Малороссію отъ Слободской Украины. Лѣтомъ 1639 г. Искра объявился въ Чугуевѣ и, по царскому позволенью, былъ здѣсь „съ товарищами, устроенъ дворовыми и огородными мѣсты, и землею, и сѣнными покосами, и всякимъ угодьемъ" [9]). Въ Чугуевѣ Искра прожилъ до весны 1641 г., когда былъ убитъ своими товарищами. Послѣдніе, „убивъ гетмана, побѣжали за рубежъ",

---

[6]) Акты Ю. и З. Россіи, III, 13. Ср. Истор. Соловьева, X, 110.

[7]) Архивъ Югозап. Россіи, ч. III, т. 1, стр. 372.

[8]) Уже изъ акта 1678 г. (примѣч. 3) мы видѣли, что Иванъ Ив-чъ Искра продавалъ около Полтавы дѣдовскія земли; въ другомъ актѣ, въ рѣшеніи генеральнаго суда 9 Октября 1668 г., читаемъ: „Ставши предъ судомъ нашимъ, панѣ Трофимовая Марія Искровна, доходила части своей, призалежной ей въ Соколіемъ Байрацѣ, яко тѣжъ и въ сѣножати къ тому Байраку належачой, такъ словне выразивши: „Мои ласкавіи панове, еще за урядовъ панскихъ, тенъ Байракъ паны Лядскіе подъ себе подгорнувши, меновали его Обѣзкимъ; теди небожчикъ (покойный) братъ мой съ небожчикомъ мужемъ моимъ, не попускаючи того Байраку отъ себе, але яко за власную отцевщину свою ставши, откупили въ пановъ той Байракъ, десять талярей давши; южъ, якъ на своемъ власномъ, признаки значне положивши и окопавши, Иванъ Искренко зъ Осифомъ братомъ моимъ. Мое тежъ крыло въ томъ Байраку зоставало на власной отцевщинѣ моей откупленной". Выслухавши мы скарги (жалобы) п. Трофимовой, высылаемъ Клима Чорнушенка, судю полкового, и при немъ Александра Никифоровича, писаря городового, абы тамъ слушне углядѣвши, часть належную въ томъ Байрацѣ, яко тежъ и въ сѣножати, вказанние отъ п. Трофимовой..... приказавши, абы п. Іосифъ Искренко не преч.... зъ сестрою своею Маріею Искровною, мѣетъ половину того Байраку пополамъ роздѣлити, для тоей причины, поневажъ и самъ небожчикъ Трофимъ за одно зъ Иваномъ Искренкомъ доходили въ пановъ того Байраку" (изъ копіи 1765 г., въ нашемъ собр.) Изъ этого акта видимъ, что Марья Яковлевна Искровна въ 1668 г. отыскивала часть земель, занятыхъ еще отцемъ ея, которыми затѣмъ, по уходѣ Якова въ Чугуевъ, завладѣли Поляки; что земли эти откупили у Поляковъ, прійдя изъ Чугуева, сынъ убитаго Якова, Иванъ да зять его, мужъ сестры Марьи, и что по смерти Ивана Яковлевича, землями тѣми завладѣлъ братъ Ивана Яковлевича, Осипъ Яковлевичъ вмѣстѣ съ племянникомъ Иваномъ Ив-чемъ.

[9]) Описан. Харьк. Епархіи, Филарета Гумилевскаго, IV, 280.

говоритъ царская грамота [10]). Можно думать, что товарищи Искры были недовольны порядками Слободской Украины и, не успѣвъ уговорить его уйти изъ Чугуева, убили Искру, чтобъ скрыть свое рѣшеніе вернуться на земли, занятыя въ Полтавщинѣ [11]). Въ числѣ козаковъ, бѣжавшихъ изъ Чугуева въ Полтавщину, находилась и семья Искры. Густынскіе монахи разсказывали въ Іюлѣ 1641 г. Путивльскому воеводѣ, что „Чугуевскіе Черкасы и Яцка Острянина-сынъ ѣздили къ гетману Конецпольскому бить челомъ о указѣ, и отъ гетмана-де пріѣхали, и гетманъ-де Конецпольскій велѣлъ имъ Черкасомъ селиться слободою, подъ своимъ городомъ подъ Полтавою [12]). Здѣсь Иванъ Искра поселился слободою около Коломака, теперешнимъ селомъ Искровкою.

Въ реестрѣ 1649 г., Иванъ Искра показанъ въ числѣ Полтавской полковой старшины, такъ какъ имя его написано вслѣдъ за именемъ Пушкаря, тогдашняго полковника [13]). Однакоже въ войнахъ Хмельницкаго Искра не принималъ особеннаго участія, не смотря на свое свойство съ гетманомъ; по крайней мѣрѣ этотъ упрекъ сдѣланъ былъ ему Выговскимъ [14]). Но за то, впослѣдствіи, онъ сдѣлался горячимъ участникомъ борьбы Пушкаря съ Выговскимъ и, чтобы оправдать перваго у царя, отправился въ началѣ 1658 г. самъ въ Москву. Здѣсь, въ Апрѣлѣ того же года, уже засталъ его посланецъ Выговскаго, Миргородскій полковникъ Лѣсницкій, который и посланъ былъ именно для того, чтобы убѣдить царя въ необходимости усмиренія Пушкаря военною силою и не дать возможности Искрѣ разоблачить намѣренія Выговскаго. Послѣдній особенно боялся Искры и какъ только узналъ о поѣздкѣ его въ Москву, немедленно же написалъ царю, „что онъ всѣхъ бунтовъ былъ первымъ проводникомъ“ и просилъ „учинить ему наказаніе, чтобъ на то смотря иные (т. е. Пушкарь) отъ бунтовства преставали“. — Когда у Лѣсницкаго

---

10) Тамъ же, IV, 26—36.

11) Разсказанная здѣсь, по несомнѣннымъ свидѣтельствамъ, исторія Якова Искры Острянина какъ-то не вяжется съ тѣмъ недавно найденнымъ универсаломъ, который, будто бы, тотъ же Искра-Острянинъ разослалъ, въ Мартѣ 1638 г. по Малороссіи, возбуждая козаковъ на возстаніе противъ Поляковъ. (Величко, IV, 135). Въ универсалѣ этомъ Яковъ Искра изъ Остра называетъ себя: „Стефанъ-Криштофъ зъ Острога и Остра“. Откуда взялось это двойное имя у Якова Острянина, тѣмъ труднѣе объяснить, что козацкія лѣтописи имени Острянина вовсе не называютъ (напр. Самовидецъ, 5; Грабянка, 29); а упоминая о немъ, разсказываютъ коротенькую легенду о казни Острянина вмѣстѣ съ Гунею, въ Варшавѣ. Легенду эту повторяетъ, безъ измѣненія, и Ригельманъ (1, 45); но „Исторія Руссовъ“ туже легенду уже усложняетъ драматическою обстановкою— плѣномъ Острянина въ Каневскомъ монастырѣ и колесованіемъ его въ Варшавѣ, вмѣстѣ съ Сурииломъ, Недригайломъ и друг., которыхъ лѣтописи вовсе не знаютъ, опредѣленно называя товарищами Острянина совсѣмъ другихъ лицъ (Величко, IV, 146). Исторія Руссовъ въ первый же разъ называетъ Острянина и Степаномъ... Пока происхожденіе „Исторіи Руссовъ“ не объяснено, трудно сказать послѣднее слово объ универсалѣ Стефана-Криштофа Острянина; но во всякомъ случаѣ, видѣть въ немъ историческій документъ, не подлежащій никакимъ сомнѣніямъ, никакъ нельзя.

12) Акты Ю. и З. Рос., III, 54.

13) Реестра Войска Запорожск. 1649 г., стр. 279.

14) Акты Ю. и З. Рос., VII, 216: „никогда въ козакѣхъ не бывалъ, но всегда за торговлею ходилъ“.

спросили объясненій на это письмо Выговскаго, онъ отвѣчалъ, что гетманъ именно приказалъ ему бить челомъ, что если царь желаетъ умиротворенія Украины, то нужно Искру задержать въ Москвѣ. Но бояре боялись этой мѣры: только его нынѣ задержать, говорили они, и за то въ войскѣ не будетъ ли пущаго смятенія? А Выговскій, не дожидаясь результата словесныхъ наставленій Лѣсницкому, подтверждалъ послѣднему письмомъ: „о Искрѣ наипаче памятствуй извѣстить его ц. величеству, что онъ большой у тѣхъ бунтовъ (Пушкаря) былъ поджогою. Изволь тогда бити челомъ его ц. величеству, чтобъ тамъ же скаранъ былъ за ту свою своеволю" [15]). Лѣсницкій успѣлъ, какъ извѣстно, въ своемъ посольствѣ: Ромодановскій посланъ былъ усмирять Пушкаря, а Искру задержали въ Москвѣ. Но пока Ромодановскій собирался идти на Пушкаря, Выговскій самъ справился съ нимъ: 1 Іюня 1658 г., Пушкарь былъ убитъ, и Полтавщина засмирена. Освободившись отъ Пушкаря, Выговскій не побоялся уже выявить свои симпатіи къ Польшѣ, и тогда только въ Москвѣ повѣрили, что Пушкарь былъ правъ. Тогда отпустили Искру (въ концѣ 1658 г. [16]) и уже не какъ простаго посланца Полтавскаго полковника, а какъ гетмана, который долженъ получить булаву на мѣстѣ, по пріѣздѣ въ Малороссію [17]). Между тѣмъ Ромодановскій уже нашелъ замѣстителя Выговскому, указавъ бывшему при немъ козацкому войску на Безпалаго [18]), котораго и выбрали въ концѣ Ноября, подъ Варвою. „Веселыми ногами", какъ говоритъ Величко, „спѣшилъ Искра въ Малороссію и, не заѣзжая въ Полтаву, собралъ въ Гадячѣ отрядъ козаковъ, съ которымъ и пошелъ 11 Января къ Ромодановскому, въ Лохвицу, гдѣ, повидимому, долженъ былъ быть оглашенъ дѣйствительнымъ гетманомъ. Не вдалекѣ отъ Лохвицы, подъ с. Песками, на него напали Выговцы съ Татарами и

Згаснулъ тутъ Искра имѣвшій свѣтити.... [19]).

У Ивана Як-ча Искры осталось два сына: Иванъ и Захарій. Первый, будучи домосѣдомъ, унаслѣдовалъ отцовскія имѣнія и остался на родинѣ; другой, отличаясь козачьимъ разгуломъ, не удовлетворился той мирною жизнью, которая стала преобладать въ лѣвобережной Малороссіи съ восьмидесятыхъ годовъ XVII ст., отправился на правый берегъ Днѣпра и присоединился тамъ къ немалому числу своихъ земляковъ, искавшихъ приключеній подъ видомъ службы Полякамъ. Иванъ скоро сталъ зятемъ своего полковника и, кромѣ того, свояком тогдашняго генеральнаго писаря. Родство съ Жученкомъ и свойство съ Кочубеемъ выдвинули его изъ ряда „славетныхъ козаковъ" и около 1696 г. Искра былъ выбранъ Полтавскимъ полковникомъ. Пользуясь близостью съ Кочубеемъ, онъ, за

---

[15]) Акты Ю. и З. Россіи, VII, 214—215, 219.

[16]) Въ концѣ этого года, онъ поѣхалъ изъ Москвы, чрезъ Сѣвскъ (Акты Ю. и З. Р. VII, 264), и Величко (I, 362) видимо ошибается, говоря, что Искра ѣздилъ въ Москву уже по смерти Пушкаря.

[17]) Въ этомъ и заключалась та „великая ласка", о которой выше говоритъ Кочубей.

[18]) Величко, I, 341.

[39]) Величко, I, 363. Величко говоритъ, что Ромодановскому царь велѣлъ сдѣлать выборъ гетмана, межъ Безпалымъ и Искрою; но, имѣя въ виду, что Безпалый былъ выбранъ въ концѣ Ноября, а Искра отпущенъ изъ Москвы въ половинѣ Декабря, кажется, что, отпуская Искру, въ Москвѣ еще ничего не знали о Безпаломъ.

четыре года своего полковничества, успѣлъ выпросить себѣ у Мазепы три села: Ивончинцы, Ивашки и Грабиновку. Сѣла эти до того принадлежали Полтавской ратушѣ; по настоящему, гетманъ и не могъ ихъ отдавать Искрѣ, имѣя право раздавать только „свободныя маетности"; но Мазепа не стѣснялся, когда нужно было наградить близкихъ ему людей; а Искра, черезъ Кочубея, былъ близкій человѣкъ.

Кочубей, отказавшись отъ писарства (1700 г.), потерялъ прежнее свое значеніе у Мазепы; генеральнымъ писаремъ сталъ Орликъ, зять Павла Герцика, давняго врага Жученка и его родичей. Орликъ сталъ преслѣдовать послѣднихъ, въ томъ числѣ и Искру [20]), и скоро добился, что послѣдній былъ смѣщенъ: около 1700 г., Искра былъ смѣненъ Иваномъ Левенцомъ и опять вошелъ въ ряды „славетнаго козачества", которое съ начала XVIII столѣтія стало уже впрочемъ титуловаться панствомъ.

Мирно зажилъ съ тѣхъ поръ Иванъ Искра, распоряжая свое богатое хозяйство, пока Кочубей не втянулъ его въ извѣстный свой доносъ. Взятаго въ Витебскѣ вмѣстѣ съ Кочубеемъ, Искру допрашивали здѣсь „съ пытки", съ 19 по 30 Апрѣля; по окончаніи розыска, Кочубея съ Искрой отправили въ Смоленскъ. Догадываясь, должно быть, объ ожидавшей его участи, Искра писалъ здѣсь свое духовное завѣщаніе, которое приводимъ въ цѣлости: „Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Я рабъ Божій Иванъ Искра, пишу я сію изустную духовницу цѣлимъ своимъ умомъ и разумомъ отходя отъ себе (сего?) свѣта, что кому надлежитъ отдать и что поссесіи моей; что пасѣки купленіе у Маджаровъ, у Филипа и Яцка, и третяя у ченцовъ въ Перещепинѣ, да лѣсъ у Локушки, купленій, тое синови моему Иосифу. Да купленій на Коломакѣ кгрунтъ близко города Полтави, лѣсъ и островъ Мякохлѣбовскій, Демидовка, и зъ луками и зъ двома греблями, и всѣ мои кгрунта, которие купленни въ Демидовцѣ подъ Решетиловкою, и то сыну моему Иосифу. Край Демка хату въ мѣстѣ Полтавѣ, да и что Павелъ Гарасименко виненъ мнѣ три тисячи денегъ, и то взять синови моему Иосифу. Подъ городомъ Коломакомъ лѣсъ и кгрунта, да на Микольской лѣсъ подъ Полтавою, да зъ оружа — десять пищалей, какихъ онъ синъ мой самъ хочетъ, да полевихъ снастей и желѣза, что лисицѣ ловять, да кулбаки и луки и всѣ мои полевіе дѣла, и то все сину моему Иосифу. Сукнѣ мои, суконие и блаватние и бобровие, и панцеръ и шаблю добрую подъ срѣбломъ Турецкую, сину жъ моему Иосифу. Якову Рогулѣ 20 рублей денегъ, да пара коней и чотирѣ воли, да чотирѣ корови. Демяну, зятю моему, отцевскій дворъ, Коломакъ, близкій и отцевский мои луки и лѣсъ; да зятю моему Демяну и сестренцу Федору по поливинѣ лѣсъ, яко сину моему, такожде нимъ двомъ. Соколній лѣсъ, отчевскій, по дорогу, что идетъ отъ стадницы до сѣчи старой, до Николского попа, братаничу моему Климу, изъ ставкомъ, изъ нивямъ, и что во ставку. Да млинъ отцевскій что на Петровцѣ, то все Демяну, зятю моему, и сестреницѣ моей Федоровой. Григорію Рогулѣ 10 рублей денегъ и сукно доброе на жупанъ. Левку Матусѣ хуторъ Чернигинъ, кони и 5 рублей денегъ. А всѣ мои пожитки, которие есть въ дому моемъ, то всѣ вручаю женѣ моей; и которая моя челядь, и тѣмъ всѣмъ дать и розверстать женѣ моей, чтобъ ни единъ не билъ обидимъ. Никитѣ челяднику 10 рублей денегъ да пара коней, да чотирѣ воли, да двѣ коровѣ; да Дмитренку коня съ кулбакою и десять озимковъ. Да приказую я женѣ своей, если волею Божиею буду погребенъ въ которомъ мѣстцѣ, и тебѣ бъ дать сто рублей денегъ да двѣстѣ овецъ, двадцать коровъ, кобилъ десять; да что въ Смоленску, отцу моему духовному Благовѣщенскому свя-

[20]) Записки Кочубея въ Чтеніяхъ, 149.

щеннику Михайлу, коня чалого да жупанъ темнозеленый да шапка соболяя. Къ сей духовной Ивана Искри города Смоленска Благовѣщенской староста поповскій священникъ Михайло по его прошенію руку приложилъ. Отъ воплощенія Бога Слова 1708, Июня 3 дня" [21]). Безсвязность завѣщанія объясняется тѣмъ положеніемъ, въ которомъ въ это время находился Искра: Головкинъ, 30 Мая, доносилъ царю, что Кочубея и Искру пытали, сколько возможно было по Кочубеевой дряхлости и Искриной болѣзни.... [22]) Завѣщаніе написано уже со словъ полуживаго человѣка.

Изъ Смоленска Искру съ Кочубеемъ повезли 13 Іюня, рѣкою Днѣпромъ, на судахъ, до Кіева; а изъ Кіева повезли ихъ въ Борщаговку, около Бѣлой Церкви, гдѣ стоялъ въ то время Мазепа лагеремъ; и здѣсь, „15 Іюля, въ четвертокъ рано, предъ службою Божіею, топоромъ головы, къ единой пласѣ, п. Кочубею и п. Искрѣ отрублены".... [23]).

Вслѣдъ за уходомъ Мазепы къ Карлу XII, Меншиковъ, по царскому приказу, вызвалъ вдовъ Кочубея и Искры въ Глуховъ, предваряя ихъ о „великой милости государевой". Вдовы встрѣтили Петра въ Лебединѣ, гдѣ и „получили милость". Для вдовы Искры милость эта выразилась тѣмъ, что ей подтвердили всѣ маетности мужа и кромѣ того прибавили часть имѣній Григорія Герцика.

Семья Ивана Искры скоро исчезла безслѣднó. Сначала сынъ его Осипъ, а потомъ вдова Прасковья Ѳеодоровна умерли, не позже 1715 г. Искрины имѣнія перешли къ Кочубеямъ. Универсаломъ 14 Іюня 1716 г., Скоропадскій объявилъ, что вдова Василія Кочубея, имѣя подлинный и немалый долгъ на умершемъ Искрѣ и умершей женѣ его, а ея сестрѣ, а къ тому и близкое свойствó, просила, дабы всѣ оставшіяся дóбра ихъ, во всецѣлую поссесію, ей утвердить; и гетманъ, принявъ то прошеніе Кочубеевой, для того долгу, а паче ради свойства́ (иного бо такого сукцессора нѣтъ) всѣ грунта́ Искры отдалъ вдовѣ Кочубея, а именно: дворъ въ Полтавѣ, на рынку, хуторъ Трибовскій съ греблею на Ворсклѣ, слободку Искровку, луга, сѣножати на р. Коломаку, прозываемые Кучеловскіе, лѣса въ ровняхъ Коломацкихъ, съ слободкою при нихъ осаженою, слободку Демидовку, грунта́ на Орчику и Орельскіе, бывшіе Герциковскіе, грунтъ Займицкій, Таволожный, Дубовыя Гряды и Терны. Кромѣ того, Кочубеямъ гетманъ отдалъ и тѣ три села, которыя Иванъ Искра получилъ отъ Мазепы: Ивончинцы, Ивашки и Грабиновку.—О родномъ братѣ Искры, Захарѣ, Скоропадскій при этомъ не вспомнилъ, можетъ быть потому, что семья Кочубеевъ въ это время продолжала еще пользоваться вниманіемъ царя. Впрочемъ, Захаръ Искра забытъ не былъ раньше. Польская служба благопріятствовала ему не особенно: изъ королевской грамоты 1692 г., видимъ, что Захаръ Искра въ это время, титулуясь просто полковникомъ войска Запорожскаго, получилъ отъ короля, „пляцы Плюсняковскіе и Леляковскіе", въ г. Житомирѣ [24]); другою грамотою 1699 г., Августъ II отдалъ Захару, въ то время полковнику „Кодацкому", пустое мѣстечко Капустяву Долину, съ позволеніемъ ее заселить [25]). Скудные результаты Польской службы заставили Искру перейти въ Русскую службу; самъ онъ впрочемъ ничего не добился отъ гетмана; а старшаго сына его, Климентія, Мазепа поставилъ Трехтемировскимъ сотникомъ, и въ

---

[21]) Духовное завѣщаніе Искры найдено нами въ копіи, при прошеніи вдовы бунч. товар. Якова Климовича Пащинскаго (племянника Искры) Степаниды, поданномъ въ полковой Полтавскій судъ, въ 1766 г., съ жалобою на козаковъ Бородаевъ, за захватъ земли, завѣщанной Искрою Климу Пащинскому. — [22]) Истор. Соловьева, XV, 323. — [23]) Записки о Кочубеѣ и Искрѣ, Диканьскаго священника. Чтенія 1859, I, 152.—[24]) Архивъ Ю. З. Россіи. т. II, ч. 3, стр. 239.

Январѣ 1708 г., далъ ему въ Переяславскомъ полку, с. Городище. Но когда Мазепа узналъ объ участіи Ивана Искры въ доносѣ Кочубея, Захаръ съ сыномъ Климентіемъ былъ арестованъ въ Батуринѣ [26]), а заднѣпровскія его имѣнія были отобраны. Послѣ казни Ивана, Захаръ былъ отпущенъ на свободу. Но какъ только измѣна Мазепы выявилась, Захара немедленно поставили сотникомъ въ Погарѣ, а сыну его, Климентію, возвратили Трехтемировское сотничество. Захаръ сотниковалъ въ Погарѣ около девяти лѣтъ и пріобрѣлъ за это время, кромѣ разныхъ „грунтовъ", два села подъ Погаромъ, Посудичи и Перегонъ; въ 1717 г. онъ былъ поставленъ Стародубскимъ обозным. Но не справился Захаръ Искра съ своимъ новымъ положеніемъ: сталъ пить и скоро распился такъ, что обозничество нужно было у него отобрать. Искра не унялся. Вотъ что писалъ Погарскій протопопъ съ другими священниками сотнику своему Галецкому, въ Маѣ 1721 года: „П. Захарій Искра, встрѣтившись на ярмаркѣ 10 Мая со мною и другими священниками, сталъ насъ бранить, безъ всякой нашей вины, и предъ всѣмъ народомъ какъ есть въ ярмарку, п. Искра сталъ мене по лбу лѣскою (палкою) бить, приговаривая: ты, мовитъ, протопопа, пескій сыну, безъ указу катедральнаго, что̀ хочешь, то и чинишь, — викаріевъ въ наши церкви уставляешь; а мое прошеніе о вступленіи въ малженскій станъ (въ бракъ) весьма презираешь! — И сталъ насъ ругать словесы неудобсказательными, сколько его необузданнаго языка ставало. Потомъ, сегодня прислалъ п. Искра ко мнѣ Стародубскихъ и Новгородскихъ купцовъ, чтобъ я шолъ къ нему мириться и затѣмъ вѣнчать его съ „дѣвкою"; а если не пойду, то чтобъ не ждалъ отъ него милости. — Я отвѣчалъ, что никакъ не смѣю того сдѣлать безъ позволенія гетмана, а мириться не буду, за такую всенародную обиду.— Купцы сказали: Да что же гетманъ можетъ сдѣлать п. Искрѣ? Онъ самъ равенъ гетману и никого не боится! Да при томъ же онъ можетъ поѣхать и въ другое мѣсто вѣнчаться. Я снова отвѣчалъ, что̀ про меня, пусть куда хочетъ, туда и ѣдетъ, а я не буду его съ третьѐю женою вѣнчать". Въ концѣ концовъ протопопъ просилъ сотника защитить его отъ насилій Искры и „не похлѣбствовать его п. Искры богатству".

Дѣло въ томъ, что Искра въ это время задумалъ жениться на какой-то бѣглой „великороссійской дѣвкѣ". Погарскій протопопъ, какъ видно, не рѣшался его вѣнчать, почему-то боясь при этомъ гетмана. Но старый полковникъ, всего извѣдавшій на свѣтѣ, не такой былъ человѣкъ, чтобъ останавливаться предъ такими пустыми по его мнѣнію препятствіями. 12 Мая того же 1721 г., т. е. на другой вѣроятно день какъ получилъ жалобу протопопа, сотникъ доносилъ гетману, сначала о томъ ка̀къ Искра побилъ протопопа, прибавляя: „и такой его отвагѣ пьяной весь ярмарокъ дивился", а потомъ, по полученіи отъ вельможности вашей царскихъ грамотъ о бѣглыхъ крестьянахъ, я немедленно послалъ одну къ Искрѣ, чтобы онъ, вразумившись, не творилъ противности монаршему указу (не вѣнчался бы съ бѣглою); но „п. Искра, барзо хмелемъ часто себе заводячи и страхъ оставивши, позвалъ къ себѣ попа, тѣмъ же пьянствомъ исполненнаго, которому не разъ уже протопопъ грозилъ, чтобъ пьяныхъ пьяный не вѣнчалъ и, накрѣпко въ своемъ дворѣ затворившись, кричалъ: вѣнчайте меня, а то самъ себя застрѣлю, на вашу душу! и уничтоживши всѣ препятствія, сватство проклятое чинилъ. И тотъ его дивъ и чудъ творимый доношу вельможности вашой, бымъ (чтобы) я не зосталъ въ якомъ

---

[25]) Арх. Полт. Двор. Деп. Собр., дѣло о родѣ Искръ.

[26]) По разсказу одной родственницы Искръ, въ 1744 г.

подозрѣнію противъ монаршой волѣ" [27]). За это Скоропадскій отобралъ у Искры Посудичи и Перегонъ [28]).

Вскорѣ Захаръ Искра умеръ. Въ 1730 году, внукъ его Яковъ писалъ Апостолу: „Въ пеленахъ матернихъ осиротѣвши, по умертвіи отца моего Климентія Искры, хоружого полковаго Переяславскаго, остался я въ опекѣ дѣдуся моего покойнаго п. Захарія Искры, котораго Господь Богъ, при старости лѣтъ, житія сократилъ; а помираючи дѣдусь мой отдалъ меня своей дочерѣ, Еленѣ Искровнѣ, рожоной ціотусѣ моей, панеи Карповой Чесныковой, у которой и нынѣ на наученіи книжномъ обрѣтаюсь. И отдалъ дѣдусь мой, п. Захарій Искра, умирая, всѣ имѣнія свои, купленныя имъ въ Погарѣ, лѣса, поля и дворы; только въ грунтахъ тѣхъ Погарцы чинятъ великіе утиски, собирая съ нихъ немалые раціоны и порціоны" [29]). Но Погарскія имѣнія не остались въ родѣ Искръ; ихъ Яковъ должно быть продалъ, а самъ переселился на имѣнія отцовскія, въ Переяславъ и въ 1784 г. былъ избранъ первымъ предводителемъ тамошняго дворянства. Сынъ его Григорій, стряпчествуя въ Кіевскомъ верхнемъ земскомъ судѣ, вскорѣ нажилъ себѣ полторы тысячи крестьянъ.....

ЧЕЛОБИТНАЯ ЧЕРНИГОВСКАГО АРХІЕПИСКОПА ЛАЗАРЯ БАРАНОВИЧА.

Царю государю и великому князю Алексѣю Михаиловичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу, бьетъ челомъ богомолецъ твой государевъ, Лазарь Барановичь, архіепископъ Черниговскій и Новгородскій. Въ прешедшихъ, государь, лѣтѣхъ потщахся азъ, по даннѣй мнѣ отъ Всесвятаго и Животворящаго Духа благодати, соорудити истиннымъ воемъ Христовымъ, всѣмъ православнымъ христіаномъ, Мечь слова Божія на посѣченіе общихъ враговъ всего рода человѣческа, на діавола, на міръ и плоть, и вручихъ, яко первѣйшему всего христіанства вожду, тебѣ, православнѣйшему самодержцу, да первѣе твоея пресильныя десницы пріятіемъ достойную у всѣхъ правовѣрныхъ обрящетъ любовь и пріятіе, якоже и бысть, дѣйствующи благодати Виновника всѣхъ благъ. Нынѣ паки, видя азъ непрестанное ратованіе тѣхъ врагъ на полчище христіанское, нерадивость же и лѣность воевъ Христовыхъ, многой послѣдующей тщетѣ душъ, неоцѣненною Христа Бога нашею кровію искупленныхъ, умыслихъ Богу Отцу совѣщающу, потщахся Богу Сыну пособствующу и сооружихъ Богу Духу Святому совершеніе дающу, — духовныя рати Трубы, да вострублю гласъ Слова Божія, всѣмъ православнымъ людемъ возбуждающъ ко еже подвизатися крѣпко вооружшеся во броня правды и на стяжаніе духовныя побѣды устремитися. Написахъ, глаголю, Божіею благодатію, проповѣди слова Божія на вся праздники всего годищнаго попри-

[27]) Арх. Мирск. Коллегіи, № 1528.
[28]) Діаріушъ Ханенка, М. 1858, стр. 41.
[29]) Тамъ же.

ща и нарекохъ имя книзѣ Трубы. Точію трудъ ми ся дѣетъ велій и неудобство тисненія печати, зане Кіевская типографія иными занята; а мой вѣкъ временный по вся дни и часы спѣшно къ концу приближается. Дерзаю убо къ твоимъ щедротамъ царскимъ со смиреннымъ припадати моленіемъ. Милосердый государь, царь и великій князь Алексѣй Михаиловичь, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ! Умилосердися о мнѣ, богомольцѣ своемъ, даждь Трубамъ симъ духовнымъ украшеніе своея типографіи. Повели ихъ печатовати на Москвѣ, въ своемъ Государевомъ дворѣ печатномъ и твоимъ Государевымъ накладомъ, да не всуе трудъ многополезный безъ плода духовнаго во тмѣ невѣдѣнія истлѣетъ и яко талантъ въ земли закопанъ будетъ. Азъ же ничесожъ возмездія временнаго за сіе Божіе требую дѣло, точію небеснаго отъ Бога Слова, егда послѣдняя страшная труба вострубитъ возданія; развѣ токмо благоволитъ твое милосердіе на монастыри странъ нашихъ по своей премногой царской милости часть нѣкую даровати. А свидѣтельства ради провославнаго во всей книзѣ содержимаго разума, подлагаю со усердіемъ сія моя Трубы подъ разсужденіе всея православныя церкве, и молю, да повелитъ Твое Пресвѣтлое Царское Величество тѣмъ ю прочитати и разсудити, ихже имать искуснѣйшихъ писанія Божественнаго во своей царской державѣ, между ними же непщую доволна быти ученика моего іеромонаха Симеона Полоцкаго; зане причастися Божіею благодатію церкви потребнымъ ученіемъ, и желаю, да онъ досмотритъ всего дѣла даже до совершеннаго напечатанія. О семъ явленіи на мнѣ Твоего Царскаго милосердія отъ всея души моея, съ неотступнымъ ногъ твоихъ царскихъ лобзаніемъ моля, сторицею поклоняюся, глаголю: Царь Государь, смилуйся!

(*Изъ рукописи Московской Синодальной библіотеки*, № *130*, № *156—157. Сообщено Л. Н. Майковымъ*).

Въ настоящемъ документѣ Лазарь Барановичъ говоритъ о двухъ извѣстныхъ, изданныхъ имъ сборникахъ проповѣдей, подъ названіями: Мечь духовный, 1666 г. и Трубы 1674 г. Оба изданія вышли съ витіеватыми посвященіями царю Алексѣю Михаиловичу и на лицевыхъ листахъ посвященій украшены «знаменіями» (фронтисписами), изъ коихъ, помимо разныхъ священныхъ и аллегорическихъ изображеній, на 1-мъ «знаменіи» на вѣтвяхъ древа, представлены: царь Алексѣй Михайловичъ, царица Марія Ильинична и царевичи: Өеодоръ, Алексѣй и Симеонъ; а на 2-мъ царь, царица Наталья Кириловна и царевичи: Өеодоръ, Іоаннъ и Петръ, при чемъ на знаменіи при первой книгѣ изображенъ возлежащимъ у корня древа Владиміръ князь, какъ родоначальникъ царскаго дома. Это обстоятельство вмѣстѣ съ другими нареканіями на книгу «Мечь духовный», дало поводъ удаленному съ патріаршаго престола патріарху Никону возражать, что на знаменіи нужно было изобразить какъ родоначальника не Владиміра князя, а царя Михаила Өеодоровича. См. относящееся къ этому предмету «Посланіе неизвѣстнаго (вѣроятно Лазаря Барановича) къ бывшему патріарху Никону, «обхуждавшему чрезъ писаніе книгу именуемую Мечъ духовный», помѣщенное въ той же Синодальной рукописи № 130 на стр. 213—215. Очень вѣроятно, что возраженія Никона и были причиною, что въ «знаменіи» при второмъ трудѣ Барановича царское семейство было изображено безъ Владиміра князя.

Въ своей челобитной Лазарь Барановичъ проситъ царя Алексѣя Михайловича напечатать «Трубы» «въ своемъ Государевомъ печатномъ дворѣ и своимъ Государевымъ накладомъ». Но эта просьба его не была исполнена. Какъ первая, такъ и вторая изъ названныхъ книгъ были напечатаны въ Кіевопечерской типографіи. По нашимъ каталогамъ (Ундол. 936, Карат. 859, сл. Евг. и Филар.) значится, будто книга Трубы въ 1679 г. вышла 2-мъ изданіемъ; но это ошибка, которою, вмѣстѣ со многими другими подобными ошибками, наша библіографія обязана пресловутому Сопикову. А такъ какъ книга Трубы вышла первымъ и единственнымъ изданіемъ въ 1674 году, то не подлежитъ сомнѣнію, что челобитная Барановича писана прежде 1674 года. *А. В.*

КЪ ИСТОРІИ СНОШЕНІЙ РОССІИ СЪ ЧЕРНОГОРІЕЮ.

Въ 1721-мъ году Черногорскій и Скендерійскій митрополитъ Даніилъ отправилъ въ Россію архимандрита Требинскаго Успенскаго монастыря Леонтія. По прибытіи въ Петербургъ, въ Ноябрѣ того же года, Леонтій подалъ въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ доношеніе, въ которомъ заявилъ, что въ 1712-мъ году былъ у нихъ на Черной горѣ морскаго флота капитанъ Павелъ Аркулей и, назвавъ себя посланнымъ отъ его императорскаго величества, взялъ въ монастырѣ ихъ тысячу добрыхъ Венецкихъ золотыхъ и оставилъ въ закладъ запечатанную скрынку „будто съ діаментами" *); сверхъ того, дали они полковнику Михаилу Милорадовичу семьсотъ червонныхъ, „ради воинскихъ отправленій во время Турецкой войны". Представивъ при своемъ доношеніи заемное письмо Аркулея и заложенную скрынку, архимандритъ просилъ Коллегію объ уплатѣ означенныхъ тысячи семисотъ червонныхъ изъ казны его императорскаго величества. Пока Коллегія занималась собраніемъ и разсмотрѣніемъ свѣдѣній по этому предмету, архимандритъ Леонтій въ Апрѣлѣ (6 числа) 1722 года подалъ въ Святѣйшій Сѵнодъ челобитную слѣдующаго содержанія:

„Бью челомъ вашему святѣйшему правительству и доношу. Въ прошломъ 1711 году, слышавше мы въ странахъ нашихъ высокоповажніе грамати императорскаго пресвѣтлаго величества, чрезъ господина полковника Михаила Милорадовича намъ обявленніе и поощряющіи насъ ко брани противо Турчина, врага креста Господня: тогда мы зѣло возрадовахомсе, яко Богъ воздвиже рогъ христа своего, императорскаго величества, во спасеніе многихъ правовѣрнихъ Христіанъ. Егда же онъ, полковникъ, воеваше и брани умножахусе, баталіе творахусе съ кровопролитіемъ немалимъ, и достиже воинству нужда лѣта 1712, тогда видѣхомъ ихъ оскудѣніе. А въ тѣхъ велико-почтеніихъ граматахъ изображено бысть и духовному чину всякое творити вспомагательство по ревности христіанской, за пріяти отъ Бога тайное воздаяніе, а отъ его императорскаго величества милость. Того ради мы изъ монастиря нашего Святоуспенскаго Требинского на Савини узаймисмо вышереченому полковнику седмъ стотина златихъ червонихъ добрихъ Венецейскихъ, ради воинского интересу его императорского величества. Потомъ Павелъ Аркулей, флота морского капитанъ, пріиде тамо и, именующи себе посланикомъ отъ его императорского величества, взелъ въ монастыри нашемъ тисящу добрихъ Венецейскихъ червонихъ златихъ; которыхъ денегъ аще толико и не біяше въ монастири нашемъ, обаче церковніе утвари въ закладъ дати принуждени мы сотворихомъ по ихъ требованію, ради воинского интересу его императорского величества, во истину. И за тимъ долгомъ во 1713 году Георгій, игуменъ нашъ, пошелъ былъ къ его императорскому величеству просити воздаянія, но его Матѳей Карета возвратилъ изъ Віени, обнадеживши, яко все заемное прислано будетъ въ монастиръ нашъ; а мы не получили отъ того долга ничесоже, и еще пострадахомъ немало отъ обладающихъ надъ нами, и нѣкотори наши и сожженіе

*) Т. е. съ алмазами, или вообще съ драгоцѣнными камнями.

ногъ поднесли и три лѣта и полъ-четверти въ заточени были; еще же и теперь страждемо и толико лѣтъ на чуждіе деньги отдаемо процентъ. И я, нижепоменути, въ 1721 году Іануаріа 7 числа, посланъ отъ братіи къ его императорскому величеству просити воздаянія, пришли въ Санктпитербурхъ Ноемра 9 числа. И тисящу червонихъ златихъ велѣли отдать, а для путнаго шествія не даютъ ничесоже. А я прочее не вѣдаю, како сдѣлати будутъ за седмъ сотъ червонихъ златихъ добрихъ Венецейскихъ, що взелъ на воинство императорского величества полковникъ Михаилъ Милорадовичъ. Того ради теку ко святѣйшему вашему правительству и стареческо всесмѣрино прошу и молю, да ми сотворите воспоможеніе, дабы обитель Святоуспенская паки свое благолѣпіе воспріела и не била разоренна во своемъ вѣрительствѣ. И еще прошу и молю книги Славенского язика и прочее которое украшеніе церковное, да бисте насъ пожаловали: понесмо всимъ оскудни. О семъ прошу вашего святѣйшаго правительства нижайши слуга Леонтій архимандритъ съ братію".

По этому челобитью архимандрита Леонтія, Синодъ опредѣлилъ: „Славенского языка книги, надлежащія для церковного священнослуженія, отправить изъ синодального дома изъ ризной и изъ протчей подобной тому домовой казны безденежно—весь кругъ церковной"; прошеніе же Леонтія объ уплатѣ слѣдующихъ Требинскому Святоуспенскому монастырю денегъ препроводить въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, дабы въ ней „указъ учиненъ былъ безволокитно; а что̀ учинено будетъ въ Святѣйшій Сѵнодъ предъявить доношеніемъ: понеже онъ (Леонтій) человѣкъ иностранной и духовная персона, и защищенія себѣ кромѣ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода не имѣетъ" *).

Въ отвѣтъ на сѵнодскій указъ Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ сообщила Сѵноду **), что въ нынѣшнемъ 1722 году она „приговорила: изъ Монтенегріи (Черногоріи) въ монастырь Успенской Требинской тысячю червонныхъ золотыхъ, которые въ 1712 году, во время у его императорского величества съ салтаномъ Турскимъ войны, Павелъ Аркулей занялъ, отослать съ пріѣзжимъ изъ того Требинского монастыря архимандритомъ Леонтіемъ; а тѣ тысячю червонныхъ выдать нынѣ въ тотъ монастырь изъ казны его императорского величества: для того, что когда въ то время была у его императорского величества война и отъ его императорского величества писано было къ тому народу, дабы они, служа его величеству ради христіянства, тогда жъ въ войну съ Турки вступили и тѣмъ нѣкоторое отвращеніе Турскимъ войскамъ учинили, и посланъ былъ къ нимъ для того нарочно полковникъ Михайло Милородовичъ (sic); и тотъ Монтенегрійской народъ, принявъ отъ его императорского величества грамоту, тогда въ ту съ салтаномъ Турскимъ войну вступили и показали къ его величеству свою службу и ревность, для которой, какъ видно, и та тысяча червонныхъ изъ того монастыря Аркулею взаимъ дана. И дабы тотъ народъ и впредь для такихъ случаевъ содержать въ такой же ревности и вѣрности къ его императорскому величеству, и для того тѣ тысячю чер-

---

*) См. опред. Св. Сѵн. 26 Апрѣля, и указы: а) ризничему сѵнод. дома іером. Филагрію 23 Мая и б) въ Колл. Иностр. Дѣлъ 27 Апр. 1722 г.

**) См. донош. Колл. Иностр. Дѣлъ Св. Сѵноду отъ 16 Мая 1722 г. № 232.

вонныхъ золотыхъ *) выдать нынѣ изъ наличныхъ денегъ канцеляріи Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. А о семистахъ червонныхъ, которыхъ онъ, архимандритъ, требуетъ по заемному письму полковника Милородовича, рѣшено писать къ Данилу, митрополиту Скендерійскому, что тѣхъ денегъ ему не заплачено для того, что въ бытность его, митрополита, при дворѣ его императорскаго величества, по поданнымъ его доношеніямъ и полковника Михайла Милородовича, на заплату такихъ долговъ дано ему, митрополиту, изъ казны его императорского величества десять тысячь рублевъ денегъ и другое награжденіе учинено; и нынѣ, по данной въ монастырь Рожества пресвятыя Богородицы, въ которомъ онъ, митрополитъ, обрѣтаетца, посылается милостыни чрезъ вексель пятьсотъ рублевъ; и дабы онъ, митрополитъ, Требинскому монастырю въ той претензіи въ семистахъ червонныхъ удовольство показалъ: ибо, какъ выше показано, на расплату такихъ долговъ оная сумма тогда дана. И по тому Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ приговору, того Требинского монастыря архимандриту Леонтію тысяча червонныхъ золотыхъ выдача и письмо къ митрополиту Данилу послано. Ему жъ архимандриту Леонтію дано на отпускѣ его императорского величества жалованья и на проѣздъ сто рублевъ да косякъ камки, пара соболей и подводы до границы и на нихъ прогоны и проѣзжей листъ".

(*Сообщено П. И. Савваитовымъ*).

ДИСПУТЪ ВЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ 25 АВГУСТА 1769 ГОДА.

Доношеніе Синоду Амвросія архіепископа Московскаго.

Въ Духовномъ Регламентѣ о дѣлахъ епископскихъ 9-мъ пунктомъ повелѣно всякому епархіальному архіерею наблюдать въ епархіи своей, не дѣлаются ли гдѣ какія суевѣрія и оныя пресѣкать. А какъ въ прошедшемъ мѣсяцѣ вышедшее здѣсь изъ печати при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ производимаго въ профессоры магистра Дмитрія Аничкова соблазнительное и вредное сочиненіе подъ заглавіемъ: ***Разсужденіе изъ натуральной богословіи о началѣ и происшествіи натуральнаго богопочитанія***, наконецъ и до моего дошло свѣдѣнія: то я предлагаю оное вашему святѣйшеству на главное разсмотрѣніе. Къ сему побудили меня усмотрѣнныя въ семъ сочиненіи выраженія, коими: 1) Явно возстаетъ противу всего

---

*) Въ это число Коллегія опредѣлила „шестьсотъ взять на Павлѣ Аркулеѣ, которой нынѣ въ службѣ его императорского величества обрѣтаетца въ магистратѣ бургомистромъ, для того, что онъ, Аркулей, въ 1712 году ѣздилъ къ тѣмъ Монтенегриномъ безъ указу его императорскаго величества и тысячу червонныхъ золотыхъ занялъ изъ того монастыря обманомъ, заложа за печатью вещи самой малой цѣны. И довелись бы на немъ, Аркулеѣ, и всѣ тѣ золотые червонные взять; но понеже какъ онъ, Павелъ Аркулей, въ 1714 году въ допросѣ своемъ показалъ, что изъ тѣхъ взятыхъ червонныхъ четыреста отдалъ онъ тѣмъ Монтенегрійскимъ народомъ и тотъ пріемъ и полковникъ Михайло Милорадовичъ (которой въ то время по указу его императорского величества былъ къ тому народу посыланъ для склоненія къ войнѣ и ими командовалъ) письмомъ своимъ засвидѣтельствовалъ, и что тѣ четыреста червонныхъ на воинскія потребы у нихъ вышли: для того тѣхъ четырехъ сотъ червонныхъ на немъ, Аркулеѣ, не спрашивать; а шестьсотъ червонныхъ, которые онъ взявъ употребилъ себѣ, на немъ, Аркулеѣ, доправить".

христіанства, богопроповѣдничества и богослуженія. 2) Опровергаетъ Св. Писаніе и въ немъ богознаменія и чудеса, также рай и адъ и діаволовъ, соравняя ихъ хитроковарнымъ образомъ съ натуральными или небывалыми вещьми; а Моисея, Сампсона и Давида съ языческими богами. 3) Во утвержденіе того атеистическаго мнѣнія приводитъ безбожнаго Епикурова послѣдователя Люкреція да всескверннаго Петронія. 4) Положенія подъ № 1, 2, 3, 5, 10 и 11 совсѣмъ натуральной и откровенной богословіи противны, изъ коихъ послѣднюю, уничижая Св. Писаніе и писателей онаго, для одного только виду упоминаетъ.

Прежде же нежели читано было въ аудиторіи сіе сочиненіе, многіе изъ ученыхъ мужей тотчасъ предосудили оное, почему творецъ (авторъ) принужденъ былъ вторично перепечатать, какъ явствуетъ 2-е изданіе на Россійскомъ и Латинскомъ языкахъ. Что же касается до самихъ диспутовъ, то оные публично происходили 25 Августа, и когда чтеніемъ начата была отъ него сочинителя рѣчь, то какъ Россійскіе, такъ и иностранные ученѣйшіе гг. профессоры сильно опровергали безбожныя его мнѣнія, такъ что совсѣмъ безгласнымъ его учинили невѣжею. Сверхъ прочихъ профессоровъ читалъ тогдаже на Латинскомъ языкѣ исторіи профессоръ г. Рейхель весьма благоразумную и благочестивую рѣчь. А дабы и впредь таковыя или хульнѣйшія въ толь знатномъ благочестивѣйшими государями нашими учрежденномъ мѣстѣ сочиненія, къ крайнему разврату и соблазну, издаваемы не были, о томъ, какъ и о истребленіи сего безбожнаго сочиненія, купно же и о пастырскомъ сочинителя запрещеніи богомольчески прошу".

Св. Синодъ приказали: что „хотя Св. Синодъ и не можетъ думать, чтобъ Аничковъ имѣлъ дерзновенное намѣреніе что-нибудь прямо говорить противу православнаго закона, однако признаетъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сочиненія Аничковъ употребилъ выраженія неосторожныя, кои и могли показаться другимъ соблазнительными; и потому требовать отъ Сената подтвержденія Университету не печатать такихъ неосторожныхъ сочиненій и чтобъ въ лекціяхъ ничего такого примѣшиваемо не было, чѣмъ законъ могъ бы быть тронутъ; и въ другія типографіи учинить о томъ же подтвержденіе, чтобы сочиненія, касающіяся вѣры, безъ апробаціи Св. Синода печатаемы не были".

Исправляющій должность оберъ-прокурора бригадиръ Чебышевъ протестовалъ противъ этого рѣшенія, и когда члены Синода остались при своемъ мнѣніи, подалъ письменное предложеніе: „Въ сочиненіи Аничкова противностей православному закону мною не усматривается, да и сочиненіе перепечатано. И то, что Аничковымъ оное сочиненіе читано было въ мѣстѣ государственномъ и ученомъ, гдѣ никакой соблазнъ и непристойность терпимы быть не могутъ; а паче, что ни въ доношеніи Амвросія, ни въ опредѣленіи Синода не изъяснено, въ чемъ и какимъ догматамъ православнаго закона Аничкова сочиненіе противно, вредно и соблазнительно: поэтому дѣло надобно оставить безъ послѣдствій".

(*Сообщено С. М. Соловьевымъ*).

ПРИКАЗЪ ГРАФА АРАКЧЕЕВА.

Напечатанный ниже приказъ сей, имѣя свое неоспоримое значеніе относительно дисциплины, замѣчателенъ тѣмъ, что графъ Аракчеевъ въ немъ рельефно выражаетъ черту своего необыкновеннаго самолюбія. Ставя всѣмъ генераламъ самаго себя въ примѣръ того, что въ присутствіи его не было примѣра нарушенія младшими чиновниками субординаціи, онъ упустилъ изъ виду, что личность его, стоя близко у трона и находясь на высотѣ грознаго временщика, сама собою, по положенію его и власти почти неограниченной, невольно каждому внушала и страхъ и сдержанность. Но чтобы присутствіе его внушало любовь и преданность къ нему окружавшихъ его, объ этомъ въ приказѣ не говорится; да и не къ стати было бы говорить: онъ зналъ, что его никто не любитъ и за него костьми не ляжетъ.

Замѣчательно, что графъ Аракчеевъ, по званію военнаго министра, первый ввелъ печатаніе министерскихъ приказовъ и разсылку ихъ, по войскамъ, наравнѣ съ Высочайшими приказами, имѣющими обязательную силу.

Григорій Александровъ.

ПРИКАЗЪ ВОЕННАГО МИНИСТРА.

Іюня 9-го дня 1808 года.

Съ самаго вступленія моего въ званіе военнаго министра замѣчалъ я, что субординація не наблюдается въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ полной ея силѣ. А какъ извѣстно, что оная есть главнѣйшее правило, связующее всѣ части военной службы, то и полагаю должною по званію моему обязанностію объявить слѣдующее. Нерѣдко случается, что особливо въ публичныхъ собраніяхъ младшіе чиновники не сохраняютъ въ отношеніи старшихъ должнаго уваженія, и даже самой благопристойности, то причину сему отношу я не столько на счетъ младшаго чиновника, какъ къ лицу старшаго, упускающаго изъ виду должное за сіе взысканіе, и чрезъ то дающаго совершенной поводъ къ явному ослабленію установленныхъ правилъ военной службы. Въ ономъ мнѣніи удостовѣряюсь я, поставляя собственно себя примѣромъ: ибо никогда не замѣчалъ я, чтобы въ отношеніи меня была нарушена субординація; слѣдовательно какъ нынѣ, такъ и впредь увѣрительно заключать должно, что естьли генералъ не будетъ взыскивать за неисполненіе обязанностей младшихъ его чиновниковъ, то таковой докажетъ, что онъ не умѣетъ удержать должнаго къ себѣ уваженія.

Военный министръ графъ Аракчеевъ.

Въ Государственную Военную Коллегію.

(Моск. Отд. Архива Гл. Шт. Оп. 39, св. 145, дѣло № 543).

ПИСЬМО МИТРОПОЛИТА ЕВГЕНІЯ

къ преосвященному Архангелогородскому Парѳенію.

Вологда. Октября 30, 1811 года.

Преосвященнѣйшій владыко,

Любезнѣйшій о Христѣ братъ!

Получилъ я письмо вашего преосвященства отъ 13 Октября съ приложеніями, и теперь отвѣтствую съ возвращеніемъ оныхъ. Я ихъ прочиталъ. „Бесѣда" очень хороша. Сей родъ проповѣдыванія для проповѣдника легчайшій, а для слушателей занимательнѣйшій разнообразіемъ своимъ. Посему-то и святые отцы больше проповѣдывали бесѣдами, нежели нарядными поученіями, для коихъ больше потребно труда, вниманія, да и ума. Въ разсужденіи же толкованія *Пѣсней* Соломоновыхъ вотъ мое мнѣніе. Книга сія, изъ всѣхъ книгъ библейскихъ, есть та, которую меньше прочихъ буквально толковать должно и можно. По свидѣтельству Оригена и Ѳеодорита, у Евреевъ запрещалось даже и читать се прежде 30-лѣтняго возраста; и хотя церковь Іудейская и Христіанская всегда согласно признавали оную богодухновенною и мистическою; но поелику Іисусъ Христосъ и Апостолы никогда на нее не ссылались, да и нѣтъ въ ней во всей имени *Бога*, то знатнѣйшіе изъ отцевъ святыхъ не принимались даже всю ее толковать, а только отрывками. Одинъ только отважный и аллегоріо-любивый Оригенъ признанъ отъ Іеронима лучшимъ толкователемъ сей книги. Hic, ut inquit Hieronymus, cum ceteris in libris vicisset alios, in Cantico Canticorum se ipsum vicit *). Но изъ сего толкованія немногіе только отрывки до насъ дошли. По немъ принимался толковать сію же книгу Григорій Нисскій и написалъ 15 бесѣдъ; но дошелъ ими только до 8 стиха 6-й главы и то разъяснялъ все только нравственными аллегоріями, а буквальнаго смысла не смѣлъ и касаться. Новѣйшіе критики винятъ даже Безу, Кастелліона и Гроція за то, что они въ переводахъ своихъ слишкомъ буквально силились выражать Еврейскій текстъ. И такъ если самый текстъ соблазнителенъ, то лучше не касаться онаго никакими толкованіями, особливо на народномъ языкѣ. Пусть остаются оныя въ книгахъ на ученыхъ языкахъ, дабы не дать повода кощунамъ и надъ Соломономъ, и надъ толковникомъ; ибо какъ ни толкуй *сосцы*, *ложницу*, *смуглоличіе*, *ланиты*, выю, *одръ* и пр., но не отвлечешь воображеніе слушателя отъ сладострастныхъ идей. Легче протолковать сію книгу пристойнымъ образомъ вообще, не-

*) По словамъ Іеронима, относительно прочихъ книгъ онъ превосходилъ другихъ; относительно же Пѣсни Пѣсней превзошелъ самаго себя.

жели въ подробности. А мы имѣемъ уже на Русскомъ языкѣ прекрасное общее на сію книгу толкованіе Өеофана Прокоповича, напечатанное 1774 года въ Москвѣ, и намъ послѣ того остается признаться:

Est summorum virorum praeclara moliri! *)

О кометахъ мнѣніе Дамаскина, изъ 2-й книги его Богословія вашимъ преосвященствомъ приведенное, старо уже для нашего вѣка и не заслуживаетъ вѣроятія: ибо, во 1-хъ, цари большею частію и безъ кометы умираютъ; а во 2-хъ, что будто онѣ *на время составляются и паки разрѣшаются*, совершенно опровержено уже наблюденіемъ ихъ систематическихъ путей и періодическаго обращенія. Въ Діалектикѣ своей сей же отецъ еще ложнѣе сказалъ, что будто κομητής ἐστί πυροειδές ἄστρων ἄθροισμα—igniformis stellarum concursus **). Но отцы намъ въ физикѣ не учители. Да и Писаніе учитъ насъ только нравственной и благочестивой физикѣ (Сираха, гл. 43).

За симъ и моя покорнѣйшая просьба къ вашему преосвященству: прилагаю при семъ выписку изъ книги, находящейся у васъ въ Архангельскомъ монастырѣ. Мнѣ крайне нуженъ полный и вѣрный списокъ сей уставной грамоты, сколько оной есть въ подлинной вашей книгѣ. Покорнѣйше прошу приказать повѣрнѣе писцу списать оную и доставить мнѣ съ первою почтою.

***

Письмо безъ подписи и извѣстно намъ не въ подлинникѣ, а въ новой копіи; но принадлежность его знаменитому Евгенію Болховитинову не подлежитъ сомнѣнію: оно помѣщено въ небольшомъ рукописномъ (составленномъ въ 1840-хъ годахъ, въ Воронежѣ) сборникѣ писемъ Евгенія, и находится здѣсь между письмомъ къ архимандриту Переяславскому Іосифу, отъ 18-го Августа 1810 г., о мѣстѣ погребенія князя Д. М. Пожарскаго съ подписью: Е. Е. В. (издано въ *Москвитянинѣ* 1842 г., № 12, стр. 402) и письмомъ къ канцлеру графу Н. П. Румянцеву, изъ Вологды, отъ 23-го Января 1813 г., съ которою начинается сдѣланное въ Воронежѣ изданіе переписки между этими двумя знаменитыми радѣтелями Русскаго просвѣщенія.

Леонидъ Майковъ.

---

*) Свойственно великимъ людямъ воздвигать достославное.

**) Огневидное стеченіе звѣздъ.

ИЗЪ БУМАГЪ В. А. ЖУКОВСКАГО.

Въ 1826 году В. А. Жуковскій, по совѣту врачей, долженъ былъ отправиться за границу для поправленія крайне-растроеннаго здоровья. Это былъ годъ тяжелыхъ испытаній для любящаго сердца Жуковскаго: весною 1826 года скончался Карамзинъ; лѣтомъ былъ осужденъ и приговоренъ къ смертной казни Николай Ивановичъ Тургеневъ. Меньшій братъ Тургенева, Сергѣй Ивановичъ, бывшій передъ тѣмъ съ графомъ Строгоновымъ въ Константинополѣ, молодой дипломатъ, которому предстояла блистательная будущность (письмо его, писанное въ то время, когда нашему посольству грозило заключеніе въ Семибашенной темницѣ, ходило по рукамъ и переписывалось), не выдержалъ удара, разразившагося и надъ ихъ семьею: онъ повредился въ умѣ. Жуковскій провожалъ его больнаго изъ Дрездена во Францію и похоронилъ въ Парижѣ (въ Іюнѣ 1827). Къ этому времени относятся знакомство Жуковскаго съ Гизо и дружба съ графинею Разумовской. Графиня Генріетта Разумовская, родомъ Француженка, супруга натуралиста графа Григорія Кириловича, была замѣчательная женщина. Довольно сказать, что она была дружна съ Жуковскимъ, братьями Тургеневыми, съ Гизо, Дежерандо, Августиномъ Тіери, Ройэ-Коларомъ, Ремюза, графомъ Каподистріею. Къ сожалѣнію, кажется, не сохранилось отвѣтныхъ ей писемъ Жуковскаго, хотя они были возвращены ему по кончинѣ гр, Разумовской, по ея предсмертному желанію. Наши свѣдѣнія объ этомъ періодѣ въ жизни Жуковскаго отчасти восполняются письмами его къ другой достопамятной женщинѣ тогдашняго Русскаго общества, Е. Г. Пушкиной, напечатанными въ первой книгѣ „Девятнадцатаго Вѣка“ и книгою писемъ А. И. Тургенева къ его брату Николаю, изданною въ Лейпцигѣ въ 1872 году.

Н. Елагинъ.

I. Записка Гизо къ В. А. Жуковскому.

Voilà madame de Rasoumowsky partie, monsieur, mais j'ai encore trois ou quatre jours à passer à Paris. Ma femme se trouve beaucoup mieux depuis hier. Vous devriez bien nous faire profiter de votre séjour et venir tout simplement déjeuner ou dîner avec nous, aussi souvent qu'il vous conviendra. J'aurais trop de regret de quitter Paris pendant que vous y êtes, si je n'avais pas eu du moins le plaisir de vous voir, vous et le comte Alexandre *), et de causer avec vous deux jusqu'au dernier moment. Croyez, je vous prie, à mes sentimens les plus distingués. Guizot.

Lindi. 11 Juin (1827).

Надпись: A m-r le comte de Joukowsky.

Переводъ.

Графиня Разумовская уѣхала, но мнѣ остается пробыть въ Парижѣ еще нѣсколько дней. Со вчерашняго дня жена моя чувствуетъ себя гораздо лучше. Дайте намъ попользоваться вашимъ пребываніемъ здѣсь; прихо-

*) Такъ называетъ Гизо Александра Ивановича Тургенева. *П. Б.*

дите запросто завракать или обѣдать съ нами, какъ только вамъ будетъ возможно чаще. Мнѣ слишкомъ грустно оставлять Парижъ, покуда вы здѣсь, и хотѣлось бы видѣть васъ и графа Александра и бесѣдовать съ вами двумя до послѣдней минуты. Вѣрьте чувствамъ самаго глубокаго уваженія. Гизо. Понедѣльникъ. 11 Іюня (1827). Господину графу Жуковскому.

Эта записка относится къ единственному въ жизни Жуковскаго, кратковременному пребыванію въ Парижѣ, куда онъ привозилъ и гдѣ похоронилъ (на кладбищѣ Перъ-Лашезъ) своего друга Сергѣя Ивановича Тургенева. Графиня Разумовская взяла на себя печальное порученіе съѣздить въ Англію къ брату покойника, Николаю Ивановичу (въ то время политическому изгнаннику, которому запрещенъ былъ въѣздъ и во Францію) и объявить ему объ его утратѣ. Гизо принималъ такое участіе въ семейномъ горѣ Тургеневыхъ, что предлагалъ графинѣ Разумовской на эту поѣздку деньги, которыя супруга его передъ тѣмъ получила отъ Французской Академіи, какъ премію за ея сочиненія. Крѣпкая дружба соединяла Жуковскаго и четверыхъ братьевъ Тургеневыхъ: Андрея (†1803), Александра (†1845), Николая (†1872) и Сергѣя (†1827). Три послѣдніе брата, послѣ 14 Декабря 1825 года, принадлежали съ числу людей опальныхъ, что́ и побудило Жуковскаго, убѣжденнаго въ ихъ невиновности, къ еще болѣе дѣятельной дружбѣ съ ними. Поѣздка въ Парижъ была въ то время, съ его стороны, поступкомъ политическаго мужества. Говорятъ, что онъ самъ рѣшался ѣхать въ Англію со словомъ ободренія; но посолъ нашъ въ Парижѣ, Поццо-ди-Борго, отказалъ ему въ выдачѣ проѣзднаго листа. Позднѣе, онъ неотступно ходайствовалъ за Николая Тургенева, составилъ въ оправданіе его большую юридическую записку и имѣлъ отраду убѣдить предержащія власти въ политической честности своего друга.

Поѣздка Жуковскаго во Францію, лично для него и для того дѣла, которому посвящена была его жизнь, была чрезвычайно полезна. До тѣхъ поръ онъ, болѣе или менѣе, находился подъ вліяніемъ высокихъ умовъ Германіи, хотя и не подчинялся имъ вполнѣ, по внутреннему чувству мѣры, которое было присуще его прекрасной природѣ. Знакомство съ нѣкоторыми лучшими людьми Франціи еще шире раздвинуло его умственный горизонтъ и не дало ему впасть въ односторонность, которая такъ гибельна въ дѣтскомъ обученіи и воспитаніи. *П. Б.*

II. Письмо Жуковскаго къ г-жѣ Моро де ла Мельтьеръ. (Іюнь 1827).

Vous m'avez prévenu, chère amie. J'ai voulu vous écrire, pour vous informer de mon arrivée à Paris; mais des circonstances bien tristes m'en ont distrait. Je suis venu à Paris pour en jouir, et j'étais destiné a y voir mourir et enterrer un ami, qui m'a accompagné dans mon voyage. Ce malheureux événement m'a gâté tout le séjour de Paris. Je sais que je le quitterai avec plaisir. Au moins, j'en emporterai un souvenir bien lugubre. J'arrivai aussi avec l'espérance de vous y rencontrer, et c'est avec une grande peine que j'ai du y renoncer. Mais je vous ai retrouvée dans la bonne opinion, que vous avez donné de moi à vos amis, dont j'ai été acceuilli avec un intérêt touchant. Grâce à vous je me suis trouvé dans un cercle d'anciennes connaissances: je parle de l'aimable famille de Guizot, que j'estimais de loin et que j'aime de près. Mais il me semble, que je suis destiné à n'éprouver à Paris que des sensations tristes. J'ai trouvé m-me Guizot ma-

lade. Elle est très faible. On lui a ordonné un voyage, et Dieu donne qu'elle puisse le faire. Son activité [1]) l'a tuée. Son mari est un homme bien intéressant: c'est un de ces savants qui gagnent à être connus de près. Mais je ne puis pas jouir de leur société, autant que je le voudrais: malgré l'apathie, qui s'est emparée de moi depuis la malheureuse catastrophe [2]), dont j'ai été frappé, je dois autant qu'il est possible profiter du peu de jours, que je passerai à Paris, pour voir, au plutôt pour entrevoir quelques unes de ses curiosités. C'est un abîme. Je ne ferai qu'un rêve d'un moment. Il faut séjourner à Paris, au moins une année pour pouvoir en concevoir un souvenir distinct. Je ne verrai qu'une partie de son ombre.

Votre lettre a été pour moi, comme une voix du passé. Les jours que nous avons vécu ensemble appartiennent à une époque de ma vie, qui ne ressemblent en rien à celle où je me trouve à présent. Ce Mouratovo [3]) a été le séjour de mon âge d'or; la vie d'alors était poëtique; aussi ce n'est qu'alors que j'ai été poëte. Rien de ce passé n'existe plus, et ce qui existe, est bien changé..... Moi je suis jeté dans une carrière à part, que je n'ai jamais pensé choisir, et dans laquelle je suis entraîné par un force de la destinée, qui m'a amené au point où je suis, sans ma participation. Me voila livré à une activité, qui est toute autre que celle, qui remplissait autrefois mon âme. Elle n'est pas de mon choix. Elle m'est arrivée comme un ordre de la Providence auquel je veux obéir avec le plus complet dévouement. C'est une activité qui m'effraye, qui certainement est au dessus de ma capacité; mais elle remplit mon existence, elle élève mon âme; toute ma vie lui appartient. Je n'ose pas avoir confiance dans mes forces, mais je suis riche de dévouement.

Переводъ.

Вы меня предупредили, любезный другъ. Я хотѣлъ написать къ вамъ и увѣдомить васъ о моемъ пріѣздѣ въ Парижъ; но весьма печальныя обстоятельства отвлекли меня отъ того. Я пріѣхалъ въ Парижъ повеселиться въ немъ; а мнѣ суждено было быть здѣсь свидѣтелемъ кончины друга, сопровождавшаго меня въ моемъ путешествіи и похоронить его. Это горестное происшествіе испортило всю мою Парижскую жизнь. Я чувствую, что выѣду отсюда съ удовольствіемъ и во всякомъ случаѣ увезу съ собою воспоминаніе очень мрачное. Я пріѣхалъ также съ надеждою васъ встрѣтить здѣсь, и къ великой досадѣ мнѣ пришлось отказаться отъ того. Но вы сказались мнѣ въ томъ добромъ мнѣніи, которое сообщили сюда обо мнѣ друзьямъ вашимъ; они встрѣтили меня съ трогательнымъ участіемъ. Благодаря вамъ, я очутился въ кругу давнишняго знакомства: говорю о любезномъ семействѣ Гизо, которое я уважалъ издали и люблю вблизи. Но мнѣ кажется, я обреченъ испытывать въ Парижѣ одни лишь печальныя ощущенія: я засталъ г-жу Гизо больную. Она очень слаба. Ей предписано путешествіе, и Богъ знаетъ, въ состояніи ли она

[1]) Литературныя работы. *П. Б.*

[2]) Кончина С. И. Тургенева. *П. Б.*

[3]) Жуковскій живалъ въ Муратовѣ въ періодъ времени съ 1811 по 1815 годъ. *П. Б.*

предпринять его. Трудолюбіе сокрушило ее. Мужъ ея очень любопытный человѣкъ. Онъ одинъ изъ тѣхъ ученыхъ, которыхъ цѣнишь больше, познакомившись ближе. Но мнѣ нельзя пользоваться ихъ обществомъ, сколько бы я желалъ того: не смотря на отупѣніе, овладѣвшее мною послѣ горестнаго удара, которымъ я пораженъ, мнѣ всячески должно немногіе дни Парижской жизни употребить такъ, чтобы увидать нѣкоторыя его замѣчательности, или лучше сказать, взглянуть на нихъ. Это пучина. Мнѣ предстоитъ минутная фантасмагорія. Надо жить въ Парижѣ по крайней мѣрѣ годъ, чтобы удержать въ себѣ отчетливое воспоминаніе о немъ. Я же увижу только часть его тѣни.—Письмо ваше для меня было какъ бы голосомъ прошедшаго. Дни проведенные нами вмѣстѣ принадлежатъ къ тому времени въ моей жизни, которое ни въ чемъ не сходствуетъ съ моимъ нынѣшнимъ временемъ. Муратово—это мѣсто, гдѣ протекалъ мой золотой вѣкъ. То была поэтическая жизнь, и только тогда я былъ поэтомъ. Изъ этого прошедшаго ничего не существуетъ, а что̀ и осталось, то весьма перемѣнилось.... А я брошенъ на особаго рода путь, котораго никогда ни думалъ выбирать и по которому влечетъ меня сила судьбы, приведшей меня, безъ моего вѣдома, къ той точкѣ, гдѣ я теперь. И вотъ я отданъ дѣятельности вовсе не похожей на ту, которая нѣкогда наполняла мою душу. Не я выбиралъ ее. Она явилась ко мнѣ, какъ воля Провидѣнія, и этой волѣ я хочу повиноваться съ полнѣйшимъ усердіемъ. Эта дѣятельность конечно пугаетъ меня; она выше моихъ способностей; но она наполняетъ собою мое существованіе; она подымаетъ мнѣ душу; вся моя жизнь принадлежитъ ей. Не дерзаю довѣряться своимъ силамъ, но я богатъ усердіемъ.

*

Госпожа Моро де ла Мельтьеръ (скончавшаяся въ 1854 году въ Москвѣ, въ Убѣжищѣ Святой Даріи на Малой Лубянкѣ) познакомилась съ Жуковскимъ, живя (около 1812 года) въ Орловскомъ имѣніи Е. А. Протасовой, селѣ Муратовѣ, Болховскаго уѣзда. Она была Французская писательница. Нѣкоторыя книги ея, романы, драмы, посвящены Жуковскому. Она перевела пофранцузски извѣстную повѣсть Основьяненки Оксану. По совѣту историка Гизо, съ которымъ она была коротко и дружески знакома, Моро де ла Мельтьеръ издала свой Французскій переводъ Нибелунговъ.

III. Выписка изъ письма Жуковскаго къ А. А. Воейковой (1828).

Я согласенъ съ тобою: въ характерѣ Французовъ гораздо болѣе мелочнаго, нежели въ нашемъ Русскомъ; у нихъ болѣе жизни, и гражданская ихъ жизнь развиваетъ чрезвычайно всѣ стороны частной. Чего не родится отъ партій? А у нихъ на все партіи: на религію, на литературу, на правительство. У насъ все спитъ: и религія, и литература, а правительство дѣйствуетъ безъ насъ. По неволѣ и ты будешь сонный; какъ ни таращь глазъ, ничего не замѣтишь. Я вспоминаю однако о Франціи съ пріятнымъ чувствомъ. Тѣ, кого тамъ узналъ, были для меня всѣ милы. Не говорю уже о графинѣ Разумовской, которая есть (была) прототипъ умной, живой, огненной Француженки. Семейство Гизо было для меня чрезвычайно привлекательно; но и самъ народъ мнѣ нравился своею дѣятельною живостью. Не знаю, весело ли бы было съ ними остаться, но узнать ихъ было пріятно.

IV. Два письма графини Генріетты Разумовской [1]) къ Жуковскому.

1.

По поводу кончины госпожи Гизо [2]).

Paris, 5 Août (1827).

Vous savez maintenant, cher Joukoffsky, pourquoi je ne vous ai pas encore répondu. Ma seule amie, ma seule amie dans toute l'acception du terme, n'existe plus. Puis-je me plaindre? Ai-je acheté trop cher par la douleur actuelle vingt années de communication intime avec une des plus nobles créatures que le Ciel ait formées? Non, je ne me plains pas: je rends grâce à Dieu de m'avoir associée à la vie et à la mort de cette excellente femme. Ces derniers jours, qui viennent de se passer, éclaireront et dirigeront le reste de ma vie. J'ai pensé à vous auprès de cette mourante toute rayonnante d'immortalité; je vous regrettais: votre noble génie eût trouvé là des inspirations dignes de lui. J'ai passé quatre jours avec elle sans la quitter. C'est à Plombières que son mari lui a annoncé lui-même, qu'elle ne pouvait pas guérir; elle a aussitôt demandé à revenir à Paris, pour mourir chez elle, au milieu de tous les siens et des souvenirs de toute sa vie. Elle craignait tant de mourir en route, qu'à son arrivée elle se sentit heureuse, et nous eûmes un moment d'espoir. Cependant elle me dit aussitôt, qu'elle avait fait son sacrifice à Dieu, qu'elle était entièrement resignée. Elle n'a pas cessé d'être occupée des autres, d'être tendre, ferme, nous soutenant de son courage, heureuse de se sentir aimée. Tout se résolvait autour d'elle en amour et en espérance, tout, jusqu'à la douleur de la perdre. Son mari a été ce qu'il peut être donné à un être humain d'être de meilleur. Il y avait sous son courage quelque chose de plus qu'humain, mais ses cheveux ont blanchi dans

---

[1]) Сообщаемъ свѣдѣнія объ этой достопамятной женщинѣ, полученныя нами отъ автора книги: „Семейство Разумовскихъ", А. А. Васильчикова. Графиня Генріетта Разумовская была родомъ Мальценъ, изъ Нѣмецкихъ провинцій Франціи. Въ началѣ столѣтія она вышла за мужъ за Русскаго выселенца, графа Григорія Кириловича Разумовскаго (род. 1758), извѣстнаго своими Французскими сочиненіями по минералогіи. Графъ покинулъ свою супругу и женился на другой. Начался процессъ, и обѣ супруги пріѣзжали для того въ Петербургъ, гдѣ вторая графиня и скончалась около 1818 года. Св. Синодъ призналъ первый бракъ законнымъ, и за графинею Генріеттою утвержденъ былъ ея титулъ. Не познакомилась ли она, по поводу этого процесса, еще въ Петербургѣ съ А. И. Тургеневымъ, который нѣкогда имѣлъ важное положеніе въ вѣдомствѣ синодальномъ? *П. Б.*

[2]) Полина Гизо, урожденная Мёланъ (Meulan), первая супруга знаменитаго историка (родилась въ 1773 году, на 14 лѣтъ раньше своего мужа), пріобрѣла, съ самаго начала нынѣшняго столѣтія, большую извѣстность какъ писательница. Она прославилась въ особенности сочиненіями педагогическими. За годъ до кончины ея, вышло въ свѣтъ главное ея сочиненіе: Lettres sur l'éducation, увѣнчанное преміею отъ Французской Академіи. Она скончалась 1 Августа 1827. — Гизо впослѣдствіи женился на племянницѣ ея Маргеритѣ Дилонъ, которая также была писательницею (†1833). *П. Б.*

ces quatre jours et son visage a pris vingt ans de plus. Il lui parlait de sa mort, de leur avenir, de Dieu, avec l'autorité d'un apôtre et la tendresse du meilleur des maris. Les souffrances avaient cessé, et dans ces quatre jours il n'était resté de vie que dans le coeur et la tête; tout était consumé en elle, mais l'âme demeurait la même et nous apparaissait plus sensiblement que jamais. Lundi matin, pour distraire notre attention, elle voulut que m-r de Rémusat, qui est revenu pour elle d'Angleterre, nous racontât son voyage. Il commença par parler de N. à qui il avait porté les lettres de Laf... pour l'am... Il dit qu'il lui avait paru avoir un esprit et un caractère remarquables, quoiqu'il l'eût trop peu vu. A ces mots Pauline jeta sur moi des regards affectueux et dit: „Il est bon aussi; ce sont de bons amis; dites à Alexandre „et à m-r Joukoffsky, que j'aurais voulu les trouver ici, qu'ils ne sont „pas des étrangers pour moi, je les ai entièrement adoptés, ce sont de „nobles âmes. Dites à m-r T. qu'il m'a encore rendue bien heureuse „en arrangeant votre affaire d'argent. Pauvre amie! Vous n'auriez pas „pu rester à Paris sans cela".

La veille elle m'avait longtemps parlé de Nicolas; elle avait voulu savoir toutes les particularités de mon voyage; je les lui dis, je lui parlai de notre correspondance, ce qu'elle était devenue ces derniers temps. Elle m'écoutait avec sérieux et à la fin me dit: „Je crains „que vous ne vous engagiez trop dans une relation qui n'aura peut-„être pas d'avenir; il ne faut donner autant que si on peut donner „toute la vie. Prenez garde, mon amie; vous vous préparez des cha-„grins. Votre amitié est beaucoup maintenant pour lui; que sera-t-elle „lorsqu'il sera retourné en Russie, employé, marié, heureux? Vous au-„rez des mécomptes". Je lui demontrais que cela ne se pouvait pas que j'eusse des mécomptes, ne demandant rien qui ne fût facile dans les diverses situations, et je la rassurais. Lundi soir elle voulut prendre congé de sa famille; elle dit à chacun des paroles qui lui allaient. Quand elle eut fini avec tous, elle me fit signe de venir contre son visage, et me prenant les mains, elle me dit: „Je vous ai gardée la der-„nière, vous, ma plus chère amie; savez vous bien, combien je vous ai „toujours aimée? Je ne vous demande rien, je ne vous recommande „rien, rien; je connais votre coeur, je sais ce que j'en peux attendre; „vous ne m'oublierez pas, vous l'aimerez (en désignant son mari). Je „serai auprès de vous, si c'est possible. Mon amie! Dieu nous attend „tous; nous nous retrouverons pour nous aimer toujours; la mort est „douce, mon amie: elle est pleine d'avenir".

Le Mardi elle eut une crise spasmodique, qui se calma bientôt; le jour et la nuit se passèrent dans de touchants témoignages de tendresse et dans des entretiens qui fortifiaient nos âmes. Elle ne vivait plus que de sentiment, la vie matérielle avait cessé: elle ne prenait aucune nourriture, seulement un peu d'eau sucrée. Dans la journée elle eut un moment plus faible; son mari rappela la vie en elle, comme cela lui était déjà arrivé, en appuyant ses lèvres sur les lèvres décolorées de sa digne femme. Elle revint à elle et lui sourit. Le ciel était dans ce sourire. Je dis un mot sur cela à Guizot, et que ce serait un

beau souvenir pour lui. „Ah, dit-il, tant qu'elle respire, elle m'aimera et sentira que je l'aime; elle le sentira là-haut encore plus". C'est avec de semblables paroles que nous arrivâmes au Mercredi. Vers onze heures elle demanda à son mari de lui lire une lettre de Fénélon, qu'elle désigna; elle en fut satisfaite et demanda le sermon de Bossuet sur la mort. Il était à moitié de cette lecture, quand il crut s'apercevoir qu'elle ne voyait plus; il le lui demanda, elle répondit par un signe et déjà aussi elle ne pouvait plus parler; mais elle avait toute sa connaissance: elle lui pressait la main, sourit encore et cessa de respirer. Son mari resta longtemps immobile près d'elle, ensuite il se leva et dit: „Allez, mes amis, prenez aussi congé d'elle!" Nous le fîmes tous. Tout ce qu'elle a le plus aimé est accouru à Paris: Rémusat, les Broglie, m-me de St. Aulaire. Jamais plus d'affection n'a entouré un mourant. Nous étions dans la chambre; le salon, le jardin n'avaient pas désempli depuis son arrivée, mais les amis les plus intimes ont été ceux qu'elle voyait.

Je ne croyais pas qu'on pût trouver une si grande douceur à embrasser une morte; mes lèvres ne s'en pouvaient détacher. Son visage avait un caractère sublime. Eliza et moi, nous l'avons ensevelie; je l'avais promis sans savoir combien il m'en coûterait; mais pourtant j'ai accompli cet acte d'amitié, et pas une main qui ne lui fut chère, n'a approché d'elle. Guizot n'a pas quitté le cercueil. Eliza et moi nous avons veillé avec lui cette dernière nuit, et Jeudi il est allé lui rendre les derniers devoirs. Entendez-vous ces pelletées de terre, qui tombaient devant lui sur la femme qu'il a tant aimée, qu'il a aimée depuis l'âge de dix-huit ans? Le lit n'a été vacant qu'une seule nuit, il y a couché Jeudi soir et n'en aura jamais d'autre: il y peut dormir, il y entendra encore les bénédictions de sa femme. Extérieurement tout reste de même pour Guizot; il n'a que le bonheur de moins; tout reste comme vous avez vu. Le bon *** prend le ménage à ses frais et garde Guizot, sa mère et son fils avec leurs gens.

Chacun me demande de vous parler d'eux; vos deux noms ont été prononcés dans tous les moments. Vous êtes établis là, comme si vous étiez pour eux un intérêt de toute la vie. Vous êtes transparent, bon Joukoffsky: on vous aime vite et avec sécurité.

Je donne bien plus de détails à N., ou du moins ils ont plus de vie: car j'ai trouvé des moments pour lui écrire presque chaque jour et sous l'impression immédiate. Comment souffrir, voir souffrir et ne pas penser à lui! Je voulais l'attirer dans ma vie, dans mes pensées, le faire sortir ainsi des siennes, le fortifier en lui montrant la force de Guizot, qui est si tendre en même temps. Je le lui ai montré plus complétement que je n'ai le temps de le faire pour vous.

Au milieu de ce qui m'occupe, je n'ai pas perdu de vue ce qui vous intéresse. J'ai fait parler, j'ai parlé à tout ce que j'ai pu découvrir de personnes qui ont été pour cause de santé dans le Midi, ou qui sont de ce pays-là. Nice et Hyères sont à peu près la même chose. (C'est dans la ville d'Hyères et non dans les îles qu'on va). Si la maladie commence, les deux climats sont également salutaires; si elle est avan-

cée, ils hâtent également. Il y a une vivacité dans l'air, qui donne un rapide développement à la plaie; mais dans ce cas la question est partout de vivre plus ou moins de semaines, la guérison partout impossible. Rémusat a une belle-soeur malade, la dernière des trois soeurs, dont l'une était aimée de Rémusat; elle mourut avant le mariage; la douleur commune le retint dans la famille; pour ne pas s'en séparer, il épousa une autre des soeurs, qui mourut un an après aussi de la poitrine. Enfin il en reste une, qu'on ne fait vivre que par l'air du Midi. Ses parents ont soigneusement observé ce qui valait mieux de Nice ou d'Hyères; ils ont cru Nice préferable. Ce sont m-r et m-me Périer, le frère de Casimir Périer le député. Leur fils va épouser dans quelques semaines m-lle de Lafayette. Ce sont d'excellentes gens; la femme de même nature, que votre chère Alexandrine; elles s'entendraient vite, et je les mettrais en rapport. Quand à Hyères, je sais que la vie y est facile, à très bon marché, mais pas autant de ressources qu'à Nice. La dame que vous avez vû monter en diligence, le jour de mon départ pour Londres, y a passé l'hiver dernier, aussi pour la poitrine. J'irai lui demander des renseignements. Vous les aurez dans ma prochaine lettre et bien circonstanciés. Montpellier n'est plus de mode, je ne sais pourquoi. Nice et Hyères ne valent rien l'été. J'ai pensé pour cette saison, l'année prochaine, aux Eaux Bonns dans les Pyrénées; parlez en à la princesse Sophie, qui y a été.

Je n'ai qu'une chose à vous dire sur m-me Woyeikoff: c'est que tout ce que votre amitié pour elle pourra désirer de moi, je le ferai, comme vous savez, que je fais ce que vous me demandez. Koreff me charge de vous dire qu'il voit des effets surprenants d'une nouvelle manière de traiter les maladies de poitrine, en appliquant le moxa à plusieurs reprises entre les côtes, du côté où l'on souffre le plus, et ensuite un séton aussi de ce même côté; mais pour un tel remède il faut en parler à Huffland ou à Kreisig avant de le proposer.

Degérando, qui se rappelle à votre souvenir, a entre les mains tous les papiers de Montmorency. Je lui ai parlé des notes en question; il m'a dit (songez qu'il a été l'ami de Montmorency) qu'il n'y a rien dans ces notes qui vaille la peine d'être communiqué, que lui a été surpris de ce que ce caractère et cet esprit a pris à la fin de retréci par le fait d'une dévotion mal entendue (vous savez que Degérando est très pieux). Mont. ne s'était aidé de rien autre chose que de sa conscience, et une conscience remise sous la direction d'un confesseur, n'éclaire pas suffisamment.—L'abbé Nicole est venu me faire des reproches amers de ne l'avoir pas fait rencontrer avec vous chez moi. En effet, je n'y avais pas pensé. Il est inconsolable de ne vous avoir pas vu, ni Alexandre. Il me charge de vous dire que tout ce qu'il pourra faire pour vous être agréable, il le fera et à présent et dans l'avenir. Je lui ai demandé de me tenir au courant de ce qui pourrait se publier d'ouvrages, qui puissent concerner votre grande oeuvre, et que je vous les enverrai. Degérando fera de même; cela vous convient-il?

A présent venons à N... Je vous dirai que depuis votre départ, il m'écrit des lettres effrayantes. La seule bonne, que j'ai envoyée l'autre

jour à Alexandre, vous l'aurez lue. Il y a en lui une douleur sombre, farouche, qui tient moins à l'événement qui les a frappés, qu'à une disposition de son caractère, que cet événement a seulement portée au plus haut degré. Il y a quelque chose de délirant dans des passages de ses lettres, qui m'ont donné une crainte terrible, la crainte que le malheur de Serge ne se renouvelle en lui: cette douleur désordonnée y peut conduire. Quand cette idée m'est venue, il s'est joint aussitôt une idée, celle d'aller passer un mois avec lui. Je le lui proposai; je craignais qu'il n'acceptât pas. Avant d'avoir même achevé de lire ma lettre, il s'est mis à m'écrire de venir. Dans l'intervalle où ma lettre avait été écrite et avant qu'elle n'arrivât, il m'écrivait de son côté deux fois qu'il aurait répugné de me voir à Londres sans Alexandre, mais qu'à Lymigton, c'est différent, qu'il me désire. Vous pouvez comprendre combien j'ai été aise d'avoir prévenu son désir: il ne pourra pas craindre d'avoir provoqué un acte de complaisance. Il trouve cependant encore un moyen de se tourmenter, il craint que je ne lui fasse un sacrifice; mais je sens qu'il est content; il croit que je peux partir le huit et se hâte de m'indiquer mon itinéraire, ensuite il me dit qu'il ira où je voudrai. Je ne veux l'attirer dans aucun des ports où je puis débarquer. J'ai remarqué que tout ce qui lui rappelle qu'il ne peut aller plus loin, lui fait mal. Je ne partirai que le 15. Ma santé est éprouvée de ce qui vient de se passer; il me faut quelques jours de soins pour me remettre.

Je crois que sous tous les rapports ma présence lui sera meilleure que notre correspondance. Elle est trop active. Alexandre a eu tort de l'exciter autant. Je lui donnerai plus de repos que ne lui en donnent mes lettres et celles qu'il m'écrit. La réalité calmera cette ardente imagination, qui crée un être fantastique auquel il applique son souvenir. Je sentais à Londres que je le calmais à mon gré; à plus forte raison lui ferai-je du bien maintenant, que nos lettres ont établi tant d'intimité entre nous: celles que vous avez vues ne sont rien en comparaison de celles que je reçois depuis. Depuis le 14 il m'écrit chaque jour. Il se consume dans cet isolement. Vous comprendrez ce que j'éprouve à l'idée de ce que sera ma présence pour N... N'y eût-il que le bien que je lui ferai, ce serait assez; mais il y a, de plus, une véritable sympathie entre nous, et le revoir me donnera plus de contentement qu'à lui-même. J'aurais passé ce temps à Broglie où va aller toute la famille Guizot et Devenie, ou aux bains de mer avec m-r et m-me de Meulan. N'est-ce pas mille fois mieux employer mon temps, ce temps qui n'eût été utile à personne et qui sera donné à l'être le plus seul sur la terre? A tout moment l'idée de cette solitude me revient. Cela me prend au coeur.

N'ayez tous deux de soucis pour moi d'aucun genre; n'en n'ayez pas pour l'argent. Je peux sans de grands efforts vivre là, comme y vit N.. Il me serait désagréable qu'Alexandre me parlât même de cela. J'ai fait mon calcul, pour pouvoir même un peu voyager; nous serons là comme de bons frère et soeur. Que le coeur d'Alexandre soit tranquille; je ferai, comme il ferait lui-même pour soigner les tristes dis-

positions d'âme de N... J'ai plus de responsabilité que la première fois, puisque j'y vais de ma volonté, d'une volonté pure, bonne, que Dieu bénira: j'en ai la confiance.

Je ne dis pas mon voyage; dans ce moment chacun se disperse, court de côté et d'autre. On est habitué à me voir passer les étés dans bien des endroits différents; personne ne s'intéressera à savoir où je suis. Je ne le cacherai pas, mais je ne le dirai pas. Recommandez à Alexandre de ne pas le dire. Vous deux, vous me comprendrez; des indifférents se moqueront ou blâmeront. Pour éviter tout inconvénient j'exige, que sans exception vous ne le disiez à personne.

Alors, avant mon départ, je vous enverrai ma procuration et je vous parlerai de mes affaires. Tant de choses m'ont occupée, que je n'ai pas pensé à celle-là. Ai-je seulement dit à Alexandre ma satisfaction des bons soins de m-r Gichareff? On devient avide dans la prospérité; maintenant je voudrais savoir si le c-te Orloff trouve juste de me garder huit mois mon argent sans intérêt quelconque? Il était remboursable le 28 Février. Il lui serait plus facile de payer les intérêts de ce temps là, qu'à moi de les perdre. Mais pourtant il ne faut pas que ce bon m-r Gichareff soit tourmenté pour cela; qu'Alexandre n'en parle que s'il n'y voit pas d'inconvénient. Je ferai, comme je l'ai souvent fait—je me passerai.

Ne croyez pas, que vous serez souvent tourmenté de pareilles lettres. Sa longueur et sa négligence m'effrayent, quand je pense à qui elle s'adresse. Mais je vous écris du coeur, le vôtre m'acceptera. S'il était possible de m'écrire tout de suite, je serais bien contente de recevoir ici encore un mot de vous. Faites-le, car il pourrait se faire qu'une circonstance ou une autre retardera mon voyage. Mais hâtez vous et dites-moi franchement si vous me blâmez. Cela me ferait quelque peine, mais je vous répondrai en vous montrant cet excellent être calmé, ranimé et n'ayant plus le déchirant sentiment d'un isolement absolu. Quand on peut faire ce bien là, qu'on peut le faire sans rien blesser, on serait coupable de ne pas le faire.

Adieu, cher ami: laissez moi vous donner ce titre, qui échappe à mon coeur, titre que je vous donne si volontiers et si sincèrement. Mille et mille tendresses à la mère et à la fille; mais le même silence qu'avec tout autre. Occupez vous beaucoup de ma chère Aline, vous lui ferez du bien. Mettez de votre poësie dans son âme, qui a été froissée de bonne heure et qui a besoin que le feu sacré la dilate. Elle en est susceptible.

Tâchez d'obtenir ma grâce d'une personne qui doit m'en vouloir beaucoup, qui est à Ems, m-me de Noiseville, si vous la voyez. Elle a été parfaitement bonne et aimable pour moi, et moi indigne, elle m'a écrit plusieurs fois, je ne lui ai pas répondu; cela n'a pas cessé de me bourreler la consience. Vous ne vous doutez pas, que je déteste d'écrire. Vous trois vous m'avez tiré ma substance, je ne peux écrire que du coeur; quand je m'en tire bien, le reste ne fournit pas. Mais adieu! Vous devriez bien écrire à Guizot; il le mérite de vous, et Alexandre aussi. Il faut leur écrire à Paris, leur numéro est 37.

Переводъ.

Парижъ. 5 Августа (1827).

Теперь, дорогой мой Жуковской, вы знаете, почему я вамъ еще не отвѣчала. Единственнаго друга моего, единственнаго въ полномъ смыслѣ, нѣтъ уже на свѣтѣ. Могу ли жаловаться? Слишкомъ ли дорого заплатила я теперешнею скорбью за двадцатилѣтнюю близкую связь съ самымъ благороднымъ созданіемъ Творца? Нѣтъ, я не жалуюсь! Благодарю Бога, соединившаго меня на жизнь и на смерть съ этой превосходной женщиной. Послѣдніе протекшіе дни освѣтятъ и управятъ остатокъ моей жизни. Я думала о васъ подлѣ умирающей, сіявшей безсмертіемъ, тужила о васъ: благородный вашъ геній нашелъ бы тутъ вдохновенія достойныя его. Я провела съ нею четыре дня, не оставляя ея ни на минуту. Будучи въ Пломбіерѣ, самъ мужъ объявилъ ей, что нѣтъ надежды на выздоровленіе. Тогда она тотчасъ пожелала возвратиться въ Парижъ, чтобъ умереть съ своими, среди воспоминаній всей своей жизни. Она такъ боялась умереть дорòгою, что, пріѣхавъ домой, просвѣтлѣла счастіемъ, и мы поддались надеждѣ; между тѣмъ она сказала мнѣ, что предалась совершенно волѣ Божіей и готова быть жертвою (qu'elle avait fait son sacrifice à Dieu); постоянно занималась другими, была ласкова, тверда, ободряла насъ своей твердостью, счастлива была, видя нашу любовь. Вокругъ нея все облекалось въ любовь и надежду, все—даже скорбь разлуки съ нею. Мужъ ея былъ таковъ, какимъ только дано быть человѣку совершенному. Твердость его превышала человѣческія силы, но волосы на головѣ посѣдѣли, и въ теченіи этихъ четырехъ дней лицо двадцатью годами состарѣлось. Онъ говорилъ ей о смерти, объ ихъ будущей жизни, о Богѣ, съ властью апостола и съ нѣжностью любящаго мужа. Въ эти четыре дня всѣ страданія прекратились; жизнь осталась только въ сердцѣ и въ головѣ; все въ ней погибло, жила одна душа и являлась намъ яснѣе прежняго.

Въ Понедѣльникъ утромъ, чтобъ отвлечь наше вниманіе, она захотѣла, чтобы г. Ремюза, для нея возвратившійся изъ Англіи, разсказалъ намъ свое путешествіе. Онъ началъ разсказывать объ Н. [1]), которому онъ отвезъ письма отв. Лаф. для посл. [2]); говорилъ, что нашелъ въ немъ умъ и характеръ замѣчательный, хотя мало времени видѣлъ его. Тогда Полина взглянула на меня ласково и сказала: „Онъ тоже замѣчательно добръ. Это добрые друзья. Скажите Александру и Жуковскому, что мнѣ было бы пріятно, еслибъ они были здѣсь. Они мнѣ не чужіе; я съ ними сроднилась; „это благородныя души! Скажите Тургеневу [3]), что онъ вполнѣ меня осчастливилъ, уладивши твои денежныя дѣла. Бѣдный другъ мой: ты безъ „этаго не могла бы оставаться въ Парижѣ".

Наканунѣ она долго говорила со мной о Николаѣ и хотѣла узнать всѣ подробности моего путешествія. Я все разсказала, говорила о нашей пе-

---

[1]) О Н. И. Тургеневѣ, который въ это время находился въ Англіи, куда долженъ былъ удалиться изъ Парижа, такъ какъ, по требованію нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, правительство Карла X-го воспретило ему жить во Франціи. *П. Б.*

[2]) Вѣроятно это значитъ „отъ Лаферове къ послу", т. е. къ нашему послу въ Лондонѣ (князю Ливену) отъ Французскаго посла при нашемъ дворѣ. *П. Б.*

[3]) Александръ Ивановичъ Тургеневъ, всегда дѣятельный въ помощи людямъ и сохранившій обширныя связи въ Россіи, благодаря прежней службѣ своей въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ и своему отличному характеру, вѣроятно помогъ графинѣ Разумовской получать деньги изъ Русскихъ имѣній мужа ея, графа Григорія Кириловича, который въ это время еще былъ въ живыхъ (†1838), но враждовалъ противъ нея. *П. Б.*

репискѣ и чѣмъ эта переписка сдѣлалась въ это послѣднее время. Она внимательно, серіозно слушала; напослѣдокъ сказала: „Я боюсь, что ты слишкомъ увлеклась этими сношеніями; въ нихъ, можетъ статься, нѣтъ будущаго. Не должно давать такъ много, если нельзя отдать всей жизни; берегись, другъ мой; ты готовишь себѣ горе. Дружба твоя теперь для него великое счастіе; будетъ ли тоже, когда онъ возвратится въ Россію, „на службу, женится, будетъ счастливъ? Тебѣ останется грустный недочетъ". Я отвѣчала, что никогда этого не будетъ; недочету быть не можетъ, когда я не требую ничего, кромѣ того, что́ равно доступно во всякомъ положеніи. Это ее успокоило. Вечеромъ, въ Понедѣльникъ, она захотѣла проститься со всей семьею и каждому сказала пригодное для него слово. Когда со всѣми покончила, то знакомъ позвала меня, приблизила къ лицу и, взявши меня за руки, сказала: „Тебя я сберегла напослѣдокъ; тебя, лучшій другъ мой. Знаешь, сколько я всегда тебя любила? Не прошу у тебя ничего, ничего тебѣ не поручаю; знаю твое сердце и чего могу ожидать. Ты меня не забудешь, будешь любить его (указывая на мужа). Я буду подлѣ васъ, если это возможно. Другъ мой, Богъ всѣхъ насъ ждетъ; мы свидимся, чтобы любить другъ друга вѣчно. Смерть пріятна, другъ мой: она полна будущаго".

Во Вторникъ былъ спазмодическій припадокъ, но скоро утихъ. День и ночь прошли въ трогательныхъ изъявленіяхъ любви и въ рѣчахъ, которыя укрѣпляли намъ душу. Она жила однимъ чувствомъ; матеріальная жизнь кончилась; пищи никакой не принимала, только немного пила сахарной воды. Въ теченіе дня, она ослабѣла; мужъ вдохнулъ ей жизнь, какъ и прежде дѣлалъ онъ нѣсколько разъ, приложивши уста къ помертвѣвшимъ устамъ достойной жены своей. Она ожила и улыбнулась ему. Въ улыбкѣ этой былъ небесный рай. Я это сказалъ Гизо, и что эта улыбка будетъ ему прекраснымъ воспоминаніемъ. —„О, сказалъ онъ, пока въ ней есть дыханіе, она будетъ любить меня и чувствовать, что я ее люблю, а на небѣ почувствуетъ еще сильнѣе".

Въ такомъ расположеніи духа дожили мы до Середы. Въ 11 часовъ попросила она мужа прочесть ей одно письмо Фенелона и назначила которое; послѣ этого письма, попросила проповѣди Боссюэта о смерти. Въ половинѣ этого чтенія, показалось ему, что глаза ея уже не видятъ. Онъ спросилъ ее, она знакомъ отвѣчала; говорить болѣе не могла, но была въ памяти, пожала ему руку, улыбнулась еще разъ и перестала дышать. Мужъ долго оставался недвижимъ подлѣ нея, потомъ всталъ и сказалъ: „Придите, друзья мои; проститесь и вы съ нею". Всѣ, кого она любила въ Парижѣ, прибѣжали тотчасъ: Ремюза, всѣ Брольи, госпожа Сентъ-Олеръ. Никогда столько людей не окружало умирающую. Мы были въ ея комнатѣ, но гостинная и садъ, съ самаго ея возвращенія, были наполнены друзьями; самые близкіе были подлѣ нея.

Я не думала, чтобы можно было съ такимъ нѣжнымъ удовольствіемъ цѣловать мертвую. Отъ нея не могла я оторваться. Лице ея сіяло божественнымъ величіемъ. Мы съ Элизой убрали ее; это я ей обѣщала, не понимая, какъ это тяжело, но исполнила дѣло дружбы, и ничья посторонняя рука не коснулась ея. Гизо не отходилъ отъ гроба; всю послѣднюю ночь Элиза и я провели вмѣстѣ съ нимъ. Въ Четвергъ отправился онъ отдать ей послѣдній долгъ. Слышите ли, какъ при немъ падали эти куски земли на ту, которую онъ любилъ? На женщину, которую любилъ съ 18-ти лѣтняго возраста? [1]) Постель ея ни одной ночи не стояла пустая: въ

[1]) Они соединились бракомъ въ 1812 году, когда 25 лѣтній Гизо былъ профессоромъ новой исторіи въ Сорбоннѣ. *П. Б.*

Четвергъ вечеромъ онъ легъ въ нее, и другой постели у него не будетъ; онъ можетъ тутъ спать; онъ тутъ слышитъ благословенія жены своей. Наружно ничто для Гизо не измѣнилось; нѣтъ только счастія. Все остается, какъ было при васъ; добрый *** ведетъ хозяйство на свой счетъ и содержитъ Гизо, его мать и его сына съ ихъ людьми.

Всѣ просятъ меня вамъ кланяться; ваши оба имени всякую минуту здѣсь повторяются; вы здѣсь какъ бы водворились и составляете необходимость жизни. Васъ легко разсмотрѣть (vous êtes transparent), добрый Жуковской: васъ полюбишь скоро и съ полной довѣренностью.

Гораздо больше подробностей написала я Николаю, по крайней мѣрѣ они живѣе. Почти каждый день я вырывала минуты писать къ нему, подъ вліяніемъ впечатлѣній отъ происходившаго. Можно ли страдать, видѣть страданіе и о немъ не думать? Хотѣлось привлечь его въ мою жизнь, въ мои мысли, вывести его изъ его собственныхъ, укрѣпить силы примѣромъ бодрости Гизо, сильнаго и въ тоже время нѣжнаго. Вамъ не имѣла я времени показать семейство Гизо въ такой полнотѣ.

Не смотря на мои заботы, я не забыла того, что̀ васъ занимаетъ. Я распрашивала, говорила со всѣми бывшими ради здоровья на Югѣ, со всѣми кто бывалъ тамъ. Ницца и Гіеръ почти одно и тоже [5]). Ѣздятъ въ городъ Гіеръ, а не на острова. Въ началѣ болѣзни оба климата равно спасительны, и оба равно ускоряютъ болѣзнь, если она уже укоренилась. Живость воздуха быстро развиваетъ рану, но въ такомъ случаѣ выздоровленіе вездѣ невозможно; вопросъ только, сколько недѣль больше или меньше можно прожить. Теперь у Ремюза больна невѣстка, меньшая изъ трехъ сестеръ; старшая была имъ любима, она умерла прежде замужества. Общее горе удержало Ремюза въ семействѣ. Чтобы не разлучаться, онъ женился на второй сестрѣ; черезъ годъ она также умерла чахоткой. Осталась одна, и жизнь ея поддерживаетъ только южный воздухъ. Родители изслѣдовали тщательно, что̀ лучше, Ницца или Гіеръ, и предпочли Ниццу. Это Перье, жена и мужъ. Перье—братъ Казимира Перье, депутата. Сынъ ихъ, черезъ нѣсколько недѣль, женится на мадемуазель Лафаетъ. Это прекрасные люди; жена похожа характеромъ на вашу милую Александрину; онѣ сблизились бы скоро, я бы ихъ познакомила. Знаю, что въ Гіерѣ жить легко и очень дешево; но нѣтъ такихъ удобностей, какъ въ Ниццѣ. Та барыня, которая при васъ садилась въ дилижансъ въ день моего отъѣзда въ Лондонъ, провела тамъ прошедшую зиму, также для грудной болѣзни. Я соберу у нея всѣ свѣдѣнія и въ будущемъ письмѣ передамъ вамъ со всѣми подробностями. Монпелье не въ модѣ; не знаю, почему. Лѣтомъ и Ницца, и Гіеръ никуда не годится. Не лучше ли на будущій годъ на лѣто воды Бонъ въ Пиренеяхъ? Поговорите объ этомъ съ княгиней Софьей [6]); она тамъ была.

Скажу вамъ одно о Воейковой: все чего ваша дружба къ ней пожелаетъ отъ меня, все исполню. Вы знаете, какъ охотно дѣлаю все что̀ вы мнѣ скажете. Коревъ велитъ сказать вамъ, что видѣлъ изумительныя дѣйствія новой методы леченья грудныхъ болѣзней: прикладывать по нѣскольку разъ моксу (moxa) между реберъ, въ той сторонѣ, гдѣ боль сильнѣе; потомъ на тотъ же бокъ заволоку. Для того, чтобы отважиться на такое леченье, надобно однако переговорить прежде съ Гуфландомъ или Крейзигомъ.

---

[5]) Говорится о выборѣ мѣста жительства для страдавшей чахоткою А. А. Воейковой. *П. Б.*

[6]) Волконскою, супругою министра двора и сестрою декабриста. *П. Б.*

Дежерандо напоминаетъ вамъ о себѣ. У него хранятся всѣ бумаги Монморанси; я говорила ему о предполагаемыхъ Запискахъ; онъ отвѣчалъ (вспомните, что онъ былъ друженъ съ Монморанси), что въ этихъ Запискахъ нѣтъ ничего, что́ можно бы сообщить; что онъ самъ удивился, какъ подъ конецъ этотъ характеръ и умъ измельчали отъ худо-понятой набожности. (Вы знаете, что Дежерандо самъ очень набоженъ). Монморанси опирался только на одну свою совѣсть; а совѣсть, отданная подъ управленіе духовнаго отца, не можетъ достаточно просвѣтить.

Аббатъ Николь [7]) приходилъ горько мнѣ попрекать, что я не дала ему возможности видѣться съ вами у меня. Я, правда, объ этомъ не подумала. Онъ неутѣшенъ, что не видалъ ни васъ, ни Александра. Велѣлъ вамъ сказать, что готовъ дѣлать для васъ все что̀ возможно теперь и въ будущемъ, все будетъ сдѣлано. Я просила его сообщать мнѣ обо всемъ что́ выходитъ въ печати, касающагося до задуманнаго вами великаго труда [8]), и я все буду пересылать вамъ. Дежерандо также будетъ сообщать. Годится-ли вамъ это?

Теперь поговоримъ объ Н. Скажу вамъ, что послѣ вашего отъѣзда онъ сталъ писать мнѣ ужасныя письма; единственно-доброе послала я намедни Александру; вѣроятно вы читали его. Въ немъ скорбь мрачная, суровая, зависящая не столько отъ удара, поразившаго ихъ, сколько отъ расположенія характера, въ которомъ ударъ этотъ произвелъ крайнее потрясеніе. Есть въ иныхъ письмахъ его какой-то мрачный бредъ; и онъ навелъ на меня жестокой страхъ, страхъ, чтобы несчастіе Сергѣя не возобновилось въ немъ: такая безграничная скорбь можетъ довести до того. Когда мысль эта пришла ко мнѣ, тотчасъ съ нею связалась другая: поѣхать къ нему на мѣсяцъ. Я предложила это ему и боялась, что онъ не согласится; но, не дочитавши еще письма моего, онъ самъ сталъ писать и звать меня. Пока я писала, и прежде чѣмъ пришло письмо мое, онъ два раза писалъ ко мнѣ, что не хочетъ пріѣзда моего въ Лондонъ безъ Александра, но, пріѣхать въ Лимигтонъ разница, и потому желаетъ меня видѣть. Можете вообразить, какъ я рада, что предупредила его желаніе: онъ не будетъ совѣститься и бояться, что вызвалъ отъ меня услугу. Между тѣмъ онъ все еще находитъ способъ мучить себя; боится, чтобъ я не принесла ему жертвы; однако я чувствую, что онъ радъ. Онъ полагаетъ, что я могу отправиться 8-го, и спѣшитъ указать мнѣ, какъ ѣхать. Потомъ онъ мнѣ говоритъ, что явится, куда я захочу. Я не стану его звать въ какое либо приморское мѣсто: я замѣтила, что все напоминающее ему о невозможности ѣхать далѣе приноситъ ему вредъ. Я отправлюсь лишь 15; здоровье мое потерпѣло отъ того что̀ случилось. Мнѣ нужно нѣсколько дней, чтобы оправиться.

Полагаю, что во всѣхъ отношеніяхъ присутствіе мое будетъ ему полезнѣе нашей переписки: она стала слишкомъ дѣятельна. Александръ напрасно такъ сильно возбудилъ его; я успокою его больше собою, нежели письмами моими и тѣми, какія онъ мнѣ пишетъ. Существенность охладитъ это пылкое воображеніе, которое создаетъ фантастическое лицо и къ нему обращаетъ свое воспоминаніе. Я и въ Лондонѣ чувствовала, что смиряла его, когда хотѣла; тѣмъ болѣе буду ему полезна теперь, когда письма наши образовали между нами такую близкую связь: тѣ, которыя я вамъ переслала, не значатъ ничего въ сравненіи съ тѣми, какія получаю теперь.

---

[7]) Славный педагогъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія воспитавшій многихъ Русскихъ дѣятелей, позднѣе директоръ Ришельевскаго лицея въ Одессѣ. *П. Б.*

[8]) Т. е. до воспитанія Государя Императора Александра Николаевича. *П. Б.*

Съ 14-го онъ пишетъ ко мнѣ всякій день. Онъ сокрушается въ этомъ одиночествѣ. Вы поймете то, что́ я чувствую при мысли, чѣмъ присутствіе мое будетъ для Н. Думать объ этой пользѣ, и этаго довольно; но тутъ нѣчто больше: между нами истинная симпатія, и съ нимъ увидѣться будетъ мнѣ больше радости, чѣмъ ему. Все это время я провела бы въ Брольс, куда отправилось все семейство Гизо и Девеви, или бы на морскихъ купаньяхъ съ мужемъ и женой Мёлавъ [9]). Не лучше ли употреблю время, никому не нужное, отдавъ его человѣку, на всей землѣ совершенно одинокому? Каждую минуту мысль этаго одиночества приходитъ мнѣ на сердце.

Не тревожьтесь обо мнѣ оба ни въ какомъ отношеніи, даже и въ денежномъ: безъ труда могу жить тамъ, гдѣ живетъ Н. Мнѣ будетъ непріятно, если Александръ скажетъ мнѣ хотя слово объ этомъ. Я свела свои счеты, могу позволить себѣ путешествіе; тамъ мы будемъ жить какъ добрые братъ съ сестрой. Пусть Александръ спокоенъ будетъ сердцемъ; то, что́ сдѣлалъ бы онъ для одобренія печальной души Н., я сдѣлаю вѣрно. Теперь на мнѣ больше прежняго отвѣтственности: я ѣду по собственной волѣ, чистой, доброй волѣ, съ Божьимъ благословеніемъ; надѣюсь и вѣрю!

Я не говорю объ моемъ путешествіи; въ эту пору всѣ разъѣзжаются, и уже привыкли знать, что каждое лѣто провожу я то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ; никто не позаботится узнать, куда я дѣлась. Скрываться не стану, но и разсказывать тоже. Прикажите Александру объ этомъ не говорить; вы оба поймете меня; посторонніе будутъ насмѣхаться, или винить. Для избѣжанія всего подобнаго, я требую, чтобы вы, безъ исключенія, никому не говорили.

Передъ отъѣздомъ пришлю вамъ мою довѣренность и поговорю о дѣлахъ моихъ. Столько вещей занимало меня, что некогда было объ нихъ подумать. Говорила ли я Александру, какъ я благодарна Жихареву за его добрую услужливость? Жадность приходитъ, когда живешь въ довольствѣ. Хотѣлось бы знать, правымъ ли почитаетъ себя гр. Орловъ [10]), оставляя у себя мои деньги восемь мѣсяцовъ, безъ всякаго процента? Срокъ былъ 28-го Февраля. Ему легче заплатить проценты за это прошедшее время, нежели мнѣ обойтись безъ нихъ. Этимъ, однако, не слѣдуетъ безпокоить добраго Жихарева; если Александръ увидитъ тутъ какое либо неудобство, то лучше и не говорить. Обойдусь безъ нихъ теперь, какъ обходилась прежде.—Не бойтесь, чтобъ я тревожила васъ часто подобными письмами. Долгота и небрежность настоящаго письма пугаютъ меня, когда подумаю, кому оно написано. Но я вамъ пишу отъ сердца. Ваше сердце пойметъ меня. Можно ли вамъ немедленно отвѣчать мнѣ? Я была бы очень рада получить еще здѣсь словечко отъ васъ. Сдѣлайте это; потому что можетъ быть почему нибудь я поѣду позднѣе. Но не откладывайте и скажите откровенно, браните ли вы меня. Это меня нѣсколько огорчитъ; но я буду вамъ отвѣчать и опишу это превосходное существо успокоенное, оживленное и избавленное отъ раздирающаго душу чувства совершеннаго одиночества. Коль скоро можно сдѣлать это добро и никого не оскорбляя, было бы преступно его не сдѣлать.

Простите, милый другъ; позвольте такъ назвать васъ; это имя вырвалось изъ сердца; искренно и радостно даю вамъ его. Тысячу тысячь дружескихъ привѣтствій матери и дочери, но молчите и съ ними, также какъ со всѣми.

---

9) Родственники Полины Гизо. *П. Б.*

10) Вѣроятно проживавшій за границею графъ Григорій Владиміровичъ. *П. Б.*

Займитесь побольше моей милой Алиной [11]), вы принесете ей пользу. Вложите въ ея душу вашей поэзіи; благодаря вашему священному огню, рано сжатая душа ея развернется и разцвѣтетъ. Она на это способна.

Выпросите мнѣ прощеніе у г-жи Нуазевиль, которая теперь въ Эмсѣ, если вы ее видите. Я много передъ ней виновата; она была со мною любезна, добра, много разъ мнѣ писала, а я, недостойная, не отвѣчала ей; это мучаетъ мою совѣсть. Вы не подозрѣваете, что я ненавижу писать. Вы трое извлекли всю мою сущность; могу писать только сердцемъ: остальнымъ снабжать нечѣмъ.

Вамъ слѣдуетъ написать къ Гизо; отъ васъ и отъ Александра онъ заслужилъ этого. Имъ надо писать въ Парижъ; ихъ номеръ 37.

2.

Octobre 26 (1827). Paris, rue du Bac. 27.

J'aurais voulu, cher ami, arriver à vous avec un coeur tranquille; c'est ce qui m'a fait retarder aussi longtemps de vous écrire; mais je ne peux pas attendre davantage, et quand mes voeux vous accompagnent sans cesse, il faut aussi enfin que les accents de ma sincère et vive amitié aillent jusqu'à vous. Vous voilà donc à Pétersbourg! Je ne pense qu'avec une profonde émotion aux soins qui vont remplir votre vie. Ce jeune Enfant est l'objet de ma tendre sollicitude. Je l'aime, je prie pour lui, je vous vois en lui. Je sais comment la vérité pleine d'onction et de chaleur s'écoule de vos lèvres; je vois germer vos vertus dans ce jeune coeur. Les bénédictions qu'il méritera un jour seront votre couronne. Cher Joukoffsky! Sous quel rapport que vous m'apparaissiez, vous êtes pour moi un objet de culte et d'admiration. C'est bien fort à dire en face, mais quand on est destiné à ne se revoir jamais, n'a-t-on pas la liberté des mourants? J'ai reçu toutes vos lettres; une à Lymigton et trois que j'ai trouvées ici, car je ne m'en étais pas fait envoyer là. Ces admirables lettres sont une nourriture pour mon âme; c'est comme si vous aviez deviné avec quelle tristesse je reviendrai et combien j'aurai besoin de ces paroles avec lesquelles vous élevez les âmes à votre hauteur. Je suis arrivée encore plus disposée à les recueillir après avoir quitté cet être auprès duquel il faut nécessairement se purifier, si on veut y respirer à l'aise. Je ne sais par quelles souffrances je dois acheter cette amitié, que la mort et la douleur ont commencée; mais je bénirai toujours Dieu de m'avoir rapprochée d'un être qui est la pureté même. Cette âme-là n'a pas une souillure; vous le connaissez bien, mais pas encore comme moi. Jamais il n'a été avec personne autant dans l'intimité qu'avec moi; après six semaines d'une communication continuelle, je n'ai plus compris la possibilité d'en être privée. Il m'était aisé de tout arranger, pour rester ou revenir, jusqu'à de meilleurs tems; j'ai la certitude que c'eût été beaucoup pour lui. Il ne l'a pas voulu; la crainte de me faire tort lui fait exiger impérieusement d'Alex. que je ne revienne pas. Il me-

---

[11]) Если не ошибаемся, это была дочь князя Петра Михайловича и княгини Софьи Григорьевны Волконскихъ, княжна Александра Петровна († 1859), вышедшая потомъ замужъ за П. Д. Дурново и находившаяся тогда съ матерью своею въ Емсѣ, гдѣ лечился Жуковскій и куда писано это письмо. *П. Б.*

nace de quitter l'Europe si j'arrive. Je ne veux pas m'appesantir sur la peine que cela me fait, mais vous concevez celle d'Alexandre. Il est ici dans un désespoir qui surpasse tout ce que vous en avez vu. Celui pour qui il vit est là, seul, et d'autant plus seul, qu'il s'était livré davantage à la douceur de notre intimité; car c'est lorsqu'il s'est aperçu que bientôt il ne pourrait plus s'en passer, qu'il a voulu mon départ. J'avais été frappée de son dépérissement. Vous savez que j'ai eu l'imprudence de l'écrire à Alexandre. Depuis mon départ, il écrit lui-même des détails désolants sur sa santé. Je ne sais pas si l'hiver se passe ainsi, s'il ne sera pas trop tard. Je vous ménagerais plutôt que je ne vous alarmerais, mais il faut la vérité. Son sang ne circule pas et se porte continuellement au cerveau; ses entrailles vont en empirant. Ces malheureux médecins lui conseillent d'aller dans le Midi. Jugez ce que lui est un tel conseil? Encore si Alex. pouvait y être! Ce frère-là adoucirait la douleur de son âme et cela pourrait donner quelqu'éspoir de guérison: mais maintenant il ne pense qu'à être réuni à Serge; il pense qu'il n'est que pour le malheur d'Alexandre et que sa mort simplifierait les choses. Mais ce découragement sur lui-même n'influe sur aucun de ses sentiments. Avec quel feu il me parlait de vous! Il rappellait votre première jeunesse, vos soucis pour son père; ce tems-là où il était le plus avec vous, a été le plus heureux de sa vie, et cependant il me disait que vous ne vous aperceviez même pas combien il vous aimait, qu'il n'avait jamais songé à vous le témoigner. Son regard devenait ce que vous savez qu'il peut être, quand il parlait de cette perfection en vous qui ne s'est jamais démentie; il disait chaque fait, chaque circonstance de votre vie; il disait que c'est déjà tout de vous aimer et de penser à vous, qu'il ne conçoit pas comment on se permettrait de désirer de vivre avec vous, que ce serait trop, que la vie serait trop belle. Il dit que vous seul le connaissez, que tous les mouvemens de son âme vous sont révélés. En effet, je ne sais par quelle magie on peut comprendre à ce point une autre âme, sans nulle communication qui puisse y aider. Que j'ai rougi des craintes qui m'avaient amenées, en voyant cette raison si forte et si élevée! Rien de ce que je redoutais n'est possible; mais ce qui est probable, c'est que nous le perdrons s'il reste là, ou au moins s'il y reste seul. La véhémence avec laquelle il s'oppose à mon retour fait peur à Alexandre, qui exige que je me conforme à cette volonté. Je m'y soumets à regret: car je sens, qu'en allant malgré ces paroles je réussirais à vaincre cette délicatesse exaltée, qui n'est jamais satisfaite que par le sacrifice de lui-même.

Cher ami, votre attente ne sera trompée en aucune chose; je préserve fidèlement ce que l'amitié me confie. Je le dis pour toutes les choses qui vous intéressent, et nommément pour m-me Woyeikoff. Vos recommandations l'auraient placée dans mon coeur, quand même elle n'en aurait été déjà bien près: car elle est un des doux souvenirs, que j'ai remportés de Pétersbourg. Je lui ai écrit à Hyères, en lui envoyant deux lettres pour les maisons les plus considérables du pays: l'une de m-r Siméon, l'ancien ministre, l'autre de m-r Thierry, l'intéressant auteur du meilleur ouvrage d'histoire de notre époque (La

conquête de l'Angleterre par les Normands). Je serai, je ferai ce que je pourrai imaginer, qui satisfasse le mieux votre sollicitude pour elle. Si vous avez quelque chose à lui envoyer, adressez-le chez moi. Si je n'y étais plus, je laisserai des instructions.

Rien n'est encore décidé à mon égard pour l'Italie. Mon dernier voyage m'a empêchée de recevoir à tems les lettres qu'on m'a écrites, pour me presser d'y venir; j'ai laissé dans l'indécision, tant que j'ai espéré d'être ailleurs; à présent que tout espoir est détruit, je serai volontiers avec vos compagnes d'Ems, et pourtant il m'en coûtera d'être plus loin encore du point où sont mes meilleures pensées. Je serai encore une quinzaine de jours dans l'incertitude. J'ai écrit pour dire comment les choses se passent en moi et laisser décider la pr. S. Il me serait doux de les revoir; je sens que j'aime plus que jamais ma chère Aline; elle m'écrit de charmantes lettres où votre nom se trouve souvent.

Guizot a lu deux fois les passages de vos lettres qui le concernent. Ces lettres ont mis vos âmes en contact. Votre souvenir dans cette maison est tout vivant, vous y êtes un ami à peine absent, et certainement le premier étranger adopté de coeur à ce point-là.—La douleur de Guizot est la même que le premier jour, contenue, maîtrisée; tout est de même qu'autre fois à l'extérieur; il appartient de même à toutes les choses intellectuelles, il n'y a que le bonheur de moins. Il vit en présence de sa femme, avec la volonté d'être et de faire tout ce qu'elle approuverait. Il est ici pour quelques jours, ensuite il retournera à Broglie jusqu'au mois de Janvier. Cette maison m'attire et me fait mal. La perte que j'ai faite donne à Paris tout entier un autre aspect pour moi.

J'ai retrouvé dans cette nouvelle amitié, dont vous êtes la première cause, quelques unes des choses que me donnait l'amitié de Pauline, et surtout cette vérité parfaite de caractère, qui met tant de sécurité dans tous les rapports; mais rien ne rend un passé.

J'ai vu Capod'Istria. Sa position actuelle a ajouté je ne sais quoi d'accompli en lui, qui me fait peur. Il semble prêt pour le Ciel. Son beau visage même a pris cette paix du tombeau, que vous et moi avons si bien vu sur le visage de Serge; c'est le même sourire paisible. On sent qu'il ne tient plus à la terre que par le bien qu'il y peut encore faire; mais ce bien même, il n'est pas pressé de l'accomplir: il en fera sa part sans rien anticiper sur d'autres tems. Il sent quelles sont les choses que le temps seul peut produire, et que les hommes gâtent ce qu'ils veulent précipiter. Il m'a raconté son voyage de Pétersbourg; il m'a parlé comme vous de cette famille, qui a remis entre vos mains son plus cher intérêt. Vous savez si bien faire aimer ce que vous aimez, que je n'entendais pas sans émotion les épanchemens de la reconnaissance.—Il va en Suisse pour avoir des troupes, et de là en Grèce, par Ancône ou Marseille, il n'était pas décidé; je voudrais que ce fût par Marseille: il verrait votre amie. Il veut être en Grèce à la fin de Novembre.

Cher ami, j'ai une prière à vous faire, qui me tient fort à coeur. Tâchez de trouver un moment pour voir m-me Zagriatsky. Je ne sais pas ce que le temps a laissé d'elle, mais quoiqu'il en reste, ce qui reste, m'est cher. Je retrouverai le tout dans une meilleure vie.— Je voudrais que l'expression de ma tendre affection lui arrivât par votre bouche. Dites lui tout ce que vous pourrez de plus tendre de ma part. Elle ne m'écrit plus, et pourtant je suis persuadée qu'elle ne pense à moi qu'avec amitié. Malgré la différence de nos âges il y a une véritable sympathie entre nous. C'est un sentiment doux et pénible à la fois d'aimer une personne âgée et d'en être éloignée. On ne sait plus où la chercher, si c'est sur la terre, ou dans le ciel. Dites aussi bien des choses de ma part à ce qui l'entoure, et surtout à m-me Kotshoubey.

Je vous écrirai bientôt, dès que je saurai ce que je deviens.—Sans Alexandre, je serais allée passer le reste de l'année au Bois Milet chez les Meulan, mais il m'en coûte trop de le quitter. Seulement, pour chercher le repos, je voudrais trouver à remplir son temps de façon qu'il en ait moins à donner à son malheur. Je m'en occupe avec soin.

Il faut que je vous parle de mes affaires; mais après tout ce qui a remué mon coeur dans cette lettre, comment finir par de l'argent? Cela n'est pas en mon pouvoir. Ce sera l'objet spécial d'une lettre. En attendant, causez avec le c-te de Lambert, pour trouver moyen que mon chétif revenu ne soit pas diminué; tel qu'il est, j'ai toutes les peines du monde à vivre à Paris, comme vous savez que j'y vis; un peu moins, je serai obligée de m'en aller. Causez-en avec m-r de Lambert, qui a la bonté de soigner mes intérêts; il a ma procuration et s'il partait de Pétersbourg, comme je le craignais, c'est vous que j'en voudrais charger.—Adieu! Tout s'apaise et se calme quand on cause avec vous, même à huit cent lieues! Oh! qu'elle odieuse chose, que l'absence, que la distance. J'espère qu'il n'y en a pas dans l'autre vie. Adieu, comptez sur moi, disposez de moi. Je serai heureuse de vous témoigner combien j'ai d'amitié pour vous.

Henriette Razoumowsky.

Переводъ.

26 Октября 1827 года. Парижъ, улица Бакъ, 27 (1827).

Я хотѣла написать къ вамъ, милый другъ, съ спокойнымъ сердцемъ, потому и медлила такъ долго; но больше ждать не могу. Душею постоянно слѣжу за вами, и надобно, чтобъ до васъ достигъ голосъ моей искренней и горячей дружбы. И такъ вы въ Петербургѣ [1]). Не могу безъ глубокаго чувства подумать о тѣхъ заботахъ, которыя скоро наполнятъ вашу жизнь. Съ нѣжностію думаю объ этомъ миломъ Отровѣ; я люблю Его, я молюсь о Немъ; я вижу васъ въ Немъ. Я знаю, какъ теплый елей истины истекаетъ изъ вашихъ устъ; я вижу, какъ ваши добродѣтели зарождаются въ этомъ юномъ сердцѣ. Благословенія, которыя нѣкогда Онъ

[1]) Въ началѣ Октября этого 1827 года Жуковскій, обогащенный педагогическими свѣдѣніями, которыя онъ такъ тщательно собиралъ въ бытность свою за границею, возвратился, послѣ 16 мѣсячной отлучки, къ своей должности наставника-наблюдателя при 9-мъ лѣтнемъ тогда Наслѣдникѣ Русскаго Престола. *П. Б.*

заслужитъ, будутъ вамъ лаврами. Милый Жуковскій! Какъ ни подумаю о васъ, я готова благоговѣть передъ вами, удивляться вамъ; сказать это въ лице надо слишкомъ много смѣлости; но если суждено намъ болѣе никогда не увидѣться [2]), то вѣдь умирающимъ многое позволяется. Я получила всѣ ваши письма, одно въ Лимигтонѣ и три здѣсь (ибо не распорядилась пересылкою ихъ ко мнѣ). Эти чудныя письма душевно питаютъ меня! Какъ будто вы предугадали, съ какою грустію я возвращусь, какъ будутъ мнѣ необходимы эти слова, которыми вы поднимаете души до своей высоты. Я возвратилась еще болѣе расположенная принять ихъ, ибо оставила человѣка, вблизи котораго необходимо внутреннее очищеніе. Не знаю, какими страданіями должна я купить эту дружбу, которая началась смертью и горемъ; но я всегда буду благословлять Господа, приблизившаго меня къ существу, которое есть воплощенная чистота. На этой душѣ нѣтъ пятна. Вы его знаете; но конечно менѣе меня. Ни съ кѣмъ никогда не былъ онъ такъ близокъ. Послѣ шестинедѣльныхъ постоянныхъ, искреннихъ сношеній, я не понимала возможности разстаться съ нимъ. Я могла все устроить, чтобъ остаться или возвратиться съ наступленіемъ лучшихъ обстоятельствъ, и я вѣрно знаю, что для него это было бы лучше; но онъ самъ не захотѣлъ этаго: боязнь мнѣ повредить заставила его настоятельно требовать отъ Александра, чтобъ я не возвращалась. Онъ грозится уѣхать изъ Европы, если я пріѣду. Нечего говорить, какъ мнѣ тяжело это; но вы понимаете, каково Александру. Онъ здѣсь и еще болѣе отчаевается, нежели было при васъ. Тотъ, для кого онъ живетъ, находится тамъ, одинъ, и это одиночество ему тѣмъ чувствительнѣе, что онъ предавался сладкому чувству нашей дружбы; когда же онъ замѣтилъ, что вскорѣ ему нельзя будетъ обойтись безъ этого чувства, онъ пожелалъ, чтобы я уѣхала. Я была поражена его болѣзненностью. Вы знаете, что я имѣла безразсудство написать о томъ Александру. Послѣ моего отъѣзда онъ уже самъ сообщаетъ прискорбныя подробности о своемъ здоровьѣ. Не знаю, если зима пройдетъ такъ, не будетъ ли уже поздно. Я стану скорѣе щадить васъ, нежели тревожить; но нужна правда. Кровь у него въ застоѣ и постоянно приливаетъ къ черепу; его внутренности въ состояніи ухудшенія. Эти несчастные доктора совѣтуютъ ему ѣхать на Югъ. Посудите, каково ему выслушивать такой совѣтъ? Если бы еще съ Александромъ! Этотъ братъ усладилъ бы горечь души его, и тогда можно бы надѣяться на выздоровленіе; а теперь онъ думаетъ только о соединеніи съ Сергѣемъ. Ему кажется, что онъ составляетъ несчастіе Александра и что обстоятельства упростятся его смертью. Но это разочарованіе въ самомъ себѣ не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія на его чувства. Съ какимъ жаромъ говорилъ онъ мнѣ о васъ! Онъ вспоминалъ вашу первоначальную молодость, ваши заботы объ его отцѣ. Дни, въ которые онъ всего чаще былъ съ вами, принадлежали къ счастливѣйшимъ въ его жизни, и однако онъ сказалъ мнѣ, что и въ то время вы не замѣчали, какъ онъ васъ любилъ и что онъ никогда не позаботился выразить вамъ свою любовь. Когда онъ говорилъ объ этомъ совершенствѣ, которое никогда не ослабѣвало въ васъ, взглядъ его становился таковъ, какимъ, вы знаете, онъ бываетъ. Онъ передавалъ мнѣ каждое обстоятельство, каждый случай вашей жизни. По его словамъ, любить васъ и думать

[2]) Графиня Разумовская скончалась въ Декабрѣ этого же года. А. И. Тургеневъ писалъ къ брату своему отъ 15 Декабря, наканунѣ ея кончины: „Я и другіе сердились на нее за ея безпрестанныя напоминанія о близкой смерти, когда она казалась въ цвѣтущемъ здоровьи и жаловалась только на какую-то внутреннюю опухоль“. А. И. Тургеневъ называетъ ее: наша благодѣтельница. *П. Б.*

о васъ есть уже все, и онъ не понимаетъ, какъ можно позволить себѣ желаніе жить съ вами: это превосходило бы мѣру, жизнь была бы слишкомъ прекрасна. Онъ говоритъ, что вы одни его знаете, что вамъ открыты всѣ движенія его души. Право, я не понимаю, какимъ волшебствомъ можно такъ понимать другую душу, не находясь съ нею въ сношеніяхъ. Въ присутствіи этого ума, столь крѣпкаго и столь возвышеннаго, я просто краснѣла за тѣ опасенія, изъ за которыхъ я поѣхала къ нему [3]). Ничего подобнаго быть не можетъ; но вѣроятно, что мы его утратимъ, если онъ останется тамъ, или если останется одинъ [4]). Горячность, съ которою онъ противится моему возвращенію, пугаетъ Александра, по требованію котораго я подчиняюсь этой настойчивости. Мнѣ этого жаль, такъ какъ я чувствую, что, поѣхавши туда, я все таки бы успѣла преодолѣть эту напряженную деликатность, которая не можетъ удовлетвориться ничѣмъ инымъ какъ самопожертвованіемъ.

Милый другъ, ваша надежда не будетъ обманута. Довольно было бы одной заботы вашей о Воейковой, чтобы сердцу моему усвоить ее; но съ этой женщиной соединены для меня сладкія воспоминанія, которыя я увезла изъ Петербурга. Я писала ей въ Гіеръ и послала два письма къ значительнѣйшимъ тамошнимъ семействамъ: одно къ бывшему министру Симеону, другое къ Тьери, автору лучшаго въ наше время историческаго сочиненія (Завоеваніе Англіи Норманнами). Я придумаю и сдѣлаю что только могу придумать, чтобы лучше удовлетворить вашей заботѣ о ней. Если вамъ есть что передать ей, присылайте ко мнѣ. На случай моего отъѣзда, я распоряжусь. Еще ничего не рѣшено относительно моей поѣздки въ Италію [5]). Вслѣдствіе моего послѣдняго путешествія я не получила во время писемъ, въ которыхъ меня торопили туда ѣхать. Я не давала рѣшительнаго отвѣта, пока надѣялась быть въ другомъ мѣстѣ. Теперь, когда всякая надежда прошла, я охотно поѣхала бы къ нашимъ Емскимъ знакомкамъ. Однако мнѣ было бы тяжело быть еще дальше отъ того мѣста, гдѣ мои лучшія мысли. Еще недѣли съ двѣ я останусь въ неизвѣстности. Я извѣстила о моемъ положеніи и предоставила рѣшить княгинѣ С. Мнѣ будетъ пріятно ихъ опять увидѣть. Чувствую, что люблю больше чѣмъ когда либо мою милую Алину. Она мнѣ пишетъ прелестныя письма, въ которыхъ часто упоминается ваше имя. Гизо прочелъ два раза тѣ мѣста въ вашихъ письмахъ, гдѣ вы говорите о немъ. Этими письмами ваши души коснулись одна другой. Память ваша жива въ этомъ семействѣ; вы сдѣлались другомъ, отсутствіе котораго чувствительно, и конечно вы первый изъ чужеземцевъ, котораго они такъ сердечно усвоили себѣ. Горесть Гизо таже, что въ первый день, сдержанная, самообладающая; все тоже, какъ и прежде по наружности. Онъ отдается также всѣмъ умственнымъ предметамъ. Меньше только счастіемъ. Онъ живетъ въ присутствіи своей жены, желаетъ дѣлать все то, что бы заслужило ея одобреніе. Онъ здѣсь на нѣсколько дней и возвращается въ Бролье до Генваря

[3]) Опасались, что Н. И. Тургеневъ, подобно брату своему Сергѣю, повредится въ умѣ: для него, столь пламенно любившаго свое Отечество, пресѣчено было всякое съ нимъ сообщеніе. *П. Б.*

[4]) Дружба Жуковскаго уладила дѣло: въ началѣ слѣдующаго 1828 года Александръ Тургеневъ былъ увѣдомленъ изъ Петербурга, что поѣздка въ Англію не причтется ему въ вину, и немедленно отправился къ брату. Сей послѣдній затѣмъ переѣхалъ въ Швейцарію (гдѣ и женился на дѣвицѣ Сисмонди, родственницѣ историка). Ему дано было знать, что его не считаютъ вполнѣ виновнымъ. *П. Б.*

[5]) Съ княгинею С. Г. Волконскою. А. И. Тургеневъ тоже предполагалъ туда ѣхать.

мѣсяца. Этотъ домъ меня привлекаетъ и меня огорчаетъ. Утрата мною понесенная, произвела то, что весь здѣшній городъ сдѣлался для меня совсѣмъ другимъ противъ прежняго. Въ чувствахъ новой дружбы, которой вы были творцомъ, нахожу я нѣчто такое, что̀ мнѣ давала дружба Полины, и въ особенности эту полнѣйшую прямоту, которая успокоиваетъ и придаетъ увѣренность всѣмъ сношеніямъ; но прошлаго не воротишь!

Я видѣла Каподистрію. Настоящее положеніе сообщило ему какой-то видъ законченности, которая меня пугаетъ. Онъ какъ будто готовъ уйти на небо. Даже прекрасное лицо его получило выраженіе гробовой тишины, какое мы съ вами видѣли на лицѣ Сергѣя: таже мирная улыбка. Чувствуешь, что земными дѣлами онъ занятъ лишь по отношенію къ добру, какое онъ еще можетъ сдѣлать; но и добро это онъ не спѣшитъ дѣлать: онъ сдѣлаетъ что̀ назначено на его долю, не забѣгая впередъ; онъ чувствуетъ, что есть вещи, которыя могутъ быть достигнуты лишь однимъ временемъ и что людская торопливость приноситъ только вредъ. Онъ мнѣ разсказывалъ о своей Петербургской поѣздкѣ и, также какъ вы, говорилъ о томъ Семействѣ, Которое ввѣрило вашимъ рукамъ самую дорогую свою принадлежность. Вы такъ умѣете заставить полюбить то что̀ вы любите, что я съ участіемъ слушала изъявленія признательности. Онъ ѣдетъ въ Швейцарію нанимать солдатъ и оттуда въ Грецію; черезъ Анкону или Марсель, еще не рѣшено. Я желала бы, чтобъ чрезъ Марсель: онъ могъ бы увидать Воейкову. Въ Грецію онъ думаетъ прибыть въ концѣ Ноября.

Милый другъ. У меня до васъ просьба, очень для меня важная. Постарайтесь улучить время, чтобы повидаться съ Загряжскою [6]. Я не знаю, что̀ осталось въ ней отъ ея лѣтъ; но что̀ бы ни осталось, она мнѣ дорога̀. Я все обрѣту въ лучшей жизни. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы изъявленіе моей нѣжной привязанности дошло до нея изъ вашихъ устъ. Скажите ей отъ меня все что̀ вы можете, самаго нѣжнаго. Она ко мнѣ не пишетъ; однако я убѣждена, что у нея сохранилось обо мнѣ дружеское воспоминаніе. При всей разницѣ лѣтъ, мы искренно сочувствуемъ другъ другу. Сладко, и вмѣстѣ горько, любить человѣка престарѣлаго и быть вдали отъ него: не знаешь болѣе, гдѣ его искать, на землѣ или въ небѣ. Поклонитесь также отъ меня ея близкимъ, въ особенности г-жѣ Кочубей. Я вамъ напишу тотчасъ же какъ узнаю, что̀ со мною станется. Безъ Александра я поѣхала бы провести остатокъ годъ въ Буа-Милеси у Мѐлановъ; но мнѣ тяжело его покинуть. Только чтобы сыскать покоя, я бы хотѣла наполнить такъ его время, чтобы онъ наименѣе думалъ о своемъ несчастіи. Забочусь о томъ старательно.

Мнѣ надо поговорить съ вами о моихъ дѣлахъ; но послѣ всего, что̀ наполняло мою душу, когда я писала это письмо, возможно ли кончить рѣчью о деньгахъ? Я не могу этого, и напишу особо. Покамѣстъ поговорите съ графомъ Ламбертомъ, какъ бы найти способъ, чтобы мои жалкіе доходы не уменьшались. И безъ того, какъ вы видѣли, мнѣ чрезвычайно трудно жить въ Парижѣ; если буду получать меньше, я принуждена буду уѣхать отсюда. Поговорите о томъ съ графомъ Ламбертомъ; онъ такъ добръ, что заботится о моихъ дѣлахъ. У него моя довѣренность, и если онъ уѣдетъ изъ Петербурга, чего я боюсь, я думаю обратиться къ вамъ.

Простите. Все успокоивается и утихаетъ, когда бесѣдуешь съ вами, хоть быть и за восемьсотъ миль. О, какая противная вещь это отсутствіе, это разстояніе! Я надѣюсь, что ихъ нѣтъ въ другой жизни. Простите. Разсчитывайте на меня, располагайте мною. Мнѣ будетъ счастіемъ показать, какъ много у меня къ вамъ дружбы. Генріетта Разумовская.

---

[6]) Знаменитою Натальею Кириловною, старшею сестрою мужа графини Разумовской. *П. Б.*

V. Письма А. И. Тургенева къ Жуковскому о кончинѣ графини Разумовской *).

1.

Декабря 14-го (1827). Полдень.

Еще дышетъ наша благодѣтельница, но сегодня рано поутру при мнѣ и графинѣ St. Aulaire потребовала приходскаго священника не для исповѣди, а для успокоенія совѣсти; послѣ объясню тебѣ это обстоятельство. Онъ пришелъ. Я былъ въ другой комнатѣ. Она позвала графиню St. Aulaire и желала, чтобы она была при немъ. Священникъ убѣждалъ; графиня St. A. на минуту вышла, но скоро она опять ее потребовала, и священникъ оставилъ ее. St. Aulaire уговорила ее опять позвать его. Онъ возвратился не на долго; она болѣе не увидитъ его,—и спокойна, исполнивъ то, что̀ почитала для себя достаточнымъ. Она много и часто говорила о своихъ послѣднихъ минутахъ, о смерти, о религіи, объ спокойствіи и преданности волѣ Божіей. Сегодня, рано поутру, какъ скоро я пришелъ къ ней, показала она мнѣ ящикъ, который хранилъ мои, братнины, *твои* письма къ ней и другія бумаги; велѣла все вынуть. И прежде она мнѣ его показывала, и все что̀ въ немъ, и сказала, чтобъ послѣ смерти ея я все взялъ изъ него; а теперь указала и другой, который велѣла открыть послѣ смерти. Я повиновался. Будь спокоенъ *за свои*; ихъ никто не увидитъ, и ожидаю твоего приказанія, что̀ съ ними дѣлать.

Сію минуту получаю письмо отъ Жихарева, увѣдомляющее объ ея деньгахъ на Орловыхъ; подходилъ сказать ей объ этомъ, но она и живая объ этомъ мало безпокоилась, а теперь!—Впрочемъ есть завѣщаніе. Я замѣтилъ движеніе въ рукахъ, которое обыкновенно бываетъ въ послѣднія минуты. Дыханіе тяжелое, и намъ тяжело дышать близъ умирающей благодѣтельницы.

(*Приписка*). Милый Жихаревъ! Жуковскій скажетъ тебѣ мое новое горе, которое ужаснѣе для насъ тѣмъ, какъ оно отразится на душѣ, на сердцѣ одинокаго Николая. Если она придетъ въ себя, скажу ей о твоемъ письмѣ, но не надѣюсь. Благодарить будутъ тебя ея бѣдные родственники, а она молиться за тебя въ небѣ, ея близкомъ жилищѣ.

2.

2-й часъ ночи.

Сегодня, 14-го Декабря, отдалъ я въ посольство 4-ое письмо къ тебѣ. Теперь сижу съ Гизо надъ умирающей. Стараемся продлить жизнь лѣкарствами. Она стонетъ, страдаетъ не сильно, но уже не говоритъ и только кивая головою отвѣчаетъ на слова наши. Я написалъ къ Н. объ опасности болѣзни и увижу, по прошествіи ночи, что̀ еще сказать ему и тебѣ. Теперь иду давать лѣкарство.

5 часовъ утра.

За полчаса узнавъ, что я провожу ночь въ другой комнатѣ, позвала она меня и сказала, чтобъ я отправилъ письмо къ брату,

---

*) Сличи въ Письмахъ А. И. Тургенева къ его брату (изд. въ Лейпцигѣ въ 1872 г.), стр. 300—307, гдѣ говорится о кончинѣ графини Разумовской. *П. Б.*

не читая его. Я обѣщалъ. „Это одно что меня еще безпокоило", сказала[1] она. „Je vous aime; je vous aime beaucoup; je suis bien aise de ce qui" arrive", повторила она два раза. Qu 'ai-je faire de la vie? Потомъ говорила о вчерашнемъ свиданіи съ священникомъ. Между тѣмъ руки ея искали мою руку. Она держала ее нѣсколько минутъ; потомъ опять метала ихъ около себя. Ажитаціи продолжаются. Передъ тѣмъ сказала она Гизо: c'est long! Онъ не понялъ. Служанка повторила: M-me a dit, que c'est trop long.—„Je ne dis pas que c'est trop long, mais c'est long", отвѣчала графиня, разумѣя агонію.

15-го Декабря 7 часовъ утра. Я провелъ ночь у графини. Все въ томъ же положеніи. Въ совершенной памяти; частое усыпленіе и какое-то безпокойство въ рукахъ. Усылала насъ нѣсколько разъ спать. Возвращаюсь къ ней.

9 часовъ утра. Сейчасъ былъ докторъ и не нашелъ никакой перемѣны. Теперь въ усыпленіи. Синапизмы пролежали 24 часа и не подѣйствовали.

17-го Декабря. Въ полночь съ 16 на 17 ея не стало. Она почти не страдала; была все въ памяти, но давно уже на вопросы наши отвѣчала: „oui et non" или кивала головою. Иногда говорила; „c'est long", разумѣя, какъ и прежде, борьбу съ смертью.

Я сидѣлъ вчера съ тѣми, кои эту ночь должны были проводить у ея спальни и ушелъ за 10 минутъ до полночи домой, чтобъ возвратиться скоро, приказавъ дать мнѣ знать въ случаѣ приближенія явнаго смерти. Между тѣмъ какъ писалъ къ брату письмо, она скончалась.—Гизо сидѣлъ еще въ другой комнатѣ и заснулъ. Она кашлянула, и къ ней подошли. Разбудили Гизо въ туже минуту, и едва едва успѣлъ онъ принять послѣдній вздохъ ея. Меня Богъ лишилъ сего поученія. Тихо, безъ страданія, отошла она туда, гдѣ умолять будетъ за насъ милосердіе Божіе и правду Его.

Мнѣ тяжело и грустно здѣсь, но и отлучиться страшно. Какой-то ужасъ охватываетъ меня, когда только мысль придетъ объ отъѣздѣ. Въ Москвѣ похоронилъ я матушку, въ Петербургѣ Карамзина, въ Лондонѣ живаго брата, здѣсь Сережу и графиню Разумовскую. Хотѣлось бы уѣхать, но куда? Милый другъ, береги себя, и если опять однѣ воды могутъ быть тебѣ полезны, то возвратись. Никогда я не чувствовалъ таковаго желанія жить не въ этомъ мірѣ и никогда такъ не страшился за тебя и за себя. У насъ еще одинъ остался. Я только въ любви къ нему и присоединяю тебя къ судьбѣ своей. Когда будетъ легче и въ головѣ свѣтлѣе, напишу еще. На меня возложили нѣкоторыя печальныя хлопоты. Пишу къ графу Ламберу о кончинѣ ея.

3.

19-го Декабря (н. с.) 1827 года. Парижъ.

Вчера въ 9 часовъ утра собрались мы въ домъ графини; но она уже стояла, сообразно здѣшнему обыкновенію, подъ воротами, въ простомъ дубовомъ гробѣ: ибо она желала самаго непышнаго по-

гребенія. Пришедъ въ 8 часовъ утра въ домъ, я встрѣтился съ тѣломъ ея на лѣстницѣ, и она какъ бы сама уже не впустила меня къ себѣ. Мы отпѣли ее въ приходѣ ея St. Thomas d' Aquin и отвезли въ сосѣдство Сережи; не далеко отъ него, въ правую сторону, въ уголку у стѣны опустили гробъ ея, и первый разъ былъ я на двѣ минуты у могилы моего милаго Сережи. Нашелъ пять или шесть увядшихъ вѣнковъ, вѣроятно ею же тамъ положенныхъ, и едва оторвался оттуда. За гробомъ шли Гизо, R. Collard, Cousin, Deweny, Монтебелло, Bourgeois, и еще нѣсколько друзей вѣрныхъ до гроба. Я подумалъ объ тебѣ, мой милый другъ; подумалъ и въ ту минуту, когда стоялъ одинъ на могилѣ С. Но страшное безпокойство объ Н. мѣшало думать и объ Сережѣ.

Я обѣдалъ у посла: ибо тезоименитство Государя.

VI. Графа Дмитрія Николаевича Блудова.

1.

19 (31) Марта 1819 года (Лондонъ).

Здравствуй, любезная Свѣтлана! Я думалъ, что не успѣю писать къ тебѣ севодни; и въ самомъ дѣлѣ, недостатокъ времени, а еще болѣе недостатокъ здоровья и слѣдственно силъ, едва дозволяютъ мнѣ взяться за перо. Но, при самомъ отправленіи курьера, я вдругъ почувствовалъ что-то похожее на движеніе Швейцарца, который въ чужбинѣ слышитъ родимую пѣсню; мнѣ захотѣлось, захотѣлось такъ сильно сказать тебѣ.... что нибудь: напримѣръ, что я люблю тебя и обнимаю, какъ люблю, то-есть отъ всего сердца. Должно ли прибавлять, что и благодарю за твою грамотку позднюю, но милую? Я получилъ ее, какъ благодѣяніе и, говоря безъ всякой метафоры, этотъ голосъ дружбы (скажу еще и голосъ порядочнаго человѣка, что мнѣ рѣдко случается слышать), освѣжилъ меня по крайней мѣрѣ на нѣсколько времени, въ моральномъ и физическомъ смыслѣ. Такая помощь всегда нужна человѣку, который привыкъ жить сердцемъ; но въ моемъ теперешнемъ положеніи она во сто разъ нужнѣе. На сихъ дняхъ я писалъ къ Северину, что желтѣю и вяну какъ растеніе: это совершенная правда. Страдаю тѣломъ и духомъ; потерявъ здоровье, я потерялъ и бодрость и послѣднюю довѣренность къ себѣ, слѣдственно и всякое стремленіе къ будущему: оно, почти какъ настоящее, въ моихъ глазахъ совсѣмъ безъ цвѣта; и еслибъ мнѣ иногда не случалось вспоминать, что я другъ Карамзина, Жуковскаго, Тургенева, Батюшкова, однимъ словомъ Арзамасецъ, то конечно уже давно бы причислилъ себя къ тѣмъ людямъ, которые хуже глупцовъ, хотя не такъ глупы.

Оставимъ это: я тебя благодарилъ; теперь побраню. Возможно ли? Ты забываешь порученія дружбы, когда они касаются до помощи бѣднымъ. Отдавъ пять сотъ рублей Аѳанасьеву и триста Апоховой (должно бы триста пятьдесятъ), ты еще не сдѣлалъ главнаго: не выкупилъ на другія пять сотъ рублей бѣдныхъ должниковъ изъ Московскаго магистрата (знаешь, по какому обѣщанію?).

Пошли эти деньги скорѣе въ Москву, въ какому нибудь надежному человѣку, да сдѣлай милость, не забудь опять: заклинаю тебя Богомъ и нашею дружбою, облегчи мою совѣсть. Сверхъ того, ты мнѣ долженъ за Malte-Brun и Sismondi, по Парижскимъ цѣнамъ (помнишь наше условіе?) 150 франковъ, то есть 125 рублей; отдай ихъ, по твоему собственному усмотрѣнію, тому, кто можетъ имѣть истинную нужду въ сей малой помощи [1]). За тѣмъ прости. Книги, коихъ отъ меня требуешь, я пришлю къ тебѣ весною съ первымъ кораблемъ; постарайся и ты прислать мнѣ чего нибудь нашего. Обойми Карамзина, Арфу [2]) и брата ея и всѣхъ Арзамасцевъ, не забывая особенно нашего бѣднаго и вѣрнаго Журавля [3]). Говорятъ, что онъ опять очень боленъ; скажи ему въ утѣшеніе, что я отъ другихъ причинъ, но не здоровѣе его. Прости, Свѣтлана. Я не получилъ твоего журнала *Для немногихъ*; пришли мнѣ его, пришли и печатный экземпляръ стиховъ на рожденіе Великаго Князя Александра и все, что напечатаешь, по крайней мѣрѣ: ибо я ужъ не смѣю просить рукописнаго. Дай вѣсть о Вяземскомъ и Пушкинѣ [4]) и объ ихъ чадахъ или исчадіяхъ. Съ Батюшковымъ надѣюсь открыть прямыя сношенія. Да! Что̀ дѣлается со вторымъ изданіемъ Исторіи и съ десятымъ томомъ, и что̀ дѣлаетъ самъ безцѣнный нашъ исторіографъ? Еще разъ обойми его и поцѣлуй ручку у Катерины Андреевны. Мнѣ кажется, что я васъ всѣхъ люблю еще больше прежняго. Прости, другъ. Твоя навсегда Кассандра.

2.

Лондонъ 18/30 Мая 1820 года.

Другъ Жуковскій! Я знаю, что всѣ Арзамасцы безсовѣстны, по крайней мѣрѣ въ перепискѣ съ друзьями, и потому нимало не удивлюсь, когда свѣдаю, что ты отпирался въ полученіи моихъ писемъ только для того, чтобы не отвѣчать на нихъ. Однако же знаю также, что пакетъ, отправленный изъ Лондона въ Петербургъ черезъ курьера, можетъ очень легко истлѣть между руками многочисленныхъ посредниковъ. Ожидая этого, я хотя не всегда, но въ нѣкоторыхъ, по моему мнѣнію важныхъ, случаяхъ, имѣю осторожность оставлять у себя копіи съ писемъ, которыя *пускаю* въ даль. Прочтя приложенное дубликатное, ты увидишь, или вспомнишь, по какой причинѣ оно должно было мнѣ казаться важнымъ. Если ты, Свѣтлана, получилъ его въ прошломъ году, то, надѣюсь, уже исполнилъ мое порученіе; если получишь только нынѣ, то снова прошу тебя, заклинаю Богомъ и нашею дружбою, — исполни безъ замедленія, ибо отложить и забыть для тебя все равно. Буде нѣтъ у тебя денегъ, то займи, заложи что ни есть въ твоихъ рукахъ драгоцѣннаго: напримѣръ, своя сочиненія, или хоть мои... будущія... Оставя шутки, другъ любезный, я имѣю право и обязан-

---

[1]) Жизнь графа Д. Н. Блудова была непрестаннымъ рядомъ благотвореній (большею частію негласныхъ); когда уже стоялъ онъ на высотѣ правительственной и получалъ значительные оклады, домашнимъ приходилось по неволѣ заботиться, чтобы деньги не попадали ему непосредственно въ руки: столь щедро раздавалъ онъ ихъ бѣднымъ (обыкновенно во время своихъ прогулокъ пѣшкомъ).

[2]) А. И. Тургенева. — [3]) Вигеля. — [4]) Василія Львовича. *П. Б.*

ность требовать, чтобы ты успокоилъ мою совѣсть: теперь еще болѣе прежняго, потому что я, правда, не умеръ до сихъ поръ, но постепенно и примѣтно умираю [5]). Сверхъ того, въ продолжительномъ мореплаваніи могу потонуть. Пусть же грѣхъ и клятва будутъ на одной твоей душѣ.

Прости, Свѣтлана! Если Богъ велитъ, то за этимъ „прости“ вскорѣ послѣдуетъ „здравствуй“: я собираюсь въ Россію и уже нанялъ корабль (The Comet), который долженъ нести насъ къ устью Невы. Ежели утону, поставьте мнѣ кенотафъ въ Арзамасѣ; ежели, напротивъ, доплыву счастливо, то и въ этомъ случаѣ готовьтесь отпѣвать меня. Я умѣлъ прежде смерти попасть въ мертвые. Почти два года мало по малу разрушаюсь отъ утомительной и упрямой болѣзни: доктора называютъ ее диспепсіей, имя варварское, достойное моей немощи. Отъ нея я прежде времени выѣзжаю изъ Англіи; отъ нея все, особливо все моральное, во мнѣ завяло; и я теперь сталъ Арзамасецъ только именемъ, да развѣ еще немножко сердцемъ. Господа собратія, узнаете ли вы меня, или скажете съ Энеемъ: Quantum mutatus ab illo! Чтобы показать, какова перемѣна въ живости моихъ чувствъ и надеждъ, довольно вотъ этого образчика: когда я оставлялъ Россію, то жалѣлъ о васъ и Отечествѣ, но съ удовольствіемъ любопытства стремился въ новый для меня край. Теперь... не жалѣю объ Англіи, и однакожъ не желаю къ вамъ! Повѣришь ли? Но такъ и быть! Что бы ни ждало меня, возвращусь. И умереть, и даже умирать или худо жить, все лучше на своей сторонѣ, посреди старыхъ навыковъ и старыхъ друзей. Прости еще разъ; поклонись всѣмъ старымъ друзьямъ; въ особенности обоими Карамзина и Тургеневыхъ. Гдѣ Дашковъ? Да, ты пишешь, что преемникъ его, Сергѣй Тургеневъ [6]) вамъ разсказывалъ многое про меня; я къ этому прибавлю, что вѣроятно многое несправедливо, совсѣмъ не потому, чтобы онъ хотѣлъ или умѣлъ солгать, но потому, что самъ иное видѣлъ сквозь мои глаза, налитые желчью. Впрочемъ, Сергѣй, какъ и братья его, добрый и милый малый: дай Богъ ему счастья, ежели есть счастье!

VII. Константина Николаевича Батюшкова.

1.

Насилу, любезный другъ, собрался я съ силами; насилу могу писать къ тебѣ. Я и теперь такъ боленъ, такъ слабъ, что ни мыслить, ни писать не могу. Однакоже дай собраться съ силами!... Я васъ оставилъ en impromptu, уѣхалъ какъ Эней, какъ Тезей, какъ Улиссъ отъ... (потому что присутствіе мое было необходимо здѣсь, въ деревнѣ; потому что мнѣ стало грустно, очень грустно

---

[5]) Графъ Д. Н. Блудовъ, живя въ Лондонѣ (гдѣ онъ служилъ, въ теченіи двухъ съ небольшимъ лѣтъ, совѣтникомъ посольства) долго страдалъ отъ послѣдствій холеры, въ то время еще почти неизвѣстной въ Европѣ и завезенной въ Лондонъ однимъ кораблемъ изъ Индіи. *П. Б.*

[6]) Младшій товарищъ графа Блудова по дипломатической службѣ. *П. Б.*

въ Москвѣ; потому что я боялся заслушаться васъ, чудаки мои). По прибытіи моемъ сюда, болѣзнь моя, tic douloureux, такъ усилилась, что я 9-й день лежу въ постелѣ. Боль, кажется, уменьшилась, и я очень бы былъ неблагодаренъ тебѣ, любезный Василій Андреевичъ, еслибы не написалъ нѣсколько словъ: дружество твое мнѣ будетъ всегда драгоцѣнно, и я могу смѣло надѣяться, что ты, великій чудакъ, могъ замѣтить въ короткое время мою къ тебѣ привязанность. Дай руку,—и болѣе ни слова!

Музы, Музочки не отстаютъ и отъ больнаго. Посылаю тебѣ *опытъ въ прозѣ*, который, если хочешь, напечатай, но экземпляръ мой непремѣнно возврати назадъ: ибо у меня все тутъ, и черное, и бѣлое. Поправь, что пайдешь поправить. Посылаю *Мечту*, для Собранія [1]). Да еще voilà des petits vers, т.-е. *Подражаніе* (Вяземскій улыбнется), подражаніе Парни Le torrent, которое, если тебѣ очень понравится, то возми въ Собраніе, или сожги на огнѣ. Въ немъ надобно кой-что поправить. Исправь, любезный мой Аристархъ! А это выраженіе: *я къ тебѣ прикасался*, оставь. Оно взято изъ Тибулла и, кажется, удачно. — О прозѣ не говори Каченовскому [2]), что я ея сочинитель: ибо я этого не хочу, ибо я маралъ это отъ чистой души, ибо я не желаю, чтобы знали посторонніе моихъ *мыслей* и *ересей*.

Я живу очень скучно, любезный товарищъ, и часто думаю о тебѣ. Болѣзнь меня убиваетъ; къ этому же имѣю горести; и то и другое меня очень разстроиваетъ. Шолье могъ писать прекрасные стихи, воспѣвать Лизу и мечтать подъ каштановыми деревьями Фонтенейскаго сада: онъ жилъ въ счастливое время. Подагра у него была въ ногахъ, а не въ головѣ; а у меня въ головѣ сильный ревматизмъ, который *набрасываетъ тѣнь* на всѣ предметы. Пожалѣй обо мнѣ!... И не знаю, когда будетъ конецъ моимъ мученьямъ!—Теперь я, въ тѣ короткія минуты, въ которыя г-жа болѣзнь уходитъ изъ мозгу, читаю Монтаня и услаждаюсь! Я что нибудь изъ него тебѣ пришлю. О стихахъ и думать нельзя съ моей болѣзнью.

Тебѣ, здоровый счастливецъ, тебѣ можно преселяться въ страну Поэзіи, которая создана *счастливымъ началомъ*, для услажденія нашихъ горестей: ты здоровъ, какъ быкъ. Пиши своего Володиміра [3]) и пришли кое-что сюда. Я долго здѣсь пробуду; стряхни лѣнь для дружбы. Письма твои мнѣ будутъ утѣшеніемъ въ этой безмолвной, дикой пустынѣ, въ жилищѣ волковъ и поповъ. Поручаю тебя Фебу...

Константинъ Батюшковъ.

---

[1]) Т. е. для Собранія Русскихъ стихотвореній, въ то время издаваемаго Жуковскимъ (М. 1810. 6 ч.). *П. Б.*

[2]) Вѣстникъ Европы 1810 года Жуковскій издавалъ вмѣстѣ съ профессоромъ Каченовскимъ, которому потомъ окончательно передалъ этотъ журналъ. *П. Б.*

[3]) Поэма Владиміръ, которую замышлялъ Жуковскій, не была написана. *П. Б.*

Адресъ мой: въ Череповецъ, Новогородской губерніи.

Я къ Мечтѣ прибавилъ Горація; кажется, онъ у мѣста, et il fera bon contraste avec le Scalde; я болѣе ее трогать не намѣренъ. Если что найдешь, поправь самъ. Прощай еще разъ; если я буду здоровѣе, то напишу поумнѣе.

26 Іюля 1810.

2.

(Изъ Петербурга въ Бѣлевъ, около 1811).

Благодарю тебя, мой милый и любезный другъ, за твое письмо, въ которомъ я имѣлъ истинную нужду. Первое потому, что я тебя люблю, а второе потому, что я имѣю нужду въ твоей похвалѣ или брани. Твои отеческія наставленія, какъ писать стихи, я принимаю съ истинною благодарностію; признаюсь однакоже, что ими воспользоваться не могу. Я пишу мало и пишу довольно медленно; но останавливаться на всякомъ словѣ, на всякомъ стихѣ, переписывать, марать и скоблить, — нѣтъ, мой милый другъ,—это не стоитъ того: стихи не стоятъ того времени, которое погубишь за ними, а я знаю, какъ его употреблять съ пользою. У меня есть, благодаря Бога, вино, друзья, табакъ... Я весь переродился, — болѣнъ, скученъ, и такъ хилъ, такъ хилъ, что не переживу и моихъ стиховъ. Тогда поминай какъ звали! Шутки въ сторону; я самъ на себя не похожъ, и между тѣмъ какъ ты съ друзьями, или Музой, или съ Нимфою, или съ чертями, которыхъ я люблю какъ душу съ тѣхъ поръ, какъ ты имъ посвятилъ свою лиру; между тѣмъ какъ ты наслаждаешься свободою, сельскимъ воздухомъ, tu jouis du printemps, du soleil, d'un beau jour — я сижу одинъ съ распухшею щекою, съ больнымъ желудкомъ и гнѣваюсь на погоду и на стихи, только не на свои разумѣется (ей Богу, ихъ никогда не читаю), а на чужіе, мой другъ: на стихи нашихъ Москвичей, которые часъ отъ часу болѣе и болѣе пресмыкаются, на стихи нашихъ Невскихъ гусей, которые, что̀ день, то ода, что̀ недѣля, то трагедія, что̀ мѣсяцъ, то поэма,—и все такъ глупо и плоско... Я забылъ, что лѣкарь мнѣ не велѣлъ сердиться! Утѣшь насъ, мой милый другъ, пришли намъ своего Драйдена, который конечно доставитъ намъ нѣсколько пріятныхъ дней. Пришли намъ свое посланіе къ Плещееву, которое, говорятъ, прелестно. Пришли намъ свою балладу, которой мы станемъ восхищаться какъ Спящими Дѣвами, какъ Людмилой; пришли намъ, Бога ради, все что̀ имѣешь новаго — если не на похвалу, такъ на съѣденіе, и будь увѣренъ, что никто кромѣ насъ, безъ твоего разрѣшенія, ни строки не увидитъ. Пришли мнѣ твое Посланіе, которое я ожидаю съ нетерпѣніемъ, какъ свидѣтельство въ храмъ славы и безсмертія, и что̀ всего лестнѣе для моего сердца—какъ свидѣтельство твоей дружбы къ бѣдному, хилому Батюшкову, который тебя любить умѣетъ. Я бы тебѣ поговорилъ поболѣе о Дм. Ник. Блудовѣ, еслибъ онъ этого письма не прочиталъ. — Дашковъ тебѣ приписываетъ. О Тургеневѣ скажу тебѣ, что онъ очень разсѣянъ, занятъ дѣлами и (подивись этому) какою-то Лаурою: онъ влюбленъ не на шутку. Поблагодари его за меня, любезный Жуковскій. Тургеневъ мнѣ оказалъ

много услугъ, и я очень, очень худо отвѣчаю на доброе мнѣніе, которое онъ обо мнѣ имѣетъ. Твоей дружбѣ я обязанъ его ко мнѣ добрымъ расположеніемъ. Еще разъ: если будешь писать къ нему, поблагодари его за меня и докажи ему собственнымъ примѣромъ, что поэтъ, чудакъ и лѣнтяй—одно и тоже; чтобъ онъ не удивлялся моему поведенію и характеру, которые совершенно сообразны съ лѣнью и безпечностью, и докажи ему, что безъ лѣни я писалъ бы еще хуже, или не писалъ бы ничего. Буди съ тобою сила Аполлонова и благословеніе дѣвъ Парнасскихъ!

P. S. Напиши самъ письмо къ Ивану Матвѣевичу [1]) о твоемъ дѣлѣ. Я берусь за исполненіе твоей просьбы; но надобно, чтобъ ты самъ его попросилъ. Успокой меня, Катерину Ѳедоровну [2]) и свою совѣсть.

Прости, отшельникъ мой,
Бѣлева мирный житель!
Да будетъ Фебъ съ тобой,
Твой богъ и покровитель!
Будь счастливъ, нашъ Орфей,
Харитъ любимецъ скромной!
Какъ юный соловей
Въ глуши дубравы темной,
Съ подругой дни ведетъ,
Съ подругой засыпаетъ —
Невидимый поэтъ,
Невидимо плѣняетъ
Пастушекъ, пастуховъ
И жителей пустынныхъ:
Такъ ты, краса пѣвцовъ,
Среди забавъ невинныхъ,
Въ отчизнѣ золотой
Прелестны гимны пой,
Подъ сѣнію свободы,
Достойныя природы
И юныя весны!
Тебѣ—одна лишь радость,
Мнѣ—горести даны!
Какъ сонъ проходитъ младость
И счастье прежнихъ дней!
Все сердцу измѣнило,
Здоровье легкокрыло
И другъ души моей.
Я сталъ подобенъ тѣни,
Къ смиренію сердецъ;
Сухъ, блѣденъ какъ мертвецъ;
Дрожатъ мои колѣни,
И ноги ходуномъ;
Глаза потухли, впали,
Спина дугой къ землѣ,
И скорби начертали
Морщины на челѣ.
Вся, вся исчезла сила
И доблесть юныхъ лѣтъ.
Увы! мой другъ, и Лила
Меня не узнаетъ.
Кивая головою,
Мнѣ молвила она
(Какъ древле Громобою
Учтивый Сатана):
„Усопшій, миръ съ тобою!...
„Усопшій, миръ съ тобою!"
Ахъ, это ли одно
Мнѣ рокомъ суждено
За стары прегрѣшенья?
Нѣтъ! новыя мученья
Достойныя бѣсовъ:
Свои стихотворенья
Читаетъ мнѣ Хвостовъ!
И съ нимъ пѣвецъ досужій,
Его покорный бѣсъ,
Какъ онъ на рифмы дюжій,
Какъ онъ головорѣзъ!
Поютъ и напѣваютъ,
Съ ночи до бѣла дня;
Читаютъ мнѣ, читаютъ
И до смерти меня,
Убійцы, зачитаютъ! [3])

Прости, будь счастливъ и здоровъ; приготовь мнѣ эпитафію и не забудь въ ней сказать, что я любилъ тебя какъ друга.

Твой Батюшковъ.

---

[1]) Муравьеву-Апостолу.

[2]) Вдову М. Н Муравьева. Какое было это дѣло, намъ неизвѣстно.

[3]) Это первоначальный набросокъ извѣстнаго Посланія, напечатаннаго въ Сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова, изд. Смирдина, II, стр. 158.

Приписки А. И. Тургенева и Д. В. Дашкова.

Здравствуй, милый Жуковскій! Не сердись на меня за молчаніе и докажи это, написавъ ко мнѣ хоть нѣсколько строкъ. Не забудь пріѣхать обѣдать къ намъ въ П. Бургъ въ 1812 году: бифштексъ, Англійская горчица будутъ готовы. Присылай свои новыя сочиненія и люби твоего Тургенева. Я буду много писать къ тебѣ — теперь душа не на мѣстѣ. Любовь унесла надежду, надежду, мой сладкій удѣлъ. Я долженъ былъ отправить это письмо къ Дашкову и къ Блудову для приписанія, но боюсь, чтобъ онъ не задержалъ его.—Братъ тебѣ кланяется. Онъ готовится въ министры финансовъ *). Право, дѣльный малой. Будетъ прокъ!

И я любезному Василью Андреевичу свидѣтельствую мое искреннее почтеніе.

Дашковъ.

3.

Любезный и милый другъ Василій Андреевичъ. Тому уже болѣе года, какъ я разстался съ тобою, а отъ тебя ни строчки не имѣю; и вѣрно не могъ бы знать, живъ ли ты или умеръ, еслибъ Тургеневъ и Вяземскій меня не увѣрили, что ты и живъ и здоровъ, и потихонечку поживаешь въ своемъ Бѣлевѣ, какъ мышь, удалившаяся отъ свѣта. Но гдѣ бъ ты ни былъ, любезный другъ, Батюшковъ тебя вездѣ найдетъ, ибо онъ тебя любитъ и почитаетъ. Сколько происшествій со времени твоего печальнаго отъѣзда изъ Москвы! Вяземскій женился, какъ путный человѣкъ; но я не былъ свидѣтелемъ его чудесной женидьбы: я уже былъ въ деревнѣ, и долго не могъ повѣрить сему послѣднему диву. Проживъ въ совершенномъ уединеніи шесть мѣсяцовъ, я пріѣхалъ въ Петербургъ, Богъ знаетъ за чѣмъ, и вотъ теперь здѣсь по маленьку поживаю, въ пріятной надеждѣ съ тобой увидѣться на берегахъ Невы, которые, признаться тебѣ, во сто разъ скучнѣе нашихъ Московскихъ. И я умеръ бы отъ скуки, еслибъ не нашелъ здѣсь Блудова, Тургенева и Дашкова. Съ первымъ я познакомился очень коротко,—и не мудрено: онъ тебя любитъ какъ брата, какъ любовницу; а ты, мой любезный чудакъ, наговорилъ много добраго обо мнѣ, и Дмитрій Николаевичь уже готовъ былъ меня полюбить. Съ нимъ очень весело. Онъ уменъ какъ ты, но не столько милъ, признаться тебѣ: милѣе тебя нѣтъ ни одного смертнаго. Тургеневъ тебя ожидаетъ нетерпѣливо и въ ожиданіи твоего пріѣзда завтракаетъ преисправно. Этого человѣка я давно знаю и люблю, ибо онъ очень любезенъ, и уменъ, и веселъ; но все-таки не Жуковскій. Дашковъ имѣетъ большія свѣдѣнія и притомъ лѣнивъ, какъ и нашъ братъ, за что ему спасибо; но и онъ все-таки не Жуковскій. Тебя мнѣ надобно! Пріѣзжай сюда, мой милый другъ; мы тебя угостимъ и биф-

*) Н. И. Тургеневъ, напечатавшій въ 1818 году замѣчательную книгу: „Теорію Налоговъ“. *П. Б.*

стексомъ и Бесѣдой, которая ни въ чемъ не уступитъ Московской богадѣльнѣ стихотворцевъ, учрежденной во славу бога Морфея и богини Галиматьи, которымъ наши любезные товарищи приносятъ богатыя и обильныя жертвы. Я радуюсь ихъ успѣхамъ, безъ всякой зависти, въ полной надеждѣ, что они вылечатъ мою безсонницу, которой я подверженъ съ тѣхъ поръ, какъ началъ писать стихи, безъ твоего присмотра. Вотъ тебѣ обращикъ: посланіе къ Пенатамъ, которое подвергаю твоей строгой критикѣ. Прочти его и переправь то, что̀ замѣтишь; если и вся піеса не годится — скажи. Я ее сожгу безъ всякаго замедленія; а если понравится—похвали: я имѣю нужду въ твоей похвалѣ, ибо ее цѣнить умѣю. Не полѣнись, мой милый другъ, пересмотрѣть и переправить ошибки, и свои замѣчанія пришли поскорѣе. Я хочу ее печатать. Прости, будь здоровъ, счастливъ и счастливѣе прошлогодняго. Не забывай меня; не забывай Батюшкова, который умѣетъ дорожить твоей дружбой.

P. S. И. И. Дмитріевъ часто о тебѣ вспоминаетъ. Кстати: что̀ ты дѣлаешь съ сочиненіями Михайла Никитича [1])? Не стыдно ли такъ долго держать и ничего не сдѣлать?!!!

12 Апрѣля 1812 (Спб).

Адресуй письмо къ Блудову, если мнѣ отвѣчать будешь, въ чемъ я не сомнѣваюсь.

4.

30 Іюня 1813 (Спб. Писано въ село Муратово).

Тургеневъ провелъ сегодня вечеръ у графа Строганова [2]) вмѣстѣ со мною, и такъ занемогъ, что писать къ тебѣ, мой добрый Василій Андреевичъ, не въ силахъ, а писать есть о чемъ: слухъ носится, что тебѣ назначена Анна 2-го класса [3]), и Тургеневъ тебя велѣлъ съ ней поздравить; онъ слышалъ отъ служащихъ при военномъ министрѣ о сей государевой милости. Дай обнять тебя, старый мой другъ! Дай раздѣлить съ тобою твою радость,—радость: ибо пріятно получить то, что̀ заслужилъ; а ты, нашъ балладникъ, чудесъ надѣлалъ, если не шпагою, то лирой. Ты на полѣ Бородинскомъ, pro patria, подставилъ одну изъ лучшихъ головъ на Сѣверѣ и доброе, прекрасное сердце. Слава Богу! Пули мимо пролетѣли: самъ Фебъ тебя спасъ. Будь же благодаренъ: пиши, и пиши болѣе, но что-нибудь поважнѣе, и менѣе печатай въ Вѣстникѣ: онъ не стоитъ твоихъ стиховъ, и тебѣ пора заняться предметомъ достойнымъ твоего таланта. Вотъ совѣтъ человѣка, который и тебя и дружбу твою уважаетъ, и тобой, какъ Русскій и какъ пріятель, гордится.

---

[1]) Муравьева.

[2]) У графа Павла Александровича.

[3]) Это была награда за службу въ Московскомъ ополченіи и участіе въ Бородинской битвѣ. Жуковскій дошелъ съ войсками до Вильны, гдѣ тяжко заболѣлъ и остался. Въ родную семью Е. А. Протасовой, въ село Муратово, подъ городомъ Орломъ, онъ пріѣхалъ въ первыхъ числахъ Генваря 1813 года. *П. Б.*

Еще два слова: сегодня Оленинъ, которому И. И. Дмитріевъ поручилъ нарисовать для Пѣвца [4]) виньеты, показывалъ мнѣ сдѣланные имъ рисунки. Они прекрасны, и ты ими будешь доволенъ. Жаль, что изданіе не прежде мѣсяца готово будетъ. На одномъ изъ виньетовъ изображенъ вдали станъ, при лунномъ сіяніи, и въ облакахъ тѣни Петра, Суворова и Святослава, геніевъ Россіи. Твои куплеты подали идею сего рисунка. Прости, еще разъ прости и не забывай твоего Батюшкова.

5.

Я часто сбирался писать къ тебѣ, мой милый другъ, и до сихъ поръ не знаю, что̀ могло помѣшать. Къ несчастію моему, я уже давно въ Петербургѣ. Къ несчастію! Развѣ ты не знаешь, что мнѣ не посидится на мѣстѣ, что я сдѣлался совершеннымъ Калмыкомъ, съ нѣкотораго времени, и что пріятелю твоему нуженъ *осѣдлокъ*, какъ говоритъ Шишковъ, пристанище, гдѣ онъ могъ бы собраться съ духомъ и силами душевными и тѣлесными, гдѣ могъ бы дышать свободнѣе, въ кругу такихъ людей, какъ ты напримѣръ. И много ли мнѣ надобно? Цвѣты и убѣжище, какъ говоритъ терзатель Делиля, нашъ злой и добрый духъ, который прогуливается на землѣ въ видѣ Воейкова. Къ несчастію, ни цвѣтовъ, ни убѣжища! Однѣ заботы житейскія и горести душевныя, которыя лишаютъ меня всѣхъ силъ душевныхъ и способовъ быть полезнымъ себѣ и другимъ. Какъ мы перемѣнились съ онаго счастливаго времени, когда у Дѣвичьяго монастыря ты жилъ съ Музами въ сладкой бесѣдѣ! Не знаю, былъ ли тогда счастливъ, но я думаю, что это время моей жизни было счастливѣйшее: ни заботъ, ни попеченій, ни предвидѣнія! Всегда съ удовольствіемъ живѣйшимъ вспоминаю и тебя, и Вяземскаго, и вечера наши, и споры, и шалости, и проказы. Два вѣка мы прожили съ того благополучнаго времени. Я самъ крутился въ вихрѣ военномъ и, какъ слабое насѣкомое, какъ бабочка, утратилъ мои крылья. До Парижа я шелъ съ арміей; въ Лейпцигѣ потерялъ добраго Петина. Ты будешь всегда помнить этого молодаго человѣка: рѣдкая душа—и такъ рано погибнуть! Въ Парижъ я вошелъ *съ мечемъ въ рукѣ*. Славная минута! Она стоитъ цѣлой жизни. Два мѣсяца я кружился въ вихрѣ Парижскомъ; но, повѣришь ли, посреди чудеснаго города, среди разсѣянія, я былъ такъ грустенъ иногда, такъ недоволенъ собою, отъ усталости конечно. Изъ Парижа въ Лондонъ, изъ Лондона въ Готенбургъ, въ Штокгольмъ. Тамъ нашелъ Блудова; съ нимъ въ Або и въ Петербургъ. Вотъ моя Одиссея. По истинѣ Одиссея! Мы подобны теперь Гомеровымъ воинамъ, разсѣяннымъ по лицу земному. Каждаго изъ насъ гонитъ какой нибудь мститель-богъ. Кого Марсъ, кого Аполлонъ, кого Венера, кого Фуріи, а — меня Скука. Самое маленькое дарованіе мое, которымъ подарила меня судьба, конечно въ гнѣвѣ своемъ, сдѣлалось моимъ мучителемъ. Я вижу

---

[4]) Пѣвецъ во станѣ Русскихъ воиновъ, первоначально отпечатанный въ походной типографіи въ лагерѣ подъ Тарутинымъ, издавался тогда вторично, въ четверку, съ рисунками, по желанію императрицы Маріи Ѳеодоровны. *П. Б.*

его безполезность для общества и для себя. Что̀ въ немъ, мой милый другъ, и чѣмъ замѣню утраченное время! Дай мнѣ совѣтъ, научи меня, наставь меня: у тебя доброе сердце, умъ просвѣщенный; будь же моимъ вожатымъ. Скажи мнѣ, къ чему прибѣгнуть, чѣмъ занять пустоту душевную; скажи мнѣ, какъ могу быть полезенъ обществу, себѣ, друзьямъ? Я оставляю службу по многимъ важнымъ для меня причинамъ, и не останусь въ Петербургѣ. Къ гражданской службѣ я неспособенъ. Плутархъ не стыдился считать кирпичи въ маленькой Херонеѣ; я не Плутархъ, къ несчастію, и не имѣю довольно философіи, чтобы заняться бездѣлками. Что же дѣлать? Писать стихи? Но для того нужна сила душевная, спокойствіе, тысячу надеждъ, тысячу очарованій и въ себѣ и кругомъ себя, и твое дарованіе безцѣнное.

Если захочешь, можешь отвѣчать на мой бредъ. Теперь поговоримъ о дѣлѣ священномъ для тебя и для меня, по многимъ причинамъ: списка сочиненій Муравьева я не получалъ, и съ кѣмъ ты послалъ, не знаю. Милый другъ! Тебѣ дано порученіе по твоему произволу, и ты до сихъ поръ ничего не сдѣлалъ. Карамзинъ, занятый постоянно важнѣйшимъ дѣломъ, какое когда-либо занимало гражданина, нашелъ свободное время для исправленія рукописей Муравьева [1]). Я не стану тебѣ дѣлать упрековъ, но долгомъ поставляю, отъ лица общества, просить тебя снова начать прерванный трудъ. Доставь мнѣ списокъ исправленный стиховъ по крайней мѣрѣ, и съ вѣрной оказіей; я беру на себя трудъ издателя. Доставь его въ скоромъ времени. Здѣсь я перебираю прозу. Вотъ мое единственное и сладостное занятіе для сердца и ума. Сколько воспоминаній! Перечитывая эти безцѣнныя рукописи, я дышу новымъ воздухомъ, бесѣдую съ новымъ человѣкомъ, и съ какимъ? Нѣтъ, никогда не повѣрю, чтобъ ты лѣнь предпочелъ удовольствію заниматься и трудиться надъ остатками столь рѣдкаго дарованія, надъ прекраснымъ наслѣдствомъ нашимъ! Сдѣлай маленькое предисловіе, то, что̀ сдѣлалъ Н. М. въ своемъ изданіи. Жизнь [2]) будетъ ненужна. Нѣсколько строкъ твоей прозы и твое имя—вотъ о чемъ прошу тебя, жестокій! Бога ради, пришли скорѣе все; иначе я и Блудовъ, мы утратимъ половину нашего уваженія къ тебѣ: любить тебя менѣе будемъ,—если это возможно. Ты не похожъ на нашего пріятеля ***, который, на мѣсто замѣчаній на мое письмо о Муравьевѣ, прислалъ мнѣ кучу площадныхъ шутокъ, достоиныхъ Пушкина [3]). Я долгомъ, и священнымъ долгомъ поставлю себѣ возвратить обществу сочиненія покойнаго Муравьева. Между бумагами я нашелъ *Письма Емиліевы*, составленныя изъ отрывковъ;

---

[1]) Эти рукописи, съ любопытнѣйшими для исторіи Русскаго литературнаго слога поправками Карамзина, хранятся въ Чертковской библіотекѣ. Карамзинъ издалъ „Опыты“ М. Н. Муравьева, въ двухъ частяхъ; теперь же предполагалось полное собраніе его сочиненій, которое потомъ и вышло въ 1819 году. *П. Б.*

[2]) Т. е. жизнеописаніе.

[3]) Т. е. автора Опаснаго Сосѣда, Василія Львовича.

ихъ-то я хочу напечатать. Я увѣренъ, что они будутъ полезны для молодости и пріятное чтеніе для ума просвѣщеннаго, для добраго сердца. Воейковъ, изъ пріязни ко мнѣ (я и не смѣю думать, чтобъ моя проза имѣла какое-нибудь достоинство) Воейковъ назначилъ [4]) нѣсколько моихъ піесъ и между ими письмо о Муравьевѣ. Ты имѣешь его. Замѣть то, что тебѣ не понравится: ошибки противъ слога. Прибавь, если хочешь. Это письмо будетъ имѣть *интересъ*: я говорилъ о нашемъ Фенелонѣ съ чувствомъ; я зналъ его, сколько можно знать человѣка въ мои лѣта. Я обязанъ ему всѣмъ, и тѣмъ, можетъ-быть, что я умѣю любить Жуковскаго. Еще разъ повторяю: изъ двухъ книгъ Муравьева, Карамзинымъ изданныхъ, изъ стиховъ и прозы, которыхъ ты наберешь, изъ Писемъ Эмилія, которыя я намѣренъ напечатать, мы составимъ нѣчто цѣлое. Катерина Ѳедоровна не пожалѣетъ денегъ на изданіе: она любитъ и гордится славою своего незабвеннаго друга. Вотъ будетъ книга рѣдкая у насъ въ Россіи. Это изданіе меня занимаетъ. Ты не разсѣешь, конечно, моей надежды. Лѣность твоя не можетъ быть извиненіемъ, когда дѣло идетъ о пользѣ общественной и о выгодахъ мертваго.

Тургеневъ сказывалъ мнѣ, что ты пишешь балладу. Зачѣмъ не поэму; зачѣмъ не переводишь ты Попа посланіе къ Абелару? Чудакъ! Ты имѣешь все, чтобъ сдѣлать себѣ прочную славу, основанную на важномъ дѣлѣ. У тебя воображеніе Мильтона, нѣжность Петрарки... и ты пишешь — баллады! Оставь бездѣлки намъ. Займись чѣмъ-нибудь достойнымъ твоего дарованія. Вотъ мое мнѣніе; оно чистосердечно. Пускай другіе кадятъ тебѣ; я лучше умѣю: я чувствую, наслаждаюсь, восхищаюсь твоимъ геніемъ, и признаюсь, сожалѣю о томъ, что ты не избралъ медленнаго, но постояннаго и вѣрнаго пути къ славѣ. Къ славѣ! Она не пустое слово. Она вѣрнѣе многихъ благъ бреннаго человѣчества. Когда-нибудь поговорю о моихъ мараньяхъ. Говорить о Муравьевѣ и потомъ о Жуковскомъ, и заключить собою—это противно вкусу и разсудку. Теперь прости, милый другъ! Помни меня, люби меня и пожалѣй о добромъ Батюшковѣ, который все утратилъ въ жизни, кромѣ способности любить друзей своихъ. Онъ никогда не забудетъ тебя; онъ гордится тобою.

3 Ноября (1814). К. Б.

Не у тебя ли Муравьева Письма къ молодому человѣку объ исторіи?

Письмо Батюшкова къ А. И. Тургеневу.

Вотъ, любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, мои замѣчанія на стихи Жуковскаго [5]). Не мое дѣло критиковать планъ, да и какая въ томъ польза? Онъ не изъ тѣхъ людей, которые *переправляютъ*.

---

[4]) Т. е. назначилъ къ помѣщенію въ Собраніе Образцовыхъ Сочиненій. *П. Б.*

[5]) Свое посланіе къ императору Александру, до появленія въ печати, Жуковскій посылалъ на разборъ и исправленіе друзьямъ своимъ князю Вяземскому, Батюшкову и А. И. Тургеневу. *П. Б.*

Ему и стихъ поправить трудно. Я могъ ошибаться; но если онъ со мной въ иныхъ случаяхъ будетъ согласенъ, то заклинаю его и Музами, и здравымъ разсудкомъ не лѣниться исправлять: единственный способъ приблизиться къ совершенству.

Дерзнетъ ли *свой листокъ* онъ въ *тотъ вплести* вѣнецъ, ужасный стихъ! (Замѣчаніе: я стану только выписывать дурные стихи; моя критика не нужна, онъ самъ почувствуетъ ошибки; у него чутье поэтическое).

Послѣ прекраснаго, исполненнаго жизни стиха:

И радости полна сама играетъ лира!

слѣдуетъ: Кто славы *твоея* опишетъ красоту? Стихъ холодный, прозаическій. Пусть поэтъ описываетъ славу Государя, увлеченный своимъ энтузіазмомъ, но никакъ не упоминаетъ о словѣ *описывать*. Пусть его переходы будутъ живы, и пр. Жуковскій мастеръ этаго дѣла... Пусть онъ начнетъ прямо съ слѣдующаго стиха: Съ благоговѣніемъ, и пр.

А въ отдаленіи внимая, какъ державы
Дробила надъ главой земныхъ народовъ брань.

Брань, которая *дробитъ* державы надъ главой земныхъ народовъ! Я этого не понимаю и прошу истолковать.

Нѣтъ! выше бурь вѣнца ты ею возносился.

Не лучше ли: бурь земныхъ? Такъ я думаю, впрочемъ могу ошибаться.

Цари, невнимательны и пр.
Подъ наклонившихся престоловъ царскихъ тѣнь,
Какъ въ неприступную для бурь и бѣдствій сѣнь,
Народы ликовать сбиралися толпами...

Эти стихи такъ спутаны, что въ нихъ и смыслъ теряется; притомъ замѣтьте: *тѣнь* наклонившихся престоловъ царскихъ, въ которую, какъ въ неприступную *сѣнь*, отъ бѣдствій и бурь стекаются народы... Что это значитъ? Поправляй, поправляй, лѣнивецъ!

И первый лилій тронъ у Галловъ надъ главами
Разгрянулся въ куски и вспыхнулъ какъ волканъ.

Тронъ разгрянулся надъ главой Галловъ, и какъ? въ куски. И что же? вспыхнулъ какъ волканъ! Не хорошо! Потомъ: Великанъ, который

Взорами на міръ ужасно засверкалъ.

Каррикатура, и ничего не значитъ. Бонапарте надобно лучше и сильнѣе характеризовать.

Я не замѣчу: „на народы двинулъ рабства плѣнъ". Если это выраженіе не вѣрно, то по крайней мѣрѣ имѣетъ силу и живость.

Тамъ все, и самъ Христовъ алтарь кричало: брань!
Тамъ все изъ подъ бича къ стопамъ тирана дань
На пользу буйственнымъ мечтамъ принесть спѣшило.

Мы закричимъ: Жуковскій, поправь и эти три стиха! Первый дуренъ, а другіе нехороши.

И мздой свою постель страданье выкупало.

Надобно поправить.

И юность ихъ (дѣтей) какъ на могилѣ цвѣтъ.

На могилѣ ничего не значитъ. Не лучше ли:

И юность ихъ была минутный жизни цвѣтъ.
И хитростью подрытъ, измѣной потрясенъ,
Добитый громами, за трономъ падалъ тронъ,
И скоро сдавленный губителя стопою,
Угасшій пепелъ ихъ покрылся мертвой мглою.

Я не стану дѣлать замѣчаній, онъ самъ догадается; мое дѣло обратить вниманіе на слабыя мѣста:

Рати, спѣшащія *раздробить еще пріютъ свободы*. Пріютъ свободы раздробить! Какія ошибки! Но какъ легко ихъ поправить этому варвару Жуковскому! Впрочемъ, не худо бы сжать и все описаніе бѣдствій до стиха: „За сей могилою" и пр. Чѣмъ короче, тѣмъ сильнѣе.

Какъ ни слова не сказать о философахъ, которые приготовили зло? За то, сколько прекрасныхъ, божественныхъ стиховъ! Но я не стану хвалить. Критика нужнѣе.

Въ толпѣ прекрасныхъ стиховъ я долженъ замѣтить сей, темный:

Пусть облечетъ во власть святой обрядъ вѣнчанья.

Вторая половина вся прелестна, и рука не подымется дѣлать замѣчанія. Здѣсь Жуковскій превзошелъ себя: его стихи, вѣрьте мнѣ, безсмертные.

Cet oracle est plus sûr.

Если вы хотите сдѣлать великолѣпное изданіе, то вотъ мой совѣтъ. Просите А. Н. [1]) нарисовать какую-нибудь мысль, а въ концѣ всего приличнѣе: его медаль на клятву всѣхъ состояній [2]).

Батюшковъ.

6.

Благодарю тебя, милый другъ, за нѣсколько строкъ твоихъ изъ Петербурга и за твои совѣты изъ Москвы и Петербурга. Дружба твоя для меня сокровище, особливо съ нѣкоторыхъ поръ. Я не сливаю поэта съ другомъ. Ты будешь совершенный поэтъ, если твои дарованія возвысятся до степени души твоей, доброй и прекрасной и которая блистаетъ въ твоихъ стихахъ: вотъ почему я ихъ перечитываю всегда съ новымъ и живымъ удовольствіемъ; даже и теперь, когда Поэзія утратила для меня всю прелесть. Радуюсь душевно, что вздумалъ издавать свои сочиненія: ты обогатишь Парнассъ и друзей. Ты много испыталъ, какъ я слышу и

---

[1]) А. Н. Оленина.

[2]) Въ Чертковской библіотекѣ были вывѣшены слѣпки съ медалей, сочиненныхъ А. Н. Оленинымъ на событія отечественной войны. *П. Б.*

вижу изъ твоихъ писемъ, но все еще любишь славу; и люби ее! И мнѣ совѣтуешь броситься въ море Поэзіи. Я увѣренъ, что ты говоришь отъ сердца, и вотъ почему я скажу тебѣ, милый другъ, что обстоятельства и нѣсколько лѣтъ огорченій потушили во мнѣ страсть и жажду стиховъ. Можетъ-быть, придутъ счастливѣйшія времена; тогда я буду писать, а въ ожиданіи ихъ читать твои прелестные стихи, читать, и перечитывать, и твердить ихъ наизустъ. Теперь я по горло въ прозѣ. Воображеніе поблѣднѣло, но не сердце, къ счастію; и я этому радуюсь. Оно еще способнѣе, нежели прежде, любить друзей и чувствовать все великое, изящное. Страданія его не убьютъ, милый другъ, и надежда быть тебя достойнымъ дастъ ему силу. Вотъ все, что̀ я скажу о себѣ. Когда-нибудь, въ сладостныхъ повѣреніяхъ дружбы, въ тихомъ углу твоемъ (въ Москвѣ, или въ Петербургѣ, гдѣ случится), ты узнаешь болѣе. Но когда же будетъ это свиданіе дружбы? Тусклая надежда! Кстати о прозѣ напечатанной: Костогоровъ показывалъ мнѣ программу изданія прозы Воейкова. Профессоръ Дерптскій, за неимѣньемъ лучшаго, вписалъ мои бездѣлки, бездѣлки по совѣсти и которыя не стоятъ быть помѣщены въ изданіи его, подъ громкимъ титуломъ: *Образцовыхъ Сочиненій!!!* Я ихъ перечиталъ и въ этомъ увѣрился. Но если онъ заупрямится ихъ оставить, то напиши ко мнѣ, что́ ты хочешь напечатать въ прозѣ. Я пришлю исправленные списки, и особенно *Финляндіи.* Все сдѣлаю что̀ могу, въ угоду великолѣпному Дерптскому профессору, который ни въ *какомъ мѣстѣ* не забываетъ своихъ друзей. Поблагодари его за пріятное воспоминаніе о Батюшковѣ и спроси, какъ я хохоталъ въ Москвѣ, читая: „сердце наше кладязь мрачный", и наконецъ „крокодилъ на немъ лежитъ". Скажи ему, что я... на Парнассѣ съ нимъ разсчитаюсь *), но люблю его по прежнему, и не за что сердиться! Есть за что сердиться на Дашкова, который не довольно уважалъ меня, и потому не показалъ мнѣ эту шутку. Теперь о дѣлѣ. Кончи Муравьева изданіе и покажи мнѣ часть стиховъ. Я желалъ бы, чтобы напечатали только достойное Михаила Никитича и издателя. И есть что! Но это золото не для нашей публики: она еще слишкомъ молода и не можетъ чувствовать всю прелесть краснорѣчія и прекрасной души. Упрямое молчаніе объ этихъ книгахъ нашихъ журналистовъ не дѣлаетъ чести ни вкусу ихъ, ни уму; я прибавлю: ниже сердцу, ибо всѣ были обязаны, менѣе или болѣе, покойному Муравьеву, который не имѣетъ нужды въ ихъ похвалѣ. Послѣ Муравьева говорить о себѣ позволено съ другомъ. Я желалъ бы, чтобъ Жуковскій заглянулъ въ списокъ моихъ стиховъ у Блудова и съ нимъ замѣтилъ то, что̀ стоитъ печатанія, и то, что̀ предать огню-истребителю. У меня Брутово сердце для стихотворныхъ дѣтей моихъ. Или слава, или смерть! Ты смѣешься, милый другъ? Но прости этому припадку честолюбія и согласись замѣтить коечто, и при томъ скажи мнѣ, какъ думаешь о моей повѣсти: *Стран-*

---

*) Воейковъ осмѣялъ эти стихи Батюшкова (изъ піесы *Счастливецъ*) въ своемъ Домѣ Сумашедшихъ. *П. Б.*

ствователь и Домосѣдъ, которую у меня Мерзляковъ подцѣпилъ въ Москвѣ, напечаталъ не дождавшись моихъ поправокъ и предалъ забвенію съ рифмами Анакреона-Олина и Пиндара-Шатрова? Скажи хоть словечко: писать ли мнѣ сказки, или не писать? Теперь я ничего не пишу, но впередъ? Ожидая твоего разрѣшенія, обнимаю тебя, и Тургенева, и Блудова, которые меня забыли. Я ихъ не забуду, вопреки имъ, особливо послѣдняго. Весь твой

Окаменѣлой житель Каменца.

Августа (1815)
числа не знаю.

Приписка г-на Герке [1]).

Si vous vous ressouvenez d'une de vos anciennes connaissances Goerké, il saisit ce moment pour se rappeler à votre souvenir. Vous voyez, que pour faire parvenir son hommage a un élève d'Apollon, il a assez de modestie, pour se mettre sous les auspices d'un de ses dignes confrères. Adieu!

(Видишь ли, какъ пишутъ у насъ въ Каменцѣ? Право хоть куда! [2])

Le seigneur de Батюшковъ a un accès de misanthropie. Чтобъ всѣмъ было извѣстно. Если увидите Александра Ивановича Тургенева, то прошу засвидѣтельствовать ему мое почтеніе, и сказать ему, что какъ я вмѣстѣ живу съ Константиномъ Николаевичемъ, то нельзя, чтобъ я не сдѣлался піитомъ и ораторомъ.

NB. Ораторъ—отъ слова *орать*, *кричать*. Смотри 367 стр. Словаря Рос. Акад. (Примѣчаніе Батюшкова).

7.

Благодарю тебя, милый другъ, за письмо твое, унизанное столь мелкими буквами, что я съ трудомъ его перечитываю. Вѣрь мнѣ, что по чувствамъ ты мнѣ родной, если не по таланту; что я достоинъ сего сердечнаго изліянія, сей откровенности, которая дышетъ въ твоемъ письмѣ. Во всемъ согласенъ съ тобою на счетъ Поэзіи. Мы смотримъ на нее съ надлежащей точки, о которой толпа и понятія не имѣетъ. Большая часть людей принимаютъ за Поэзію рифмы, а не чувство, слова, а не образы. Богъ съ нею! Но, милый другъ, если ты имѣешь дарованіе небесное, то дорого заплатишь за него, и дороже еще, если не сдѣлаешь того, что Карамзинъ; онъ избралъ себѣ одно занятіе, одно поприще, куда уходитъ отъ страстей и огорченій: тайная земля для профановъ, истинное убѣжище для души чувствительной. Послѣдуй его примѣру. Ты имѣешь талантъ рѣдкой; избери же землю, достойную его, и приготовь для будущаго новую пищу сердцу и уму, новую славу и новое сладострастіе любимцамъ прекраснаго. Что до меня касается,

---

[1]) Впослѣдствіи наставникъ Д. В. Веневитинова. *П. Б.*

[2]) Приписка Батюшкова.

милый другъ, то я готовъ бы отказаться вовсе отъ Музъ, еслибы въ нихъ не находилъ еще нѣкотораго утѣшенія отъ душевной тоски. Четыре года шатаюсь по свѣту, живу одинъ съ собою, ибо съ кѣмъ мнѣ мѣняться чувствами? Ничего не желаю, кромѣ довольства и спокойствія; но послѣдняго не найду, конечно. Испыталъ множество огорченій и износилъ душу до времени. Чтóже тутъ остается для Поэзіи, милый другъ? Весьма мало! Слабый лучь того огня, который ты называешь въ письмѣ своемъ огнемъ Весталокъ; но мы его не потушимъ! Я подалъ просьбу въ отставку: ѣду въ Москву и пробуду тамъ долго ль, коротко ль, не знаю. Желаю съ тобой увидѣться на старыхъ пепелищахъ, которыя я люблю какъ святыню. Кончи свои дѣла и пріѣзжай туда. Гранитные берега Невы не должны удерживать тебя. Чтó же касается до твоихъ плановъ въ Тавриду, черезъ Кіевъ, если это не мечтаніе, а твердое намѣреніе, то я желаю тебѣ успѣха, но тебѣ сопутствовать не могу. Судьба велитъ иначе. Какъ можно лгать? *ты* пишешь. Вѣрю тебѣ и радуюсь, что Муравьева сочиненія не затеряны. Нахожу твое намѣреніе прекраснымъ и порядокъ матерій; не полѣнись, милый другъ, сдѣлай маленькое предисловіе, а мое письмо, если находишь его достойнымъ, въ конецъ книги. Совѣтывалъ бы тебѣ посвятить все изданіе Государю, или испросить позволеніе его напечатать; но это сдѣлай отъ своего имени, переговоря съ Катериной Ѳедоровной. Для стиховъ, я могъ бы быть полезенъ: я поправляю, или, лучше, сказать, угадываю мысли М. Н. довольно удачно. А въ рукописи надобно многое перемѣнить и лучше печатать одно хорошее, достойное его и тебя, нежели все безъ разбору. Нѣсколько писемъ, неподражаемыхъ памятниковъ лучшаго сердца и прекраснѣйшей души, которая когда либо посѣщала эту грязь, которую мы называемъ землею, нѣсколько писемъ не будутъ лишними [1]). Все это для людей истинно образованныхъ, не для черни читателей. Сочиненія Муравьева конечно бы могли сіять и во Французской словесности: мы слишкомъ молоды для такого рода чтенія. Но со временемъ будетъ иначе. Пересмотри и мое маранье, въ жертву дружеству. Оно у Блудова переписано. Пересмотри съ нимъ наединѣ и замѣть чтó надобно выбросить. Когда нибудь (въ лучшіе дни!) я это напечатаю. Переправлять не буду, кромѣ глупостей, если найдутся. Я слишкомъ много переправляю: это мой порокъ, или добродѣтель? Говорятъ, что дарованіе изобрѣтаетъ, умъ поправляетъ; если это правда, то у меня болѣе ума, нежели дарованія, слѣдственно и писать не надобно. Кстати объ умѣ. Чтó у васъ за шумъ? До твоего письма я ничего не зналъ обстоятельно. Пушкинъ и Асмодей [2]) писали ко мнѣ, что Аристофанъ написалъ Липецкія воды и тебя преобразилъ въ Фіялкина. Пушкинъ говоритъ мнѣ, что онъ вооружается эпиграммами. Прежде сего читалъ въ Сынѣ Отечества письмо къ Арис-

---

[1]) Этихъ-то писемъ и нѣтъ въ собраніи сочиненій М. Н. Муравьева. *П. Б.*

[2]) Арзамаское прозвище князя П. А. Вяземскаго. — Пушкинъ, здѣсь упоминаемый, есть Василій Львовичь. *П. Б.*

тофану и тотчасъ по слогу отгадалъ сочинителя. Вотъ все, что я зналъ. Теперь узнаю, что Аристофанъ вывелъ на сцену тебя и друзей, что у васъ есть общество, и я пожалованъ въ Ахиллесы. Горжусь названіемъ; но Ахиллъ пребудетъ бездѣйственъ на чермныхъ или черныхъ корабляхъ: въ печали бо погибъ и духъ его и крѣпость. Нѣтъ! Ахиллъ пришлетъ вамъ свои маранья въ прозѣ, для изданія, изъ Москвы. Вотъ имъ реестръ: 1. Нѣчто о морали и религіи. 2. Итал. стихотворцы: Аріостъ, Тассъ и Петрарка. 3. Путешествіе въ Сире. 4. Воспоминанія словесности и отрывокъ о Ломоносовѣ. 5. Двѣ аллегоріи. 6. Искательный, характеръ. 7. О лучшихъ качествахъ сердца. Это все было намарано мною здѣсь отъ скуки, безъ книгъ и пособій; но, можетъ быть, отъ того и мысли покажутся вамъ свѣжѣе. Пришлю все съ удовольствіемъ, но только марайте что не понравится. Костогоровъ показывалъ мнѣ реестръ книгамъ образцовымъ [1]); въ нихъ помѣстилъ ты, опустошитель, мою Финляндію и Похвальное слово сну: не печатай ихъ, покуда я не вышлю исправленныя; у меня есть списокъ, но я хочу перечитать это въ Москвѣ. Имени подъ прозою не подписывай: довольно съ меня грѣховъ стихословныхъ.

Графъ Сенъ-При, здѣшній губернаторъ, просилъ меня сдѣлать надпись къ портрету его брата, убитаго во Франціи. Вотъ она. Напечатай ее въ стихахъ [2]), если понравится. Этотъ герой достоинъ лучшей эпитафіи. Истинный герой! Христіанинъ, котораго я зналъ и любилъ издавна.

Надпись къ портрету графа Сентъ-Пріеста.

(Русскій генералъ-лейтенантъ)

Отъ родины его отторгнула судьбина,
Но Лиліямъ царей онъ всюду вѣренъ былъ
И въ нашемъ станѣ воскресилъ
Баярда древній духъ и славу Дюгесклина.
(доблесть)
или:
Отъ родины его отторгнула судьбина,
Но древнимъ Лиліямъ онъ всюду вѣренъ былъ
И въ нашемъ станѣ воскресилъ
Баярда подвиги и доблесть Дюгесклина.

Какъ лучше? Спроси у Кассандры [3]) и у другихъ имрековъ. Поклонъ Арзамасцамъ отъ стараго гуся. Союзникъ намъ—время: оно сгложетъ Аристофана съ его драмматургіей. Не видалъ его Водъ [4]), не знаю его Абуфара; но если они похожи на нѣкоторыя

---

[1]) Т. е. Собраніе Образцовыхъ Сочиненій въ стихахъ и прозѣ, изданное въ 1815 году Воейковымъ.

[2]) Т. е. въ стихотворной части Образцовыхъ Сочиненій.

[3]) Т. е. у Д. Н. Блудова.

[4]) Т. е. Липецкихъ водъ, комедіи князя А. А. Шаховскаго.

другія штучки родителя [1]), то не о чемъ много хлопотать. До сихъ поръ, кромѣ водевиля Казака, я ничего хорошаго не знаю, а написано много. Ожидаю еще поэму Гаральдъ Храбрый и новаго облегченія комедіями, операми, оперетами, драмами, водевилями; все вмѣстѣ прочитаю однимъ духомъ. — Чтó дѣлаетъ Бесѣда? Я люблю ее какъ душу, *аки бы* самъ себя. Прости, милый другъ, обнимаю тебя отъ всей души, отъ всего сердца и до свиданья въ Москвѣ.

К. Б.

Вяземскій-Асмодей увѣрилъ меня, что сказка моя никуда не годится. Кто правъ, кто виноватъ? Хочу написать другую и пришлю вамъ, если обстоятельства будутъ повеселѣе. Я здѣсь чуть не умеръ съ тоски и отъ лихорадки, весьма продолжительной; хочу отправиться на Липецкія воды, за безсмертіемъ. Не думайте, чтобъ это была шутка. Мой характеръ очень перемѣнился: я сдѣлался задумчивъ, безмолвенъ, тихъ до глупости и даже безпеченъ, чего со мною никогда не бывало: надобно лѣчиться.

Каменецъ (1815).

Познакомься покороче съ Муравьевымъ [2]), съ рѣдкимъ человѣкомъ: онъ живой портретъ отца своего во многихъ отношеніяхъ, по сердцу и уму. Жаль, если его страсть къ наукѣ погаснетъ въ службѣ: мы еще потеряемъ человѣка! Но это между нами.

Письмо неизвѣстнаго лица.

Я нахожу, что начало твоего Посланія растянуто. Это можно легко поправить: надобно болѣе сжать до стиха: *О милая подруга* и не растягивать мыслей въ длинныхъ, поэтическихъ періодахъ, которые охлаждаютъ читателя и утомляютъ любопытство. Сдѣлай начало короче, короче какъ можно. *Вѣчныхъ болтуновъ съ вѣстями неразлучныхъ*; не лучше ли: *съ злословьемъ неразлучныхъ*: ибо болтунъ невольно дѣлается злословенъ, а вѣсти не всегда подъ рукой. *Безграмотныхъ писцовъ, числящихся въ поэтахъ*;—*числящихся*, очень не хорошо, холодно, и удареніе не на мѣстѣ; это надобно необходимо. поправить. И далѣе вступленіе à la Gresset растянуто; впрочемъ стихи хороши, но они длинны и задерживаютъ начало, то есть: О милая подруга, и пр.

Приди подъ кровъ родной,
Подъ кровъ уединенный,
Счастливой и простой,
Гдѣ счастье неизмѣнно.

---

[1]) Намекъ на стихи, въ которыхъ говорилось о сношеніяхъ князя Шаховскаго съ актрисою Ежовою:

Онъ злой Карамзина гонитель,
Гроза балладъ;
Онъ маленькихъ ежатъ *родитель*
И имъ не радъ.

Писано въ самый разгаръ литературной борьбы Арзамасцевъ съ Бесѣдниками. *П. Б.*

[2]) Никитою Михаиловичемъ.

Еслибъ ты меня звалъ подъ свой кровъ и нанизалъ въ разговорѣ столько эпитетовъ, то я вѣрно бы не пошелъ. Бога ради, это поправь. Вообрази себѣ, что кровъ родной, этого недовольно — а еще уединенный и простой; счастливой, этого мало; но еще гдѣ счастье неизмѣнно!! Замѣни это живописными стихами:

Хотя мы жили мало—и пр.

До стиха:

Гдѣ мы найти ласкались
И счастье и покой.

Прекрасно! Истинно прекрасно! И далѣе все мило! Съ небесъ *необходимъ* можно замѣтить, но это бездѣлка. Далѣе, удвоенныя рифмы очень счастливы и придаютъ стихамъ какую-то прелесть и новость. Въ нихъ виденъ abandon, сердечное изліяніе, чего до сихъ поръ въ твоихъ стихахъ я не замѣчалъ.

Твой утренній нарядъ, и пр.

Прекрасно.

А тамъ тропу отъ спальней
Къ бесѣдкѣ надъ купальной
Прокладываешь ты.

Прелестно. Жаль, что рифмы невѣрны.

И розу мнѣ приносишь,
Подобіе себя.

Мадригалъ, но очень кстати. Далѣе все дышетъ чувствительностью. Я говорю, что ты здѣсь въ первый разъ поэтъ, и не гоняешься за умомъ. Вотъ стихи! Противоположность счастія домашняго съ шумомъ и суетой свѣта—очень удачна, и всѣ стихи прелестны, и это доказываетъ, что начало надобно перемѣнить, или сжать болѣе, какъ я говорилъ; иначе здѣсь будетъ повтореніе.

То что̀ ты говоришь о Жуковскомъ, не очень счастливо: т. е. первые четыре стиха и страшный *ужъ* порой— не хорошо; объ немъ можно лучше говорить; и что̀ значитъ: наперсникъ вѣдьмъ и грацій? Вѣдьмъ!! Не лучше ли Фей? Перемѣни это. Конецъ весь прекрасенъ:

О дружба, жизни радость!
О дружба, весь я твой!

Прекрасно, и очень кстати. Вообще я доволенъ твоимъ посланіемъ и увѣрительно могу сказать, что оно лучше всѣхъ твоихъ стиховъ. Въ немъ есть истинныя красоты. Постарайся исправить то, что̀ я замѣтилъ; дай болѣе жизни началу, выбрось повторенія. Тогда критика, любовь и дружба тебя назовутъ своимъ поэтомъ *).

8.

(Писано изъ Москвы въ Петербургъ въ началѣ 1816 года).

Благодарю тебя, милый другъ, за твою книгу, которую я получилъ черезъ Гнѣдича. Съ жадностью ожидаю второй части и бал-

*) Письмо это написано рукою Батюшкова, вѣроятно было имъ доставлено Жуковскому и сохранилось въ его бумагахъ. Кѣмъ и къ кому оно писано, намъ неизвѣстно. *П. Б.*

ладъ, на которыя всѣ вооружаются во имя Расина, вкуса и Отечества. Въ нашей Суздали всѣ хотятъ писать посуздальски: на яичкѣ, какъ въ старину писали. Старость тебя бранитъ, молодость силится тебѣ подражать: добрый знакъ! Пиши, иди впередъ: тецы убо, солнце наше, и натепы на поэму. Вотъ мое сердечное желаніе. Не знаю, что у васъ дѣлается, въ вашей Суздали, а въ нашей не лучше. У подошвы Парнасса грязь и навозъ, то есть личность, корысть, упрямство и варварство. Я забылъ прибавить: и зависть. Но ты это лучше вѣдаешь. Часъ отъ часу я болѣе и болѣе убѣждаюсь, что Арзамасцы лучше Суздальцевъ, и безъ нихъ *нѣсть* спасенія. Возмите въ Арзамасъ добраго Лихачева, котораго посланіе къ тебѣ прилагаю при семъ: оно тебѣ понравится. Стихи пріятны и написаны отъ сердца. Отвѣчай ему прозою, если хочешь; отвѣчай только. Адресъ въ Каширу, Тверской губерніи. Онъ теперь тамъ. Здѣсь двадцать рублей за твою книгу. Онъ желалъ имѣть билетъ, и я рѣшился адресовать прямо къ тебѣ. Пошли ее къ нему, милый другъ.

Ты меня забылъ. Что дѣлаетъ Рафаэль-Карамзинъ въ Суздали? Какъ приняли его картину Абдерито-Суздальскіе маляры? Ни слова не пишешь. Даже не отвѣчалъ на мое письмо изъ Каменца. Все тебѣ прощу, если напишешь поэму, или что-нибудь достойное твоего таланта и если будешь любить меня, какъ я тебя люблю. Будь здоровъ, веселъ и счастливъ, если можно, и помни своего собрата по Аполлону. Б.

Тургенева благодарю за письмо. Напомни еще разъ объ желанной отставкѣ. Мы ожидаемъ сюда В-го. Катерина Андреевна сокрушилась о мужѣ [1]). Я часто ее вижу, и всегда съ новымъ удовольствіемъ. Умная, добрая, рѣдкая женщина. Она тебя очень любитъ и уважаетъ. Замѣть, это не послѣднее достоинство въ моихъ глазахъ.

О новостяхъ не пишу. Мерзляковъ читаетъ, и право хорошо. Я слушалъ его съ большимъ удовольствіемъ. Пушкинъ перевелъ Игрока; много счастливыхъ стиховъ. Прочіе всѣ пишутъ и похвалы себѣ не слышутъ. Я знаю, что ты не будешь спать отъ радости: ты членъ здѣшняго общества. Есть надежда, милый другъ, что мы попадемъ въ Академію. Если у Уварова есть экземпляръ лишній Элевзинскихъ таинствъ, то доставь мнѣ его. У меня давно кое-что бродитъ въ головѣ: сбираю матеріялы. Здоровье мое часъ отъ часу ниже, ниже, и я къ смерти ближе, ближе, а писать охота смертная! А еще болѣе хочется прижать тебя къ сердцу и сказать тебѣ, милый другъ, какъ ты мнѣ дорогъ.

Здѣсь 25 р.: 20 за Лихачева, а на пять купи мнѣ Гетевы стихи, если можно въ одной книжкѣ. Если что дороже заплатишь, я тебѣ доставлю. Письмо это вручитъ тебѣ Петръ Ивановичь П.— Поклонись Северину, котораго покойный Батонди [2]) столь счастливо благословилъ на дипломатію.

---

[1]) Карамзинъ уѣхалъ тогда въ Петербургъ, для поднесенія императору первыхъ осьми томовъ своей Исторіи. *П. Б.*

[2]) Это былъ Итальянецъ, проживавшій въ домѣ князя Андрея Ивановича Вяземскаго. См. Р. Архивъ 1866, стр. 236. *П. Б.*

9.

Письмо твое, милый другъ, Батюшковъ прочиталъ съ радостію неизъяснимою, съ восхищеніемъ. Ты любишь меня,—это главное, лучшее. Читая неумѣренныя похвалы себѣ, я положилъ съ Вяземскимъ, что ты спился съ кругу долой и писалъ письмо съ похмѣлья. Исторія Мещевскаго *) вывела насъ изъ заблужденія. Ты писалъ трезвый, нѣтъ сомнѣнія, но и друзья твои трезвы. Они *положили*, *приговорили*, что ты ошибся, и конечно безъ намѣренія обратилъ похвалы, тебѣ и Вяземскому принадлежащія, на бѣднаго Батюшкова, который шестой мѣсяцъ чуть на ногахъ держится. Все это прекрасно. Въ часы самолюбія повѣришь, въ часы унынія ободришься. Но зачѣмъ критика неправосудная? Когда я писалъ: *безъ дружбы и любви*, то, божусь тебѣ, не обманывалъ ни тебя, ни себя, къ несчастію! Это вырвалось изъ сердца. Съ горестью признаюсь тебѣ, милый другъ, что за минутами веселья у меня бывали минуты отчаянія. Съ рожденія я имѣлъ на душѣ черное пятно, которое росло, росло съ лѣтами и чуть было не зачернило всю душу. Богъ и разсудокъ спасли. На долго ли? Не знаю! Я разгулялся, и въ доказательство печатаю томъ прозы, низкой прозы. Потомъ стихи. Все это бремя хочется сбыть съ рукъ, и подвигаться впередъ, если здоровье и силы позволятъ. Потащусь за тобой и ***, который истинно мужаетъ, но всего, что можетъ сдѣлать, не сдѣлаетъ. Жизнь его проза. Онъ весь разсѣяніе. Такой родъ жизни погубилъ у насъ Нелединскаго. Часто удивляюсь силѣ его головы, которая наканунѣ бала, или на другой день, находитъ ему счастливыя рифмы и счастливѣйшіе стихи. Пробуди его честолюбіе. Доброе дѣло сдѣлаешь, и оно предлежитъ тебѣ: онъ тебя любитъ и боится. Я увѣренъ, что ты для него—совѣсть, во всей силѣ слова. Совѣсть для стиховъ, совѣсть для жизни: Ангелъ-хранитель. А ты спрашиваешь, за что тебя любятъ? И кто же? Друзья твои, которые тебя знаютъ наизустъ. Не имѣю права назвать себя другомъ твоимъ, азъ многогрѣшный, по пріятелемъ назову смѣло, и пріятелемъ изъ первыхъ.

Вяземскій послалъ тебѣ мои элегіи. Бога ради, не читай ихъ никому и списковъ не давай, особливо Тургеневу. Есть на то важныя причины, и ты конечно *уважишь* просьбу друга. Я ихъ не напечатаю.

Когда увидимся? Гдѣ и какъ, не знаю. Мое здоровье вянетъ примѣтнымъ образомъ. Изчезаю. Послѣдніе годы меня сразили. Ты здоровъ, милый другъ: работай для славы, для дружбы. Пиши стихи. Подари насъ поэмою. Вѣрь, что тебѣ знаютъ цѣну въ Россіи. Будь выше судьбы своей и не забывай высокаго назначенія своего; не забывай и выгодъ жизни. Тургеневъ можетъ быть тебѣ полезенъ. Я предлагалъ ему уговаривать тебя издавать жур-

---

*) См. Р. Архивъ 1868, стр. 938. Мещевскій былъ сосланъ за что-то въ Оренбургъ и присылалъ оттуда стихи къ Жуковскому, который желалъ облегчить его участь и помогалъ ему деньгами и совѣтами. *П. Б.*

налъ въ Петербургѣ. Если мое желаніе сбудется, то возми меня въ сотрудники; все сдѣлаю, что могу, что буду въ силахъ сдѣлать. Кончу мое письмецо. Обнимаю тебя, очень, очень крѣпко. Константинъ.

27 Сентября (1816).

VIII. Ивана Александровича Петина.

1809 г. 14 Октября.

Милостивый государь Василій Андреевичъ!

Я передъ вами такъ виноватъ, какъ нельзя болѣе. Какъ можно такъ худо заплатить за вашу ко мнѣ довѣренность, за честь, которую вы мнѣ сдѣлали, препоручивъ перевести изъ Рамлера нѣсколько басенъ для вашего Вѣстника? Не могу принести вамъ никакого оправданія. По крайней мѣрѣ хочу нѣсколько уменьшить въ глазахъ вашихъ вину свою. Взявши отъ васъ книгу, я тотъ же вечеръ принялся за разстроенную свою балалайку, стряхнулъ съ нея пыль, которую она была болѣе семи лѣтъ покрыта, привелъ Пегаса, сѣлъ на него, мучился, потѣлъ, но никакъ не могъ съ нимъ сладить,—все выходитъ фальшь. Вините въ томъ Шведовъ: они прострѣлили мнѣ лѣвую ногу; а вамъ извѣстно, что безъ лѣваго шенкеля никакая лошадь правильно въ галопъ не пойдетъ, не только вашъ ученый и манежный Пегасъ. Подстрекаемый однакожъ самолюбіемъ, я желалъ оправдать лестное ваше обо мнѣ мнѣніе; я хотѣлъ непремѣнно, во что бы то ни стало, привести Пегаса въ повиновеніе; все-таки продолжалъ муштровать его. Бѣдняжка вышелъ наконецъ изъ терпѣнія, понесъ меня; но смотрю, совсѣмъ не по слѣдамъ Рамлера,—Богъ знаетъ куда-то. Хочу остановить его, но не въ состояніи. Раненный Французами, бокъ мой не даетъ мнѣ крѣпко держаться; я падаю, лечу внизъ

Не съ вѣнцами, и не съ лаврами,
Но съ ушами, ахъ! ослиными.

Пожалѣйте обо мнѣ, милостивый государь, тѣмъ болѣе, что вы одни причиною несчастнаго моего паденія: единственно изъ угожденія вамъ предпринялъ было я путешествіе на Парнасъ, потому что самъ давно уже

Отъ Феба въ чистую отставку я уволенъ,
И больше съ Музами знакомства не веду.

Говорятъ, нѣтъ худа безъ добра. Въ теперешнемъ моемъ положеніи утѣшаюсь тѣмъ, что хотя я и оставилъ безсмертныхъ,

За то я съ смертными въ ладу,—
Доволенъ всякой мной, и всѣми я доволенъ.
Почто-жъ, піитъ любезный мой,
Опять стихи писать меня ты заставляешь?
Хотя не по себѣ, а вѣрно знаешь,
Какъ риѳмодѣтели живутъ между собой:
Одинъ другаго ненавидитъ,
А особливо, если видитъ

Въ комъ больше генія, искусства и ума.
Я молодъ, слабъ, боюсь передъ тобой грѣха;
Оставь меня тебѣ безъ злобы удивляться;
А на Парнасѣ гдѣ мнѣ за тобой гоняться?

Мое дѣло теперь: любить васъ, гордиться знакомствомъ вашимъ и быть навсегда съ истиннымъ почтеніемъ вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою.

Петинъ.

Ефремовъ.

Прошу также засвидѣтельствовать мое почтеніе милостивому государю Антону Антоновичу *) и сказать ему, что отеческія его попеченія никогда не изгладятся изъ моей памяти, что вездѣ, гдѣ бы я ни былъ, всякій день благодарю Бога, что имѣлъ случай пользоваться его наставленіями.

IX. Владислава Александровича Озерова.

Милостивый государь мой Василій Андреевичъ!

Отъѣзжающій изъ-за Камскаго края въ Москву, любезный мой сосѣдъ, Петръ Андреевичъ Буженинов, черезъ котораго вы получите сіе мое письмо, просилъ меня познакомить его съ вами. Я не смѣлъ отказать ему въ добромъ дѣлѣ, помня написанное Зороастромъ, по свидѣтельству Вольтера, что случай дѣлать зло представляется разъ по сту на день, случай же дѣлать добро встрѣчается только одиножды въ годъ. Знакомство людей достойныхъ и любезныхъ есть потребность души. Петръ Андреевичъ одинъ изъ ревностныхъ почитателей вашихъ дарованій. Мы вмѣстѣ прельщаемся вашимъ слогомъ и два раза въ мѣсяцъ бесѣдуемъ съ вами въ мысляхъ, читая Вѣстника, вашего прекраснаго изданія. Безконечное было бы мое письмо, еслибы хотѣлъ я вамъ описать удовольствіе мое при чтеніи Марьиной Рощи, разныхъ повѣстей и особливо писемъ принца де-Линя; вы сохранили въ переводѣ всю живость и все остроуміе сего любезнаго автора, котораго можно поставить наравнѣ съ графомъ Гамильтономъ. Примѣромъ почтеннаго Ник. Мих. Карамзина и вашимъ примѣромъ я увѣрился, что нашъ языкъ ко всѣмъ родамъ слога способенъ; и не сомнѣваюсь, чтобы трудами писателей съ истинными талантами онъ скоро не поравнялся съ утонченными нашими нравами. Вотъ все, чтó теперь позволяетъ мнѣ писать хирагра меня мучащая, но Петръ Андреевичь вамъ можетъ засвидѣтельствовать искреннее почтеніе и душевную привязанность, съ которыми навсегда остаюсь, милостивый государь мой, вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Владиславъ Озеровъ.

Генваря 29-го дня
1810-го года.
Изъ села Краснаго Яра.

---

*) Прокоповичу-Антонскому.

X. Юрія Александровича Нелединскаго.

Василья Андреевича Жуковскаго Нелединской извѣщаетъ, что въ будущее воскресенье, 2-го Генваря, ему надлежитъ, въ 12 часовъ утра, быть одѣту въ мундиръ, обуту въ башмаки, быть при шпагѣ, съ шляпою подъ мышкою и съ Анною на шеѣ, и проч., и проч. Въ такомъ благообразномъ видѣ, онъ благоволитъ дождаться къ себѣ своего покорнаго слугу Нелединскаго, которому приказано въ это время пріѣхать съ нимъ во дворецъ.

Буде угодно Василью Андреевичу пріѣхать прямо въ дворцовую церковь къ обѣднѣ,—это въ его волѣ; Нелединской тамъ его найдетъ. Между тѣмъ проситъ теперь увѣдомить, которое изъ двухъ предложеній будетъ имъ избрано.

Декабря 31-го (1815). Пятница.

Милостивому государю моему Василью Андреевичу Жуковскому.

XI. Графа Дмитрія Ивановича Хвостова.

Милостивый государь Василій Андреевичъ!

Я ваше превосходительство давнымъ давно не видалъ, и не мудрено: кромѣ того, что къ вамъ писалъ въ Италію,—

А я теперь, съ фуфаечкой на ватѣ,
Сижу зимою въ своей смирненько хатѣ.

Я нынѣшнюю зиму былъ сильно боленъ долгое время: много страдалъ отъ жестокой простуды и гемороидовъ, такъ что въ первый день моей болѣзни, 21 Января, знаменитый Арендтъ былъ у меня въ одни сутки пять разъ, гдѣ, найдя при изголовьи моемъ *смерть*, взялъ волшебный свой жезлъ и снова *оттолкнулъ ее*. Теперь болѣзнь прошла, но сильный кашель препятствуетъ выѣзжать, и для того рѣшаюсь письменно поздравить васъ съ наступающимъ праздникомъ Свѣтлаго Христова Воскресенья, при искреннемъ пожеланіи добраго здоровья на многія лѣта и всѣхъ благъ; еще желаніе— чтобы вы продолжили ко мнѣ вашу дружескую благосклонность; а я, по привычкѣ моей сообщать вамъ всѣ мои произведенія, прилагаю собственно для васъ рукописи мои, писанныя до болѣзни, и въ болѣзнь мою стихи. Примите увѣреніе и пр.

Графъ Хвостовъ.

5 Апрѣля 1835 г.

P. S. Статья ваша „Письмо изъ Швейцаріи“ за Апрѣль мѣсяцъ въ Библіотекѣ для Чтенія, не въ привѣтъ вамъ говорю, есть первая по глубокомыслію, по чувствамъ истинной философіи и по прекраснѣйшему образцу прелестнаго слога и живописи поэтической.

XII. Николая Ивановича Гнѣдича.

1.

Получилъ всѣ четыре экземпляра Луны твоей, любезнѣйшій мой лунатикъ, и по назначенію роздалъ. Луна Бородинская — не шалость, не шутка; для тебя она шутка, а мы съ Шихматовымъ и серіозно писывали, малевывали ее, но хуже. Бородинская Луна

достойна другой рамки, особливой, великолѣпной! Графу Толстому я самъ хотѣлъ отдать экземпляръ и предложить ему задачу, но не засталъ.— Пушкина поэма—finis! только окончится виньетка, которую рисовалъ Алек. Н. Оленинъ (Эге? а ты, другъ, и не подозрѣвалъ) и которая уже гравируется *).—Твой Кондыревъ былъ у Алек. Ник. и ознакомился съ нимъ. Остановка вообще по замѣщенію всѣхъ вакансій по библіотекѣ отъ неокончанія дѣла въ разсужденіи отставки Попова, одного изъ старыхъ библіотекарей.

Что касается до моей просьбы, то я еще повторю ее тебѣ, любезнѣйшій другъ. Институтъ или монастырь, все равно, — хотя бы и лучше институтъ; но это единственно для моихъ уже ногъ. Знаю, что вакансіи бываютъ только по выпускѣ или по смерти, но Государыня дѣлаетъ милость: опредѣляетъ и кромѣ сихъ эпохъ и анекдотовъ. Время не совсѣмъ, какъ ты думаешь, терпитъ. Во первыхъ, въ городѣ не имѣешь ты случая такъ часто видѣть Государыню, а что важнѣе—быть съ нею въ короткихъ бесѣдахъ; во вторыхъ, по осени дѣла призываютъ меня въ Малороссію, слѣдственно я могъ бы съ собою привезть племянницу, а возвратясь мнѣ трудно будетъ уже найти способъ доставить ее сюда. На доставленіе ко мнѣ свидѣтельствъ, послѣ того какъ Государыня изъявитъ согласіе опредѣлить, нужно также мѣсяца полтора. И такъ видишь, любезнѣйшій, время не совсѣмъ терпитъ.

(1822) Тебѣ всею душею преданный

(Адресовано: въ Павловскъ). Н. Гнѣдичъ.

2.

Вчера, будучи въ Царскомъ Селѣ, на экзаменѣ пансіонеровъ, думалъ было проѣхать послѣ обѣда въ Павловскъ, чтобы взглянуть на тебя, любезнѣйшій Василій Андреевичъ; но экзаменъ кончился поздно, а обѣдъ еще позднѣе; между тѣмъ я взялся было доставить тебѣ у сего прилагаемой пакетъ отъ Кюхельбекера. Объ этомъ просилъ меня Егоръ Ант. Энгельгардъ, на имя котораго прислалъ Кюхельбекеръ своихъ Аргивянъ, тебѣ для доставленія. Если будешь отвѣчать ему, письмо можно доставить Энгельгарду. Будь здоровъ. Еслибъ зналъ, что поподчиваешь Виргиліемъ, нарочно бы. пріѣхалъ.—Обнимаю тебя.

Преданный тебѣ душою

Н. Гнѣдичь.

Іюня 5-го.

XIII. Александра Андреевича Иванова.

1.

Ваше превосходительство!

Слухъ объ отправленіи вашемъ въ Германію на долгое время заставляетъ меня прибѣгнуть къ вамъ съ слѣдующимъ изъясненіемъ.

Несмотря на все мое стараніе окончить картину *Явленіе въ міръ Мессіи* къ концу сего года, я вижу, что по мѣрѣ совершенствованія труда удаляется отъ меня его окончаніе. Такое положеніе заранѣе

*) Говорится объ изданіи Кавказскаго Плѣнника. *П. Б.*

меня смущаетъ. Я навѣрное могу сказать, что не только измѣню сроку назначенному, но и не буду имѣть никакихъ средствъ къ его довершенію.

Подарокъ трехъ тысячь рублей отъ Общества Поощренія Художниковъ имѣлъ въ 1838 году необходимостью войдти въ составъ издержекъ условнаго трехлѣтія, а предшествующіе труды мои хотя и заслуживали большое одобреніе, но ни одинъ разъ не были заплачены.

Все это заставляетъ меня прибѣгнуть къ вашему превосходительству, какъ къ единственному моему покровителю, и всепокорнѣйше просить, дабы вы, представя положеніе мое Его Высочеству, защитили бы меня въ невольномъ просроченіи и если можно испросили бы у Него новой милости на возможность окончить трудъ, составляющій истинное мое наслажденіе.

Повѣряя всего себя вашему распоряженію, имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга

Александръ Ивановъ.

Римъ. Марта 15-го 1841 года.

2.

(безъ числа).

По приказанію вашему имѣть надзоръ надъ копіями г. Станиславлевича, я исполняю, сколько могу, сіе пріятное для меня порученіе. Одна изъ нихъ „Аѳинская Школа" уже къ вамъ послана; „Еліодоръ, Бользенское Чудо, Три Добродѣтели, Поэзія и Богословіе" уже окончены; но теперь работа остановилась, ибо Станиславлевичь боленъ и довольно опасно; однакоже мы надѣемся на его выздоровленіе, и такимъ образомъ будутъ кончены и другія шесть хотя и не къ назначенному вами времени.

3.

Ваше превосходительство!

Вслѣдствіе письма Н. В. Гоголя отъ 20 Сентября, гдѣ онъ, видя мое крайнее положеніе, рѣшился васъ безпокоить моими дѣлами, я съ живѣйшею радостью слѣдую всѣмъ его совѣтамъ и вопервыхъ препровождаю къ вамъ письмо къ Государю Наслѣднику, содержаніе коего вамъ уже извѣстно. Я только долженъ присовокупить, что 4 Іюня сего года просилъ о томъ же Общество Поощренія Художниковъ; но какъ секретарь онаго г. Григоровичъ (на имя коего было адресовано письмо) при смерти боленъ, то и не думаю, чтобы оное было тамъ читано.

Сознавая себя недостойнымъ таковыхъ вашихъ обо мнѣ стараній, я не имѣю ни силъ, ни средствъ благодарить васъ. Я постараюсь по крайней мѣрѣ настоящимъ трудомъ моимъ сдѣлаться сколько-нибудь ихъ достойнымъ.

Остаюсь съ глубочайшимъ почтеніемъ всегда готовый къ услугамъ вашего превосходительства покорный слуга

А. Ивановъ.

Римъ Октября 6. 1841 г.

Положеніе Станиславлевича безнадежно. Я было хотѣлъ отправить его въ Грефенбергъ, но больной съ трудомъ двигается и никакъ этого самъ не хочетъ. Онъ глубоко тронутъ былъ вашимъ подтвержденіемъ о выдачѣ ему еще денегъ. По вашему желанію, посылаю къ вамъ его работы, Поэзію, Теологію и Трехъ Добродѣтелей, которыя вы и получите въ Дюссельдорфѣ.

4.

Ваше превосходительство!

Спѣшу принести живѣйшую мою благодарность за ваши попеченія обо мнѣ, хотя несчастной результатъ сихъ стараній горько показалъ, что значатъ заочныя дѣйствія.

Съ полуторою тысячью рублей, выдача коихъ еще заставлена страннымъ вопросомъ, куда ее переслать,—я ни на шагъ не могу подвинуть моего дѣла, требующаго, по самой крайней мѣрѣ, трехлѣтней пенсіонерской пенсіи.

Теперь вся надежда на Общество Поощренія Художниковъ. Нынѣшній секретарь онаго, Модестъ Дмитріевичъ Рѣзвой, взявшись горячо за мое дѣло, сказалъ тамъ: „Произведеніе Иванова выходитъ изъ ряду обыкновенныхъ и должно принадлежать къ тѣмъ, коими справедливо будетъ гордиться наше Отечество, и потому способствовать къ его удачному исполненію есть благородный порывъ всякаго добраго патріота“.

Многіе изъ членовъ того же мнѣнія, и потому Общество, принявъ со всею благосклонностью бумагу мою, представило обо мнѣ, чрезъ предсѣдателя своего Его Выс. Максимиліана Лейхтенбергскаго, испросъ о новой милости отъ Государя Наслѣдника на окончаніе моей картины.

Если и тутъ будетъ неудача, то тогда уже придется извѣдать конечную непріятность: на эти полторы тысячи собраться въ Петербургъ и бѣдностью погребсти себя тамъ въ безпонятіи! Не думайте однакожъ, чтобы я сколько-нибудь раскаявался, что началъ и довелъ за половину огромное мое предпріятіе. Напротивъ, я этимъ только и буду утѣшаться всю остальную мою жизнь. Кромѣ того, желаю, чтобы мои соотечественники-художники шли бы той же трудной стезей строгаго ученія; чтобы во всякомъ произведеніи ихъ замѣтна была жажда чистой идеи объ искусствѣ лучшаго времени Италіи; чтобы не бросались они ни въ шуточный жанръ, ни въ акварель, ни въ радужный колеръ, ни въ быстроту эскизнаго исполненія,—заразительныя введенія нашихъ пришлецовъ, ломающихъ искусство въ способъ, чтобы жить со всѣми прихотями роскоши и забавъ, не думая о послѣдствіяхъ и не зная Отечества.

Съ истиннымъ уваженіемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть вашъ покорный слуга

Александръ Ивановъ.

Римъ
Сентября 4-го
1842 года.

5.

Римъ. Ноября 28 дня 1847 г.

Письмо ваше, со вложеніемъ трехъ тысячъ рублей отъ Государя Наслѣдника, весьма много пособило перемѣнѣ моего положенія. Деньги хотя уже и сами по себѣ вещь нужная для дѣятеля-художника, но тутъ еще важнѣе то, что Его Высочество вниманіемъ Своимъ выкупаетъ меня изъ сроковъ и другихъ людскихъ причудъ. Конечно, всѣмъ этимъ я обязанъ вамъ, за что и приношу искреннюю мою благодарность. Тревожное состояніе мое прошлаго года, не позволявшее мнѣ заняться спокойно моимъ дѣломъ, я силюсь поправить нынѣшнимъ, и потому весь отдался моей картинѣ. Если Богъ поможетъ скоро совершить трудъ, то я надѣюсь самымъ дѣломъ убѣдить васъ, что способенъ изъ житейскаго простаго быта (tableau de genre) вознестись до изображенія Бого-человѣка. Съ глубочайшимъ уваженіемъ имѣю честь быть вашъ покорный слуга Александръ Ивановъ.

A son excellence monsieur de Joukoffsky, à Francfort sur le Main. Salzwedelsgarten vor dem Schaumann-Thor.

XIV. Князя Ивана Өедоровича Паскевича-Эриванскаго.

1.

Милостивый государь Василій Андреевичъ!

Я имѣлъ удовольствіе получить ваше пріятнѣйшее письмо наканунѣ моего отъѣзда сюда въ Тюркменчай, гдѣ мы наконецъ со славою Имперіи и Государю сложили съ себя военные доспѣхи. Все кончено. Поздравляю васъ съ миромъ. Жаль, что ваши струны замолкли; можетъ-быть и мы въ превосходныхъ твореніяхъ вашихъ пріютились бы къ безсмертію, если не громкими дѣлами, то перенесеніемъ трудовъ неимовѣрныхъ. Право, ихъ можно не краснѣя передать если не потомству, то хотя современникамъ на память. Вашего родственника я тотчасъ отличилъ еще третьяго года въ Карабагѣ, коль скоро узналъ, что онъ носитъ одно имя съ вами; распрашивалъ его о васъ и какъ близко принадлежитъ онъ вамъ по родству, представилъ его къ чину, который онъ вскорѣ и получилъ. Писалъ ли онъ вамъ объ этомъ? Могу васъ увѣрить, что всегда сохраню его въ особенномъ моемъ вниманіи по тому личному уваженію, которое имѣю къ вашему характеру и таланту, почтеннѣйшій Василій Андреевичъ. Прошу не забывать истинно вамъ преданнаго

„Ивана Паскевича“.

Февраля 1828 г.
Въ Тюркменчаѣ.

2.

Милостивый государь Василій Андреевичъ!

Среди истинной радости, испытанной мною по случаю счастливаго покоренія Варшавы и успѣшнаго хода здѣшнихъ дѣлъ, минута, въ которую я читалъ письмо ваше, доставила мнѣ весьма прі-

ятное удовольствіе. Искренность поэта раскрыла для меня въ живой, яркой картинѣ всю великость и вліяніе настоящихъ событій и ту исполинскую славу, блескъ коей столь неоспоримо принадлежитъ вновь оружію Россійскому, вопреки завистливыхъ толковъ и враждебнаго желанія недруговъ нашихъ.

Вы правы, предугадывая счастіе мое: оно по истиннѣ не ограниченно чувствомъ безкорыстнаго наслажденія въ успѣхахъ ко благу и спокойствію Отечества. Мысль быть виновникомъ общаго удовольствія и предметомъ признательности согражданъ есть драгоцѣнное возмездіе за труды, подъятые мною въ борьбѣ противу нарушителей порядка.

Прошу васъ принять нелицемѣрную мою благодарность за присланныя строфы и сообщить таковую же Александру Сергѣевичу Пушкину, столь много обязавшему меня двумя отличными своими сочиненіями. Стихи истинно прекрасные и богаты чувствами народной гордости. Сладкозвучныя лиры первостепенныхъ поэтовъ нашихъ долго отказывались бряцать во славу подвиговъ оружія. Такъ померкнула заря достопамятныхъ событій Персидской и Турецкой войнъ, и голосъ выспренняго вдохновенія едва едва отозвался въ Отечествѣ въ честь тогдашнихъ успѣховъ нашихъ. Упрекъ сей впрочемъ не относится до васъ, ибо и въ ту эпоху вы обязали меня поэтическимъ вниманіемъ. Пріятно видѣть, что настоящія дѣла храбрыхъ сильнѣе возбудили огонь истинной поэзіи и возвеличены волшебнымъ талантомъ пѣвцовъ, украшающихъ Россію.

По желанію вашему, я имѣлъ счастіе передать Его Императорскому Высочеству одинъ экземпляръ полученныхъ мною стиховъ. Благодареніе Всевышнему! Успѣхи наши не ограничились паденіемъ Варшавы. Армія мятежниковъ наконецъ рѣшительно не существуетъ, а на твердыняхъ Модлина уже нѣсколько дней развѣваются побѣдоносныя знамена Его Императорскаго Величества.

Прошу принять повторенія въ моей искренней признательности и совершенномъ уваженіи, съ коими пребываю навсегда

„Покорнѣйшій слуга князь Варшавскій, графъ Иванъ Паскевичъ-Эриванскій“.

2 Октября 1831 года.
Варшава.

XV. Іакова Ивановича Ростовцова.

Благодарю васъ душевно, Василій Андреевичъ, за вашу грамотку; горюю о вашихъ недугахъ и о бѣдствіяхъ вашего города, которыя вѣроятно отразились нѣсколько и на васъ; обнимаю васъ, цѣлую ручки достойной вашей супруги и рекомендуюсь милостивому государю Павлу Васильевичу.

Объ участіи вашемъ въ горѣ Великаго Князя я Его Высочеству говорилъ. Его Высочество вполнѣ увѣренъ въ тепломъ вашемъ къ нему чувствѣ; вы вѣроятно и получили уже два отъ него письма,

изъ коихъ одно объ Рейтернѣ, очень миломъ и солидномъ молодомъ человѣкѣ.

Потеря дочери, и такая неожиданная потеря, глубоко потрясла Его Высочество. Онъ очень груститъ, и грусть его приняла характеръ какой-то тихой печали, равнодушія ко всему окружающему. Это чувство губительнѣе взрыва, и людей, любящихъ Его Высочество, это очень сокрушаетъ.

О другой горькой утратѣ, объ утратѣ Ивана Андреевича *), я наговорилъ бы вамъ много, но на бумагѣ всего не выскажешь. Я удостоился быть свидѣтелемъ послѣдней борьбы могучей его души съ его могучимъ тѣломъ и принять послѣднія слова его міру, который такъ жадно его выслушивалъ; я видѣлъ его смиреніе и предсмертную простоту неподдѣльнаго его величія. До послѣдней минуты земной своей жизни онъ остался вѣренъ характеру всей своей жизни; онъ умиралъ, какъ засыпалъ бывало послѣ обѣда; приготовлялся къ смерти какъ бы къ дѣлу, необходимому въ домашнемъ обиходѣ; ни слова о себѣ, ни слова о будущемъ; милъ, тихъ, ласковъ и дружелюбенъ до послѣдняго вздоха.

Разсылка басенъ къ друзьямъ и чтителямъ его дарованія не была предсмертною его мыслію; эта мысль возникла въ немъ послѣ юбилея, но была имъ забыта, какъ многое забывалъ онъ по безпечности. Зная эту мысль, душеприкащикъ обязанъ былъ осуществить ее.

За пять часовъ до кончины, передъ самою исповѣдью, онъ разсказывалъ мнѣ еще анекдоты своей жизни; о приближавшемся будущемъ, неземномъ, ни слова, ни намека. Миръ праху сего истиннаго философа-христіанина и вѣчная память, и здѣсь и тамъ, геніальной душѣ его.

Увидимся ли мы съ вами, и скоро ли, добрый Василій Андреевичъ? Съ наслажденіемъ вспоминаю бесѣды наши въ Эмсѣ; дорого бы далъ, чтобы повторить ихъ.

Не забывайте меня; сохраните мнѣ уголокъ, хотя маленькій уголокъ, въ вашей памяти. Всегда искренно любящій и чтущій васъ

І. Ростовцовъ.

$\frac{2}{14}$ Апрѣля 1845 года.

СПБ.

XVI. Степана Петровича Шевырева.

1.

Милостивый государь Василій Андреевичъ!

Москвитянинъ и я не знаемъ какъ благодарить васъ за добро, которое вы ему дарите. Давно уже я собирался писать къ вамъ и выразить вамъ чувства нашей благодарности; но вы меня предупредили,—и мнѣ совѣстно. Вы насъ ободряете и укрѣпляете вашимъ привѣтомъ и ласкою. Письмо ваше къ Гоголю произвело сильное

*) Крылова, коего графъ І. И. были душеприкащиками. *П. Б.*

впечатлѣніе и, что мнѣ особенно пріятно, на молодежъ. Это новое данное вами начало для будущей Русской эстетики, которая должна быть построена на христіанскомъ основаніи. Ваши стихи, Отголосокъ времени, украсятъ Сентябрьскую книжку. Хоть вы отказались отъ риѳмы для экзаметра, но она вамъ не измѣнила: свѣжа, звучна и готова на вашъ призывъ по прежнему. Двѣ сцены изъ Фауста пойдутъ въ Октябрьскую книжку. Ваше замѣчаніе о мнимой поправкѣ Фауста въ евангельскомъ текстѣ есть замѣчаніе православнаго христіанина всѣмъ Нѣмецкимъ богословамъ, которые думаютъ, что лучше понимаютъ Евангеліе, нежели сами Евангелисты. Прибавленіе о мысли Паскалевой есть также начало, данное вами для Русской философіи. Безъ точки отбытія, конечно, ничто невѣрно. Намъ точка отбытія дана христіанствомъ въ исторической нашей жизни. Ваши замѣчанія Речу и Корнеліусу показываютъ, что поэтъ Русскій отгадываетъ вѣрнѣе поэта Германіи, чѣмъ сами Нѣмецкіе художники. Но позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ о томъ богословскомъ мѣстѣ, которое у васъ находится на 2-й и 3-й страницахъ. Я боюсь, чтобы оно не дало повода къ какому-нибудь недоразумѣнію. У васъ сказано: „Слово Божіе напротивъ есть Богъ—и Богъ, какъ творецъ, и Богъ, *какъ твореніе*, отъ вѣка бывшее въ Богѣ и съ Богомъ, изъ воли Его истекшее и въ Немъ заключенное, но съ Нимъ не сліянное и съ Нимъ не тождественное, имѣвшее начало, ибо *оно —твореніе*"... У Іоанна Богослова говорится о Сынѣ, подъ именемъ Слова, единородномъ отъ Отца (ст. 14), а Сынъ не сотворенъ, но предвѣчно рожденъ: „рожденна, *не сотворенна*" (въ Символѣ Вѣры). Потому вмѣсто творецъ нельзя ли поставить *отецъ*, а вмѣсто твореніе—*рожденіе*? Могутъ православные богословы упрекнуть въ аріанизмѣ.

Позвольте мнѣ привести вамъ два отрывка изъ нашихъ древнихъ Русскихъ отцевъ о томъ же предметѣ. Вотъ какъ выражается Іосифъ Волоколамскій, писавшій въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка о Словѣ Божіемъ: „Слово Божіе не якоже мое, отъ чрева орудіемъ гласнымъ износимо и на воздусѣ разливаемо, но слово живо, суще и составно (Нѣмецъ бы сказалъ: конкретно), еже къ Богу въ началѣ и самъ Богъ сый; и ниже духъ Божій, яко же мой духъ, исходяй изо устъ и на воздусѣ разливаяйся: духъ устъ Божіихъ—духъ истины и отъ Отца исходяй и самъ Богъ сый, существа Божія имѣяй составъ совершенъ". Вотъ еще другой инокъ, Зиновій, ученикъ Максима Грека, писавшій въ XVI вѣкѣ, такъ разсуждаетъ о Богѣ Словѣ. Сначала доказываетъ онъ, что Богъ истинный долженъ быть Богъ живой, а живой Богъ долженъ имѣть слово и духъ: иначе онъ былъ бы безсловесенъ и бездушенъ; и далѣе говоритъ: „И якоже убо истинный Богъ живой присносущенъ есть, безначаленъ, безконеченъ, не старѣющся, всесиленъ; також и слово Ему подобаетъ своего Ему естества и существа блаженнаго, нетлѣннаго; також и духъ Ему подобаетъ свой соприсносущенъ, тогож блаженнаго, нетлѣннаго естества. Да якожъ вѣруется истинный Богъ живъ, безначаленъ, безконеченъ, присносущенъ, також вѣровати подобаетъ и слово Ему Его живо, истинно, соприсносущно, собезначально, а не на воздусѣ разсыпаемо... *не сотворено бо слово Бо-*

жіе, но безтѣлесно рожено". „Понеже Богъ безплотенъ, не плотски и Слово Свое роди; и слово, рождаяся отъ безсмертнаго, безстрастнаго Бога, живо, безстрастно, безсмертно: ибо и мы страстни и смертни суще, умъ же имамы безплотенъ, и слово присно рожаетъ безстрастно. Ты не можеши домыслитися, како въ тебѣ, созданнѣмъ тлѣннѣмъ естествѣ, безплотный умъ твой слово тебѣ рожаетъ безстрастно: какожъ тлѣненъ ты, хощеши тлѣнными мысльми безплотное нетлѣнное Божіе рожество слову Его живому испытати; но точію вѣровати подобаетъ, яко Богъ не безсловесенъ, но имать Свое слово Богъ. Слово же Бога живаго, по блаженному Его естеству, живо, составно, присносущно, нетлѣнно, безплотно, дѣйственно, рожено, а не сотворено. И въ нашемъ убо тлѣнномъ плотскомъ существѣ слово ума нашего не сотворяемо, но рожаемо безплотнымъ умомъ нашимъ; не имать бо умъ нашъ руку творити слово, безплотенъ сый, ниже требуетъ умъ нашъ женска полу на зачатіе словеси своему, и безъ зачатія умъ нашъ слово наше рожаетъ безъ мѣшканія и безъ предѣла; вкупѣ же и наше слово уму спребываетъ, и внезапу рожается слово наше отъ ума нашего".

Не посѣтуйте на меня за то, что я привожу вамъ эти разсужденія нашихъ древнихъ богослововъ, которые любятъ повторяться, какъ будто никогда недовольные словами своими для того, чтобы выразить всю полноту истины Бога Слова. Они здѣсь кстати пришлись къ вашей мысли. Есть въ нихъ чрезвычайно глубокія мысли, а въ языкѣ ихъ могъ бы быть зародышъ для языка нашей народной философіи.

Первой статьи вашей—письма къ Гоголю—оттиснуто у меня нѣсколько отдѣльныхъ экземпляровъ. Я хотѣлъ доставить ихъ вамъ, но какимъ путемъ, не знаю. Изъ письма вашего вижу, что вы и Москвитянина не получаете, а между тѣмъ Погодинъ заботился о томъ, чтобы къ вамъ пересылать его.

Какъ жаль, что и будущую зиму вы у насъ отнимаете и проведете ее не здѣсь. Холера, казалось, напротивъ должна бы васъ подвинуть къ намъ. У насъ, слава Богу, она уже миновала. Теперь очередь Германіи подвергнуться этому искушенію. Пріѣзжайте же къ намъ, въ мѣсто уже безопасное отъ болѣзни. Съ какимъ нетерпѣніемъ мы ждали того времени, когда вы у насъ поселитесь. Тогда бы около васъ ожила и Московская литература. Мы окружили бы васъ. Ваши бесѣды, ваше слово могли бы дѣйствовать и соединять, а того-то и недостаетъ. Къ тому же нравственная холера Запада еще опаснѣе и тревожнѣе физической; а когда соединятся обѣ, тогда будетъ еще хуже. Развѣ послѣдняя успокоитъ первую, напомнивъ людямъ о Провидѣніи.

Гоголя до сихъ поръ нѣтъ въ Москвѣ. Я жду его всякій день. До сихъ поръ онъ живетъ въ своей Полтавской деревнѣ. Былъ боленъ, но писалъ ко мнѣ по выздоровленіи и собирался все ѣхать. Кирѣевскіе оба въ деревнѣ. И. В. давно не писалъ ко мнѣ. П. В. наконецъ напечаталъ духовныя пѣсни или стихи Русскаго народа въ Чтеніяхъ историческаго общества, въ которыхъ будетъ посте-

пенно издано полное его собраніе пѣсенъ. Слышно также, что онъ окончилъ свое большое изслѣдованіе о древнѣйшемъ періодѣ Русской исторіи. Хомяковъ недавно напечаталъ въ Москвитянинѣ свое прекрасное письмо объ Англіи, которое возбудило много сочувствія. Теперь онъ въ деревнѣ, ждетъ пороши, а къ намъ уже прикатитъ тогда, когда выпадетъ снѣгъ глубокій, который самъ же онъ укатаетъ каткомъ своего изобрѣтенія.—Погодинъ сидитъ въ своемъ собраніи рукописей, которое надобно бы пріобрѣсти Москвѣ: это бы обезпечило и его самого, и его драгоцѣнную библіотеку.

Примите сердечную благодарность мою за участіе ваше во мнѣ. Я работаю по силамъ въ университетѣ и дома. Молодые люди есть съ прекрасными надеждами. Теперь я кладу на бумагу записки свои о поѣздкѣ въ сѣверную Россію, которую сдѣлалъ я прошлымъ лѣтомъ. Хочу издать ихъ. А потомъ примусь за продолженіе моего большаго труда. Сынъ мой старшій, 13 лѣтъ, готовится вступить въ гимназію. Дочь 4-хъ лѣтъ, сынъ 2-хъ и еще новый гость или гостья, скоро ожидаемый,—вотъ семья моя.

Московская литература дремлетъ, хотя и богата внутренними силами. Два Московскихъ Сборника представили много замѣчательнаго, но третій не вышелъ. Двойная Жизнь Павловой содержитъ много прекрасныхъ стихотвореній. У ней же готовы четыре разсказа въ стихахъ. Драма Аксакова: Освобожденная Москва, не возбудила никакого сочувствія, ни даже вниманія. Чтенія историческаго общества печатаютъ много драгоцѣнныхъ матеріаловъ и нѣсколько хорошихъ изслѣдованій по Русской и Славянской исторіи. Москвитянинъ теперь выходитъ точно и оживился въ нынѣшнемъ году. Жаль, что мало дружелюбнаго дѣйствія въ литераторахъ, особливо молодаго поколѣнія. Начало личности господствуетъ вездѣ. Разъединеніе въ понятіяхъ; если не смѣшеніе языковъ (впрочемъ и это бываетъ нерѣдко), то смѣшеніе въ мысляхъ. Вотъ вамъ отчетъ за нашу литературу. Онъ печаленъ. Между тѣмъ шумитъ тамъ журнальное торжище и распродаетъ всѣ Французскіе романы и новости въ дурныхъ переводахъ или подражаніяхъ.

Изъ молодыхъ поэтическихъ дарованій не знаю, остановилось ли вниманіе ваше на Бергѣ, который прекрасно перевелъ Краледворскую рукопись съ Чешскаго и нѣсколько Сербскихъ пѣсенъ. Онъ владѣетъ хорошо Русскимъ языкомъ, и стихъ у него выработанъ по образцамъ вашимъ и Пушкина. Въ немъ хранятся добрыя преданія Русской поэзіи. Я надѣялся представить его вамъ въ Москвѣ. Но когда же мы васъ здѣсь увидимъ? Неужели все только мечтать объ этомъ?

Какъ я любовался заграничнымъ Русскимъ шрифтомъ, который созданъ подъ вашимъ надзоромъ! Отчего же у насъ нѣтъ ничего подобнаго? Типографія нашего университета намѣрена совершенствоваться. Нельзя ли бы было принести ей пользу образцами вашихъ шрифтовъ? Нельзя ли бы отъ васъ выписать къ намъ фактора?

Позвольте мнѣ быть смѣлымъ съ вами и напомнить о послѣднихъ книжкахъ Москвитянина въ этомъ году и особенно о первой будущаго, которая ожидаетъ вашей благостыни.

Позвольте еще сдѣлать нескромный вопросъ: скоро ли обрадуютъ насъ всѣхъ Русская Одиссея и Шахъ-Намэ? Богъ да подастъ вамъ силъ бодрыхъ духа и тѣла для совершенія этихъ подвиговъ, которыми живетъ наша литература.

Фонъ-Визинъ князя Вяземскаго, хотя и давно написанный, былъ лучшимъ явленіемъ въ нынѣшнемъ году.

Примите чувства моего неизмѣннаго уваженія и душевной преданности.

С. Шевыревъ.

Августа 26 с. с.
1848 года.
Москва.

(Адресовано во Франкфуртъ на Майнѣ, получено Жуковскимъ въ Баденъ-Баденѣ).

2.

Милостивый государь Василій Андреевичъ!

Примите мою душевную благодарность за ваше письмо изъ Варшавы. Если мои статьи объ Одиссеѣ возбудили ваше сочувствіе, я награжденъ за нихъ. Съ какимъ нетерпѣніемъ я жду вашей второй части. Отчего же она такъ долго медлитъ? Ваша новорожденная дочка могла ли нуждаться передъ Россіей въ моей рекомендаціи? Я говорилъ объ ней по сердцу, и съ жадностью жду конца, чтобы довершить мое слово. 94 и 96 дней—это просто чудо! Я радуюсь за литературу Русскую, что такая жизнь кипитъ въ вашемъ трудѣ. Отъ Одиссеи недалеко до Иліады: у васъ же многое уже переведено. Конечно, настроеніе поэмы не то, но содержаніе Рустема не менѣе воинственно. Древній міръ вамъ открылся: черезъ вашъ стихъ его красота будетъ усвоена нашему слову. Еслибы вы намъ дали еще Русскій образецъ Греческой трагедіи Эсхила или Софокла! Вамъ все возможно и все доступно послѣ вашего подвига.

Просимъ васъ усерднѣйше украсить Москвитянинъ варіантами вашихъ поправокъ изъ второй части. Съ нетерпѣніемъ ихъ ждемъ. Желательно бы было, чтобы онѣ появились въ одно время со второю частью.

Обѣщаніе ваше подарить насъ всѣхъ свиданіемъ съ вами на слѣдующею весну очень, очень утѣшительно. Будемъ молить Бога чтобы сбылось оно. Присутствіе ваше здѣсь необходимо и для добра нашей литературы. Вы поддержали бы въ молодомъ поколѣніи дѣятелей, которые хранятъ красоту слова и остаются вѣрны вашимъ преданіямъ. Нельзя утаить, что большая часть молодаго поколѣнія идетъ не тою стезею. Это художники безъ идеала. Они сами отъ него отрекаются, полагая его въ дѣйствительности. Грустное, отчаянное самоубійство искусства—вотъ что видно въ нихъ! Не знаю, какъ мы спасемся отъ этой бѣды и выйдемъ на настоящій путь.

Всего болѣе огорчаетъ и поражаетъ меня ранняя гибель многихъ молодыхъ дарованій. Журнальная Сцилла и Харибда такъ скоро поглощаетъ ихъ и дѣлаетъ жертвами своего бумажнаго водоворота. Едва лишь появится молодой человѣкъ съ новою, свѣжею повѣстью, какъ въ туже минуту какой-нибудь журналистъ вербуетъ его въ поставщики повѣстей, и все кончено... Преданіе вашего стиха хранятъ немногіе. Я уже обращалъ вниманіе ваше на талантъ **. Ему нѣтъ ободренія. Его гнететъ бѣдность. Онъ—чиновникъ банка изъ тысячи рублей и живетъ уроками. Поддержать это дарованіе и ободрить было бы необходимо. Я просилъ объ немъ министра, надѣялся помощи отъ Академіи, но все понапрасну.

Всѣ тѣ, которымъ я передалъ поклонъ вашъ, благодарятъ васъ душевно.—Многихъ еще нѣтъ.

Отъ души желаю, чтобы Богъ оживлялъ долго и долго ваши силы, какъ оживляетъ ихъ теперь, для блага нашего слова.

Примите чувства моего неизмѣннаго къ вамъ уваженія и глубокой, душевной преданности.

С. Шевыревъ.

Москва, Сентября 17 1849 г.

(Адресовано: Baden-Baden, maison Kleinmann).

*

Письма эти напечатаны здѣсь съ подлинниковъ, сообщенныхъ въ Русскій Архивъ изъ родственной Жуковскому семьи. Они представляютъ собою случайные отрывки изъ обширной переписки Жуковскаго, которая со временемъ должна быть издана и которая займетъ собою нѣсколько книгъ: такъ разнообразны были сношенія этого вполнѣ историческаго лица. Изучая жизнь и труды его, приходишь къ убѣжденію, что печатными твореніями выразились далеко не всѣ стороны этой удивительно-богатой души. Какъ ни высока и ни свѣтла слава Жуковскаго-писателя, но еще выше и свѣтлѣе долженъ будетъ прославиться Жуковскій въ его общественномъ и общечеловѣческомъ достоинствѣ. *П. Б.*

СТУДЕНЧЕСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ [1])

1818—1822.

(Посвящается М. П. Погодину).

„Сей храмъ воздвигнутъ мною
„Въ красу тебѣ—Москва;
„Испытана судьбою
„Градовъ моихъ глава.
„На немъ моя десная
„И око почіетъ
„И вся его благая
„Души моей предметъ".

(У Мерзлякова, слова Александра I-го къ Москвѣ).

Исчерпавъ всю Рязанскую мудрость, простѣе сказать окончивъ ученье и въ приходскомъ, и въ уѣздномъ училищахъ, и въ гимназіи—я готовъ былъ къ давно желанной цѣли—университету, на 18-мъ году отъ рожденія [2]). На послѣднемъ гимназическомъ актѣ я произнесъ къ публикѣ благодарственную рѣчь на Нѣмецкомъ языкѣ и получилъ двѣ награды: рисунокъ и Святое Евангеліе. Въ аттестатѣ моемъ были означены успѣхи по всѣмъ предметамъ очень хорошіе, поведеніе названо отличнымъ.

Въ жаркіе іюльскіе дни 1818 года родители мои сами (да благословится слезою благодарности священная память ихъ) повезли меня въ Москву, единственно изъ нѣжной ко мнѣ привязанности: случаевъ, съ кѣмъ бы съѣхать, было довольно. Остановились мы въ Зарядьи. На другой же день батюшка въ парадномъ (красномъ) Екатерининскомъ мундирѣ повелъ меня въ университетъ, который временно помѣщался въ д. Яковлева (теперь купца Монахова), въ Долгоруковскомъ переулкѣ. Сердце сильно билось у меня, когда мы поднимались по небольшой лѣстницѣ. Батюшка просилъ написать прошеніе. Это выполнилъ Кондратьевъ, позднѣе секретарь правленія, котораго безъ сомнѣнія вы хорошо помните. Батюшка далъ ему полтинникъ. Онъ сказалъ намъ, чтобы мы подождали ректора. Черезъ какихъ нибудь пять-десять минутъ быстро входитъ этотъ незабвенный vir divinus, Иванъ Андреевичъ Геймъ. Благосклонно принявъ изъ рукъ батюшки прошеніе и взглянувъ на аттестатъ, онъ сказалъ: „сына вашего, по испытаніи, примемъ и замѣстимъ, какъ

---

[1]) За дозволеніе помѣстить эти Воспоминанія въ Русскомъ Архивѣ мы обязаны многоуважаемому Филипу Ларіоновичу Лялікову, бывшему инспектору Рязанской гимназіи, позднѣе занимавшему должность инспектора Одесскаго учебнаго округа, многопотрудившемуся въ дѣлѣ преподаванія и дѣтскаго воспитанія. Въ Русской литературѣ Ф. Л. Ляликовъ извѣстенъ книгою: „Галлерея Монтіоновскихъ премій". *П. Б.*

[2]) Собственно для связи, чтобъ подойти къ разсказу о бытѣ университетскомъ, говорю здѣсь нѣсколько словъ о себѣ и вступленіи моемъ въ университетъ.

только будетъ вакантное мѣсто, на казенное содержаніе" и, какъ бы угадывая батюшкину мысль, что трудно оставить сына въ большомъ городѣ у незнакомыхъ людей, прибавилъ: „вы можете возвратиться къ вашей должности (батюшка былъ въ то время смотрителемъ Рязанскихъ богоугодныхъ заведеній), а я прикажу его, до опредѣленія на казенное содержаніе, помѣстить здѣсь же". Сердце мое билось уже отъ радости. О, какъ твердо напечатлѣлся этотъ незабвенный моментъ въ памяти моей! Все помнится: и благородный видъ глубоко-ученаго старца, и его длинный синій сертукъ.

Родители мои пробыли на радостяхъ въ Москвѣ два дня, посѣщая со мною Кремлевскую святыню; а я съ батюшкою даже лазилъ на Ивановскую колокольню, при чемъ былъ особый казусъ: я нашелъ на лѣстницѣ, въ верху самомъ, голубиное яйцо. Матушка говорила потомъ, что это хорошее предзнаменованіе.

Ужъ не знаю почему, по слуху ли о вліятельныхъ лицахъ въ университетѣ или такъ изъ уваженія (чистаго, безъ побужденій: дѣйствительно то былъ вѣкъ уваженія), родители рѣшились сдѣлать визитъ со мною Н. Н. Сандунову и М. М. Снегиреву. Припомните, то было время сюрпризовъ и съ пустыми руками не ходили. Матушка запаслась полотенцами, хорошими, съ вышивками и кружевами. Пошли сначала къ Н. Н. Сандунову. Онъ принялъ насъ оригинально и по своему ласково. Матушка поднесла полдюжины полотенецъ. Благодарилъ. Понравился ли ему оригинальный костюмъ батюшки, или эти полотенцы, только Сандуновъ разъ пять писалъ обо мнѣ въ Рязань къ батюшкѣ, а когда онъ (батюшка) скончался и я уже былъ на службѣ въ Ревелѣ (куда сопровождала меня матушка) онъ нѣсколько писемъ писалъ ко мнѣ и въ одномъ письмѣ, въ концѣ, прибавляетъ: *а васъ, матушка Матрена Алексѣевна, я каждый день вспоминаю; вашими полотенцами утромъ глаза себѣ протираю.* Въ Ревелѣ случайно у одного старообрядца (тамъ было ихъ довольно, и богатыхъ) я увидалъ бородовой Петровскій знакъ (не тотъ, какой мнѣ прежде попадался и даже теперь у меня есть: съ четвертакъ, посеребрёный, круглый, съ скважинкою для шнурка, съ изображеніемъ усовъ и надписью: деньги взяты и годъ) четырехугольной формы, мѣдный, величиною съ старый пятакъ и съ надписью, на одной сторонѣ: *борода лишная тягота* (Славянскими буквами), и на другой: *деньги взяты* и годъ (помнится 1706 или 1707). Подобнаго экземпляра мнѣ еще видѣть не случалось ни прежде, ни послѣ. Зная охоту Сандунова до такихъ рѣдкостей, я ему этотъ знакъ переслалъ. Еще случилось мнѣ переслать ему же сказку объ ершѣ, писанную древнимъ почеркомъ на столбцѣ. Небольшія статейки объ этихъ рѣдкостяхъ помѣщены мною, позже, въ Телескопѣ, а бородовой знакъ даже съ рисункомъ. У него было ушко или колечко, безъ сомнѣнія для шнурка.

Другая полдюжина полотенецъ вручена была супругѣ М. М. Снегирева, которая насъ очень обласкала, какъ и онъ самъ. Домикъ ихъ былъ на Самотёкѣ, почти возлѣ митрополичья подворья.

Съ помѣщеніемъ моимъ въ домѣ Яковлева родители мои успокоились и, простившись со мной, приняли обратный путь. Въ довольно-просторной комнатѣ насъ было только четвёро. Надзоръ за нами имѣлъ (тутъ же помѣщавшійся) Петръ Иларіоновичъ Страховъ, послѣ, кажется, докторъ медицины. Недолго мы пожили тутъ: въ концѣ Сентября объявленъ былъ походъ въ отдѣланный главный корпусъ. Сначала помѣстили меня въ номеръ окнами на дворъ, гдѣ только еще начинали разсаживать деревья, что̀ нынѣ уже прекрасный садъ. Theatrum anatomicum отдѣлывался, и мы, бывало, смотримъ изъ окна, какъ знаменитый Лодеръ (пріѣзжавшій четверкою въ каретѣ, со звѣздою на груди) лазилъ по лѣстницѣ, чтобъ осмотрѣть поближе и исправить Латинскую на фронтонѣ надпись. Изъ любопытства мы нѣсколько разъ ходили на его лекціи. Помню надпись внутри по полукругу залы или аудиторіи: „*Руцѣ Твои сотвористе мя и создасте мя, научи мя заповѣдемъ Твоимъ*". А надъ каминомъ, за каѳедрой, тоже надпись: *Искупуйте время, яко дніе лукави суть*". При входѣ же, въ сѣняхъ, погречески: „*познай самого себя*". Въ больничномъ корпусѣ, гдѣ жили медицинскіе студенты (противъ нынѣшняго новаго университета и Никитскаго монастыря), по особому религіозному настроенію инспектора Матвѣя Яковлевича Мудрова, во всѣхъ коридорахъ на стѣнахъ были вылѣплены изъ алебастра кресты. Вотъ еще два случая своеобразной набожности Мудрова. Разъ мнѣ захотѣлось сходить ко всенощной къ Николѣ Явленному, лѣтомъ. При тишинѣ въ храмѣ, отворенныхъ дверяхъ и окнахъ, слышенъ былъ подъѣздъ экипажа. Входитъ Матвѣй Яковлевичъ, у свѣчнаго ящика покупаетъ большую свѣчу (такъ въ рубль или и болѣе) и самъ, протискиваясь между народомъ, ставитъ эту свѣчу предъ иконою въ главномъ иконостасѣ, дѣлаетъ два-три поклона въ землю и уѣзжаетъ. Другой случай. Я сдѣлался нездоровъ, впрочемъ легкою простудою, но К. М. Романовскій (субъинспекторъ) всё-таки совѣтовалъ мнѣ сходить къ Мудрову. Прихожу. Жилъ онъ въ своемъ домѣ за Пречистенскимъ бульваромъ, около Старо-Іерусалимскаго подворья (теперь ужъ этого мѣста я не узнаю̀). Прописалъ питье. Но что̀ меня особенно поразило, это—въ пріемной (гдѣ я нѣсколько минутъ, пока онъ вышелъ, дожидался) на стѣнѣ вывѣшенная таблица за стекломъ въ рамкѣ, съ оглавленіемъ, какимъ святымъ и отъ какой болѣзни должно служить молебны (это было напечатано или написано киноварью) и за-тѣмъ длинный рядъ названій болѣзней на одной половинѣ листа и исчисленіе святыхъ на другой. Что̀ бы сказали на это современные медики? Духовенство наше конечно противъ этого протестовать бы не стало.

Чтобъ покончить съ религіозностію Мудрова (вѣдь внутреннюю жизнь казенныхъ студентовъ сполна вы не могли знать), упомяну еще объ одномъ обстоятельствѣ. Мы обыкновенно говѣли на первой недѣлѣ великаго поста. Всенощную слушали въ большой столовой, во всегдашнемъ присутствіи Сандунова и обоихъ субъ-инспекторовъ. Хоръ былъ изъ своихъ; особенно этимъ распоряжался П. Ив. Знаменскій и В. Ег. Ивановъ, съ хорошими голосами. Они же часто

пѣвали въ церкви Коммерческаго Училища по приглашенію Т. Ал. Каменецкаго. Пріобщались мы Св. Таинъ въ Георгіевской церкви на Моховой. Представьте же себѣ (меня и теперь это удивляетъ): во всё время, довольно продолжительное, причащенія студентовъ (насъ было человѣкъ 40, да медицинскихъ втрое больше) пелену предъ подходящими къ потиру держали Сандуновъ и Мудровъ, какъ инспекторы. Мудровъ (такъ какъ онъ жилъ въ своемъ домѣ) пріѣхалъ нѣсколько позже и, когда снялъ съ себя шинель, мы увидали его въ мундирѣ. Это хорошо помнится. Вообще намъ часто повторяли — ходить къ службѣ въ свою приходскую (Георгія на Красной горкѣ) церковь; но всѣ постоянно ходили въ сосѣдній Никитскій монастырь или кучками куда нибудь вдаль, напримѣръ въ Донской, Новодѣвичій и проч. Кстати о дѣвичьихъ монастыряхъ: теперь видимый и тутъ прогрессъ. Напримѣръ въ сосѣднемъ Зачатіевскомъ монастырѣ видны уже три сторожа, которые караулятъ обитель; они же благовѣстятъ и звонятъ, а въ наше время въ Никитскомъ монастырѣ (колокольня была низенькая) мы всегда видѣли монашенокъ, сбѣгавшихъ съ лѣстницы послѣ звона или благовѣста, что конечно онѣ сами и исполняли. Сохранилось также въ памяти, что охотники изъ насъ хаживали по Воскресеньямъ къ обѣднѣ въ церковь *Богоявленія въ Елоховѣ* слушать проповѣдника, славившагося даромъ слова, и еще въ Андроньевъ монастырь (тамъ тоже хорошо говорилъ архимандритъ). Но именъ ни перваго, ни втораго не помню. Около церкви Богоявленія въ Елоховѣ бывала туча экипажей: съѣзжался кругъ высшій и богатый.

Теперь уже буду говорить собственно объ университетѣ и профессорахъ.

„Хвала тебѣ Елисавета,
„Въ царицахъ мудрая жена:
„Твоей рукой лампада свѣта
„Въ столицѣ древней вожжена!“

Только я долженъ оговориться: мнѣ ближе были профессора отдѣленія нравственно-политическихъ наукъ, по которому я и окончилъ курсъ, и аттестатъ получилъ за подписью ректора Антонскаго и декановъ Цвѣтаева, Мерзлякова, Мухина и Двигубскаго. По словесному же отдѣленію я слушалъ: Мерзлякова, Тимковскаго и проч., даже Ал. Вас. Болдырева (Еврейскія древности и Арабскій языкъ), также физику у Двигубскаго.

Сандуновъ. Оригинальный характеръ его вамъ извѣстенъ. Памятна его гороховая съ большимъ воротникомъ шуба, въ которой онъ зимою, сопровождаемый Болтинымъ, Юдинымъ и еще полдюжиною студентовъ, медленно двигался чрезъ подземелье къ круглой аудиторіи. Мы встрѣчали его съ трепетомъ, а мнѣ доставалось больше всѣхъ: мнѣ поручена была имъ прилегавшая къ круглой аудиторіи комнатка, въ которой хранились всѣ бумаги, относившіяся къ практическому судопроизводству, какъ то протоколы лекцій, сенатскія записки по рѣшеннымъ дѣламъ, которыя мы перерѣшали, ящикъ

съ билетиками для выборовъ на разныя должности (разумѣется титулярныя), списки студентовъ съ отмѣткою бывшихъ и небывшихъ на лекціяхъ, книги законовъ и тотъ знаменитый налой, который я заблаговременно ставилъ передъ каѳедрой и къ которому не безъ страха подходили читать свои мнѣнія по дѣламъ кандидаты и студенты. Тутъ была и немалая потѣха. Пословицы сыпались одна за другой. „Что это, батенька? перёдъ объяринный, а задъ крашенинный“; или: „борода выросла (у кого были замѣтны усики), а ума не вынесла“; или: „да дыши же, точно замшинное горло“; или: „гдѣ хвостъ начало, тамъ голова мочало“, и проч. и проч.; или „толкуй Фоку да Якова, а всё одинаково“. Но никогда не было замѣчено какого нибудь видимаго неудовольствія со стороны тѣхъ, къ кому обращались эти нравоучительныя сентенціи: такъ было патріархально; и мы, за эту остроту и удивительную въ его лѣта живость, любили его, а одобреніе высоко цѣнили и о каждомъ ласковомъ словѣ его цѣлыя недѣли толковали.

Въ характерѣ Н. Н. Сандунова была особенность: онъ боялся грозы и грома. Это случалось замѣтить нѣсколько разъ. Чуть начнется громъ, онъ уже берётъ свою шляпу и, не кончивъ лекціи, уходитъ. Разъ, лѣтомъ, случилось забавное. Сандуновъ, при вѣтрѣ, замѣтилъ раскрытую форточку. Позвали сторожа (помню прозвище, Колобовъ) закрыть. Сторожъ, вооруженный какимъ-то шестомъ (достать такъ не могъ, а лѣсенки вѣрно не было) началъ прилаживаться, чтобъ закрыть, но вмѣсто того хватилъ по стеклу, которое и разсыпалось. Оказалось, что онъ былъ на второмъ взводѣ. Общій хохотъ.

Въ родѣ помощника субъ-инспекторамъ, Щедритскому и Романовскому *), былъ урядникъ Карпъ Ѳедулычъ (фамилія его никому была невѣдома). Онъ вечеромъ, въ 9-ть часовъ съ фонаремъ , и утромъ въ 8-мь ежедневно, какъ нѣкій Діогенъ, обходилъ всѣ студенческія комнаты и если кто еще не вставалъ или вечеромъ уже спалъ, приподнималъ съ головы одѣяло. Бывали шалости: вмѣсто отсутствующихъ дѣлали изъ шинели подобіе фигуры человѣка и покрывали одѣяломъ. Послѣ каждаго такого осмотра онъ доносилъ лично Сандунову. Кого не было, тѣ требовались къ инспектору для объясненій.

Тотъ же урядникъ, на недѣлѣ разъ, а иногда два, приходилъ за мною съ позывомъ къ инспектору. Иногда я читалъ ему; въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ требовалъ мнѣнія; иногда диктовалъ мнѣ разныя дѣловыя бумаги. Было извѣстно, что онъ принималъ ходатайство по частнымъ дѣламъ. Однажды, пришедши къ нему по призыву, нашелъ я его въ библіотекѣ, въ которой старшая его дочь Софья Николаевна разбирала книги. Встрѣтивъ меня, онъ сказалъ: „вотъ пособи ей привести мои книги въ порядокъ“. Мы занимались этимъ разборомъ съ недѣлю. Въ одинъ день, послѣ этой

---

*) Щедритскій былъ магистръ, а о Романовскомъ шла между студентами молва, что написанную имъ на магистра диссертацію съѣли мыши.

переборки, Анна Васильевна (его супруга) сказала мнѣ: „теперь вы ужъ опоздали; останьтесь, пообѣдайте у насъ“. Сѣли за столъ. Кромѣ хозяевъ и двухъ дочерей (Софья была уже невѣста, а вторая еще крошка) подлѣ меня былъ какой-то гость въ родѣ пріѣзжаго помѣщика, молодой, можетъ быть женихъ Софьи. Она, какъ послѣ я узналъ, вышла за какого-то Тамбовскаго помѣщика. Вздумалось за столомъ Аннѣ Васильевнѣ, указывая на бутылку съ краснымъ виномъ, меня поподчивать, но тутъ послышались громовыя слова Н. Н-ча: „Что ты его подчуешь, вѣдь онъ пьётъ запоемъ“. Конечно это шутка, и я тогда, кромѣ меду, ничего пить не могъ; но я просто сгорѣлъ отъ стыда, въ присутствіи еще дамъ.

Во всѣ четыре года я одинъ только разъ ѣздилъ на вакацію для свиданія съ матушкою въ Рязань, а прочія оставался въ Москвѣ. Сандуновъ въ эти разы (самъ уѣзжалъ куда-то) оставлялъ мнѣ работу, которой я въ то время понять не могъ, да и теперь не понимаю. Призвавъ къ себѣ, онъ далъ мнѣ четыре тома Дѣяній Петра Великаго Голикова, и четыре же тома Дополненій къ этимъ Дѣяніямъ того же автора и сказалъ, чтобы болѣе важныя статьи (а ихъ нашлось довольно) я сократилъ и по возвращеніи его ему доставилъ. Я исполнялъ порученіе съ усердіемъ и переписавъ поднесъ ему. Хотя отчасти понятно, что занятіе полезное и могло развивать и мысль, и слогъ, но думаю главное — усадить дома и отнять возможность рыскать по стогнамъ обширной столицы.

Чтобы покончить съ круглою аудиторіей, надобно сказать, что она была обсерваціоннымъ пунктомъ для зѣвакъ по вечерамъ. Дѣло идётъ о театрѣ. Тамъ, гдѣ теперь алтарь университетской церкви, была театральная гардеробная и когда начинался съѣздъ артистокъ, артистовъ и кордебалета (въ огромныхъ каретахъ, какихъ теперь уже не видать), можно было изъ оконъ (гдѣ теперь утверждены часы) видѣть всю эту разукрашенную суматоху: окна или вовсе не занавѣшивались, или занавѣшивались плохо. Въ бенефисы, какой-то невѣдомый театральный посланецъ раздавалъ намъ нѣсколько даровыхъ билетовъ, разумѣется въ раёкъ, съ словами: „хлопайте, господа, больше“. Близость театра подавала возможность, у кого были деньги, посѣщать лучшіе спектакли. Всё помнится: и Эдипъ въ Аѳинахъ (Семенова) и Димитрій Донской, и Поликсена, и Русалка, и Коварство и Любовь (Мочаловъ) etc. Въ антрактахъ мы успѣвали сбѣгать поужинать. Въ нумеръ къ намъ обыкновенно подавали два экземпляра Московскихъ Вѣдомостей, которыя мы передавали изъ комнаты въ комнату. Черезъ какой нибудь часъ газеты дѣлались пестрыми: просторъ критическому взгляду на вчерашній спектакль, разнымъ прибауткамъ и шуткамъ; есть гдѣ было разгуляться карандашу. Разумѣется, номеровъ и слѣда не оставалось: они обречены были на уничтоженіе. Да, вспомнилъ: они еще годились, какъ вы думаете на что? Никакъ не угадаете. Нѣкоторые изъ студентовъ попивали. Бывало П. Ив. Знаменскій (былъ лѣтъ подъ 30-ть) и В. Егор. Ивановъ ищутъ, не осталось ли

гдѣ газетъ; а дѣло идетъ къ Сандуновской лекціи, выходъ къ неизбѣжному налою и часто близкій съ нимъ разговоръ, а это не шутка: запахъ измѣнитъ и доложитъ о вчерашней пирушкѣ. Вотъ они и жевали эту газетную бумагу, конечно въ томъ убѣжденіи, какъ и сами увѣряли, что этимъ процессомъ онъ уничтожится. Ни прежде, ни послѣ о такомъ средствѣ мнѣ никогда слышать не случалось: Господь умудряетъ слѣпцы. Знаменскій, изъ духовнаго званія, былъ уже съ бородою, которую бывало начнётъ брить и ропщетъ на это, говоря: „зачѣмъ пошёлъ я въ университетъ? Толи дѣло—былъ бы теперь протопопомъ съ окладистой бородой, а теперь на что похожъ! Всѣ хохочутъ". Впрочемъ сердца былъ добраго и нрава тихаго.

Цвѣтаевъ, Левъ Алексѣевичъ — противуположность Сандунову, тихій, кроткій. Мы всѣ его любили. Лекціи его были вечеромъ и бывало придётъ онъ пѣшкомъ отъ Сухаревой башни, лѣтомъ въ пыли, съ простою вязовою палкой. Сторожа были, но мы сами бросались къ нему помочь раздѣться или провожая пособить надѣть верхнее платье. Теперь бы сказали, что это неприлично; но гдѣ любовь связываетъ учителя съ ученикомъ, тамъ всякая услуга и вниманіе приличны.

Слава Богу на небѣ.... слава,
И нашему добродушному вѣку слава!

Когда было напечатано изданное имъ Римское Гражданское Право, онъ мнѣ сказалъ: „Г. Ляликовъ, я пришлю вамъ 200 экземпл. моей книги; помѣстите ихъ въ той комнаткѣ, которая подлѣ аудиторіи, и продавайте желающимъ студентамъ". Книги были присланы такъ просто, въ листахъ. Цѣны экземпляру теперь уже не припомню, но кажется четыре двугривенныхъ. Ихъ разобрали скоро. И вотъ я (признаюсь, это довѣріе или порученіе отъ любимой особы было мнѣ лестно), завязавши всѣ эти двугривенные въ платокъ (чтобъ вымѣнить ихъ на ассигнаціи у меня и мысли не было, а я ихъ сберегалъ, какъ получалъ), иду съ этою ношею въ домъ Льва Алексѣевича почти рядомъ съ церковью Николы въ Грачахъ или Драчахъ, вхожу по знакомой уже крутой лѣстницѣ (простой, некрашеной) въ мезонинъ, гдѣ былъ его кабинетъ. „Очень благодаренъ вамъ, высыпьте всё это вотъ тутъ". (Безъ всякой при мнѣ повѣрки). Я откланиваюсь и ухожу. Это повторялось не одинъ разъ, и книги вновь тоже присылаемы были сотнями.

Такъ, просто по добротѣ сердца или во вниманіи къ этой маленькой услугѣ, Левъ Алексѣевичъ доставилъ мнѣ двѣ (какъ въ то время говорили) кондиціи: одну у виннаго пристава Фокина, другую у какого-то иностранца (обучалась дочь), жившаго въ саду графа Тормазова, гдѣ-то за каретнымъ рядомъ (теперь я этого мѣста уже не узнаю).

Такимъ образомъ, получая студенческаго жалованья по 10 р. ассигн. въ мѣсяцъ, да съ двухъ кондицій, не помню сколько, при готовой квартирѣ и столѣ, я ни въ чёмъ не нуждался. Изъ дому родительскаго тоже изрѣдка присылали пять-десять рублей. Батюш-

ка, по должности смотрителя богоугоднаго заведенія, получалъ жалованья 150 р. ассигн. въ годъ. Я просто могъ считать себя богатымъ человѣкомъ. Дѣйствительно, какое свѣтлое воспоминаніе о нашей незабвенной alma mater, объ этомъ дорогомъ времени! Ни одной непріятной черты не помню я во все время жизни въ университетѣ; даже прислуга была усердная и хорошая. И теперь не могу я равнодушно пройти мимо славнаго нашего святилища и всегда пользуюсь случаемъ черезъ подземелье пройти въ тотъ садикъ, теперь уже большой садъ, который на глазахъ нашихъ только еще начинался. Въ 1828 или 1829 году Левъ Алексѣевичъ пріѣхалъ визитаторомъ въ Рязанскую гимназію, гдѣ я уже былъ учителемъ Исторіи и Географіи. Онъ меня обласкалъ и послѣ ревизіи посѣтилъ (на что всѣ смотрѣли съ удивленіемъ, такъ какъ я былъ моложе всѣхъ моихъ товарищей). Предложенъ чай. Я передъ его пріѣздомъ только что женился и представилъ ему свою молодую жену. „Что, сударыня, не обижаетъ ли васъ вашъ молодой мужъ?“ спросилъ онъ жену съ своею добрѣйшею улыбкою. Невидно ли и тутъ, увы теперь неслышныхъ, отношеній отца къ сыну и обратно, которыми нѣкогда руководилось наше образованіе и воспитаніе? Дорогаго визитатора мы проводили далёко за заставу. Въ послѣдній разъ я видѣлъ Льва Алексѣевича уже въ грустной обстановкѣ (въ 1830 или 1831 году). Поѣхалъ я съ покойною женою моей на богомолье къ Троицѣ-Сергію. Въ Москвѣ пробыли мы дня два. Я вздумалъ поклониться любимому профессору. Прихожу въ знакомый мнѣ домъ. Только изъ передней я отворилъ дверь, какъ увидѣлъ въ залѣ, въ углу на кровати, подъ одѣяломъ, лежащаго больнаго Льва Алексѣевича. „Вотъ, г. Ляликовъ, я нездоровъ и очень нездоровъ“. Я посидѣлъ, но слеза уже пробивалась въ глазахъ. Съ этой минуты я не имѣлъ случая болѣе видѣть этого добраго, благороднаго человѣка.

Иванъ Андреевичъ Геймъ. Святая память! Знаніе, доброта, простота, доступность. Я хорошо помню (жили близко, отдѣлялись только коридоромъ), какъ онъ, за недѣлю, много двѣ, до кончины, медленно переступая съ палкою, пришёлъ на лекцію, какъ положилъ палочку у подножія каѳедры и, превозмогая себя, съ трудомъ, взволнованнымъ голосомъ, прочёлъ лекцію. Это была лебединая пѣснь. Полагаю, вы твердо помните это. — Я былъ въ восторгѣ получивъ отъ него только что изданную Всеобщую Географію. Къ этому присоединю смѣшное. Студентъ Непышневскій какъ-то выучился подражать кашлю его и, бывало, проходя по коридорамъ, волновалъ этою шуткою мирный бытъ студенческій. Всѣ бывало встревожатся: ректоръ, ректоръ, а иной догонитъ Непышневскаго и дастъ ему колотушку: значитъ не пугай по пустому. Говорили тогда (за вѣрность поручиться нельзя), будто Иванъ Андреевичъ узналъ объ этомъ и, позвавъ Непышневскаго, сказалъ: „ну, г. Непышневскій, какъ вы меня представляете?“ и такъ далѣе.

Рогаля-Левицкій. Священникъ отъ Покрова въ Лёвшинѣ, на каѳедрѣ богословія, благообразный и кроткій, объяснялъ пріятно, но

былъ подверженъ запою. Уже по пріѣздѣ сюда изъ Одессы, я, бывши у Покрова въ Левшинѣ у обѣдни, замѣтилъ въ глубокой старости дьячка и спросилъ его о священникѣ Левицкомъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что былъ дьячкомъ и при немъ, что Левицкій не могъ отстать отъ своей гибельной страсти и скончался еще въ молодыхъ лѣтахъ.

Мерзляковъ. Лицё знаменитое, симпатичное, доброе. Бывало не увидишь, какъ пролетитъ лекція. Но непостижимо, такой человѣкъ не могъ побѣдить въ себѣ страсти къ вину. Мы, живя въ одномъ домѣ, много знали объ этомъ. Хаживалъ къ намъ жившій у него нахлѣбникомъ студентъ Новгородскій и разсказывалъ о немъ: покойный Алексѣй Ѳедоровичъ нерѣдко бывалъ въ гостяхъ у Варгина, тогдашняго богача и подрядчика и тутъ-то начало болѣзни: дня три надо оправляться. Бывало, придешь въ аудиторію, дежурный кандидатъ говоритъ, что лекціи по болѣзни Алексѣя Ѳедоровича не будетъ. Мы знали, какая это болѣзнь; но такова сила таланта и Богомъ даннаго дара слова: послѣ этого всѣмъ извѣстнаго пробѣла, является на каѳедрѣ Мерзляковъ; встрѣча самая симпатичная, какъ будто ничего не бывало, тишина невозмутимая, и запѣлъ соловей! Всё забыто, и всѣ говорятъ, что Мерзляковъ краса университета. Кто теперь прочтётъ такую вдохновенную лекцію и такимъ языкомъ, съ такимъ чувствомъ, о родномъ словѣ? Я помню, раза два или болѣе бывалъ у него на лекціяхъ Ив. Ив. Дмитріевъ и однажды съ какимъ-то пріѣзжимъ архіереемъ. Къ нему же на лекцію (или къ Черепанову) въ 1819 или 1820 году, вошли, въ сопровожденіи ректора Гейма, путешественники-квакеры (двое), въ сѣрыхъ шляпахъ и длинныхъ песочнаго цвѣта камзолахъ, въ чулкахъ и башмакахъ. Разумѣется, наше большинство не вѣдало, что квакеры ни предъ кѣмъ и нигдѣ шляпъ не снимаютъ, и потому всѣ смотрѣли съ изумленіемъ на людей въ шляпахъ въ комнатѣ и предъ такою высокою особой, какимъ мы считали нашего глубоко-учёнаго ректора. Послѣ я гдѣ-то читалъ, что эти квакеры были проѣздомъ въ Москвѣ и пробирались въ отдаленные края Сибири. Въ заключеніе этой мелочной замѣтки нужно два слова сказать или прибавить. Разъ при входѣ Мерзлякова въ аудиторію раздались хлопушки. Мы съ изумленіемъ переглядываемся. Замѣтно, Алексѣй Ѳедоровичъ разгорячился, покраснѣлъ и крикнулъ: „Господа, кто это?... въ солдаты!“ Черезъ минуту все утихло, и лекція кончилась благополучно. Ни прежде, ни послѣ ничего подобнаго этой кѣмъ-то сдѣланной глупости не случалось. Еще наивность. Для составленія моего аттестата я собиралъ объ успѣхахъ отзывы у профессоровъ. Прихожу и къ Мерзлякову. Вхожу въ залъ. Алексѣй Ѳедоровичъ въ синемъ китайчатомъ халатѣ сидитъ на подоконникѣ босикомъ, свѣсивъ ноги. Я объяснился и получилъ желаемое.

Брянцевъ. Каѳедра философіи. И въ то время рѣдкость, а теперь едвали можно сыскать подобное лицо. Наивенъ какъ дитя. Вѣдь теперь никто не повѣритъ: онъ насъ называлъ часто не по фамиліямъ, а по именамъ: Павелъ, Филиппъ, Максимъ etc.

Маловъ, Михаилъ Яковлевичъ, былъ страдающимъ у Цвѣтаева адъюнктомъ. И внѣшняя фигура, и какія-то неподходящія ужимки—всё отталкивало отъ него, и онъ вовсе не пользовался хоть какимъ нибудь расположеніемъ своихъ слушателей. Не разъ случалось (и я былъ при томъ на лекціи), что его встрѣчали шиканьемъ, свистками. Другой бы не вынесъ, просто оставилъ службу; но онъ все держался. Уже не знаю долго ли онъ оставался въ университетѣ.

Смирновъ, адъюнктъ Сандунова, человѣкъ простой и даже слишкомъ. Бывало на лекціи раздается съ парнасса голосъ, маскированный въ вопросъ серьёзный, „С. Ал.: что̀ больше или старше, уѣздный судъ или гражданская палата?“—С. А. отвѣчаетъ: „помилуйте, какъ вы этого не знаете, ещё у васъ дядюшка сенаторъ!“ Общій смѣхъ, да и самъ Сандуновъ надъ нимъ подсмѣивался, конечно въ частной бесѣдѣ.

Въ 1820 году мы задумали въ средѣ своей основать общество литературное, т. е. читать заготовляемыя сочиненія и разбирать ихъ критически. Нашлось съ десятокъ охотниковъ, въ томъ числѣ и я. Для нашихъ засѣданій предложилъ просторную свою квартиру И. В. Титовъ близъ церкви Николы въ Голутвинѣ, за Москвой-рѣкой. Мы сходились раза три; потомъ слышимъ, что квартальный съ буточниками за нами наблюдаетъ, а дальше и хозяинъ дома объявляетъ Титову, что онъ держать его въ своемъ домѣ, если не прекратятся сборища, не можетъ. Нечего дѣлать, надо было бросить. Такимъ образомъ самое невинное, чистое дѣло погасло не отъ бѣса полуденнаго, а отъ неотёсаннаго алгвазилы.

Въ означенный выше періодъ времени всегда мы сами ходили въ почтамтъ за полученіемъ писемъ. Такимъ образомъ, получивъ однажды въ почтамтѣ письмо отъ матушки и прочитавъ его тамъ же, я былъ пораженъ великою горестью: матушка увѣдомляла меня о кончинѣ батюшки. Я считался только кандидатомъ на казенное содержаніе, но опредѣлёнъ еще не былъ. Заливаясь слезами, я пошёлъ домой въ университетъ и, подходя къ Кузнецкому мосту, надумалъ зайти къ попечителю князю А. П. Оболенскому и попросить его объ ускореніи моимъ опредѣленіемъ. Надобно замѣтить, что я не только у него никогда не былъ, но даже и не имѣлъ случая видѣть. Прихожу въ домъ княжескій на Рожественкѣ (теперь, увы въ нёмъ табачная фабрика), докладываютъ. Я объясняю князю мое затруднительное положеніе по неимѣнію средствъ къ содержанію себя въ университетѣ. Князь обнадежилъ меня, что мое опредѣленіе будетъ ускорено, и дѣйствительно черезъ три-четыре недѣли я поступилъ на полное казенное содержаніе.

Большое удовольствіе доставляли намъ засѣданія, бывшія близко отъ насъ въ залѣ Благороднаго Пансіона. Библейскія бывали рѣдко, но по словесности довольно часто. Тутъ имѣли мы случай слушать Мерзлякова, Давыдова, и часто читалъ басни и мелкія стихотворенія В. Л. Пушкинъ, уже въ лѣтахъ, но съ жаромъ и пылкостію юноши; кажется также и Шатровъ.

Разъ, объ масляницѣ, въ той же большой залѣ воспитанники пансіона и частію университетскіе съиграли нѣсколько піесъ и весьма удачно. Публики было множество. Затѣвали-было и у насъ (Сандуновъ былъ любитель театра, и съ его стороны помѣхи бы не было), но не сладилось, и мѣстомъ дѣйствія избрали Воспитательный Домъ, въ которомъ и разыграно было нѣсколько комедій и водевилей, въ разное время. Участіе въ этомъ принимали и питомцы Воспитательнаго Дома и наши, наприм. Кантемировъ, Кошкаровъ-Логиневскій. Они тоже изъ воспитанниковъ Восп. Дома, но поступили въ университетъ и послѣ окончанія въ немъ курса долго служили въ Опекунскомъ Совѣтѣ.

Въ означенный выше періодъ времени (1818 — 1822), съ честію мы отдали послѣдній долгъ: 1) Ив. Ан-чу Гейму, котораго гробъ несли студенты до самой Лютеранской церкви; помню, пасторомъ было сказано очень хорошее надгробное слово; 2) М. М. Снегиреву (предано тѣло землѣ на Лазаревскомъ кладбищѣ; 3) Р. Ѳ. Тимковскому и 4) А. М. Брянцеву. Какъ-то, уже по возвращеніи изъ Одессы, вздумалъ я осмотрѣть Армянское кладбище и потомъ прошёлъ на Ваганьковское. Тутъ, разсматривая памятники, случайно напалъ на могилу А. В. Болдырева, къ которому мы, слушавшіе его, были привязаны за его ласку и привѣтливое обращеніе. Такъ какъ Арабскій лексиконъ былъ у него единственный экземпляръ (а можетъ быть тогда, за исключеніемъ большихъ публичныхъ библіотекъ, и единственный во всей Москвѣ), то нерѣдко я ходилъ къ нему на квартиру списывать слова. Онъ жилъ гдѣ-то, помнится за Смоленскимъ бульваромъ. Всѣ знавшіе его искренно были огорчены печальнымъ для него окончаніемъ дѣла по извѣстному и громкому въ свое время напечатанію Чадаевской статьи въ журналѣ Н. И. Надеждина.

Въ этотъ же періодъ времени печальный случай встревожилъ университетъ. Жившій въ кандидатскихъ комнатахъ главнаго корпуса магистръ математическихъ наукъ Бугровъ застрѣлился. Мы знали, что его отправляли съ ученою цѣлью за границу, и все было приготовлено къ его отпуску. Раскрыта ли была причина этого случая, мнѣ осталось неизвѣстнымъ. Бугрова всѣ хвалили и говорили, что онъ имѣлъ обширныя свѣдѣнія.

Семья казенныхъ студентовъ и бывшихъ на благотворительныхъ коштахъ была небольшая, всего около 40 человѣкъ, принадлежавшихъ къ тремъ факультетамъ: юридическому, словесному и математическому. Студенты медицинскаго съ нами не имѣли ничего общаго и помѣщались, подъ ближайшимъ наблюденіемъ В. М. Котельницкаго, въ особомъ корпусѣ, ближайшемъ къ Никитскому монастырю.

Мы помѣщены были очень просторно, четверо въ комнатѣ, и снабжены желѣзными кроватями и кажется одѣялами — и только. Всё остальное, что́ относится къ постели, также одёжа, бѣлье, обувь—запасали сами. Также купили сами маленькіе столики и комодцы. Бѣлье мыли жены сторожей и за такую плату, которая въ настоящую минуту покажется басНословно дешевою (за сорочку

2 коп., платокъ, платенце 1 к., всё ассигнац.). Чищеніе сапогъ шло отъ сторожей (каждый коридоръ имѣлъ 3-хъ, 5-хъ служителей). За это платилось имъ по нѣскольку копѣекъ въ мѣсяцъ. Жалованья мы получали по 10 руб. ассигн. въ мѣсяцъ и пять или шесть свѣчей въ недѣлю, что было весьма достаточно; ихъ разносилъ тотъ же посланникъ Юпитера (Сандунова) Карпъ Ѳедулычъ и клалъ каждому на его столикъ. По извѣстному въ то время, грозному изрѣченію Сандунова: „*самоваръ инструментъ трактирный и въ школѣ не годится*", на этотъ инструментъ наложено было veto, и потому нѣкоторые имѣли мѣдные чайнички и такимъ образомъ утѣшались чаепитіемъ. Другіе убѣгали для этого дѣла въ трактиры Цареградскій (въ Охотномъ ряду) и Знаменскій (недалеко отъ нынѣшней Казенной Палаты). Въ этихъ свѣтлыхъ заведеніяхъ (теперь ужъ и слѣдовъ ихъ нѣтъ) нѣкоторые изъ студентовъ были постоянными завсегдателями. Бывало такъ: половой подалъ чай, чрезъ нѣсколько секундъ ложечка стучитъ, половой вбѣгаетъ. Ему говорятъ: „подай еще горячей воды"; онъ схватываетъ чайникъ, въ которомъ еще много воды (и не вода нужна) и приноситъ тотъ же чайникъ будто съ водою, но въ немъ aqua vitae. Видно, тогда кондиціи трактирныхъ заведеній не дозволяли торговать драгоцѣнной влагой, и хозяева боялись соглядатаевъ, которые безъ сомнѣнія вездѣ были.

Въ праздничные дни нѣкоторые ходили въ дальніе монастыри къ обѣднѣ: Донской, Симоновъ, Новодѣвичій, и по церквамъ: къ Клименту, Всѣхъ Скорбящихъ, Мартыну Исповѣднику, Никитѣ Мученику въ Басманной и друг.; особенно, когда узнавали, что будутъ пѣть хорошіе пѣвчіе. Не пропускали и такъ называемыхъ монастырскихъ гуляній по ихъ храмовымъ праздникамъ. Разъ, помню, втроемъ наняли мы лодку у Москворѣцкаго моста (6 Авг.) и поплыли къ Новоспасскому монастырю. Плавали также къ Воробьевымъ горамъ, лакомились молокомъ и малиной въ Марьиной рощѣ и въ Останкинѣ, гдѣ осматривали богатый дворецъ знатнаго боярина. Я помню, кромѣ картинъ, великолѣпную мраморную статую Екатерины II-ой. Цѣла ли она и гдѣ теперь? Такъ разнообразили мы тихую студенческую жизнь. Но надо сказать слова два и о пѣніи, которое доставляло немалое удовольствіе. Были любители и съ хорошими голосами: Знаменскій, Ивановъ, Персіаниновъ и проч. и проч. Хоръ составлялся большой. Приходили и медики, и всегда Гульковскій. Бывало, въ лѣтніе жары, всѣ окна открыты, и гулъ несётся далёко. Кто нибудь скажетъ: „господа, надо закрыть окна, очень громко; услышитъ ректоръ". Кромѣ торжественной Gaudeamus igitur распѣвалась любимая въ то время пѣсня:

„Сей конь, кого и вихрь въ поляхъ не обгонялъ,
„Онъ спитъ, на зыбкій одръ песковъ пустынныхъ палъ".

Съ припѣвомъ: „Ахъ, Зара, какъ серна, стыдлива была,
„Какъ юная пальма долины цвѣла", etc.

Или Мерзлякова: „Среди долины ровныя"...

Москва. 14 Октября 1875.

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Г-НА БРИКНЕРА О ДНЕВНИКѢ ХРАПОВИЦКАГО.

Господинъ профессоръ императорскаго Дерптскаго университета Брикнеръ (Brückner), въ журналѣ, издаваемомъ въ С. Петербургѣ, подъ заглавіемъ Russische Revue (Русское Обозрѣніе) и имѣющемъ цѣлью знакомить Западную Европу съ трудами Русскихъ ученыхъ, помѣстилъ въ нынѣшнемъ году (тетрадь 9-я) статью подъ заглавіемъ *Zur Charakteristik der Kaiserin Katharina II* (Къ характеристикѣ императрицы Екатерины II). Осмьнадцать страницъ послѣсловія этой статьи посвящены нападкамъ на меня, какъ на издателя автографическаго Дневника Храповицкаго. Можно вообразить, какъ удивится Европейскій читатель, когда увидитъ, что ученый профессоръ, вопреки данному имъ заглавію, занимается въ этомъ послѣсловіи не характеристикою великой государыни, а уничиженіемъ, во что бы то ни стало, моего труда, дающаго такой обильный источникъ именно для характеристики Екатерины II-ой. Мы не увлечемся примѣромъ ученаго профессора и прямо приступимъ къ дѣлу.—За трудъ изданія Дневника Храповицкаго Русскіе ученые, гг. Безсоновъ *) и Брикнеръ, нашли необходимымъ почтить меня самой ожесточенной бранью. Можно подумать, что я совершилъ какое нибудь преступленіе, заслуживающее презрѣнія и кары. По истинѣ, странное положеніе! Само собою разумѣется, что я никогда бы не позволилъ себѣ отвѣчать этимъ ученымъ, еслибы дѣло только шло о моей личности; но эти господа силятся заподозрить въ подлинности текстъ *подлинной* рукописи Храповицкаго, которую князь П. А. Вяземскій благосклонно довѣрилъ мнѣ издать. Г-да Безсоновъ и Брикнеръ требуютъ отъ меня, чтобы я сличалъ автографъ съ позднѣйшими копіями съ него и тамъ, гдѣ они находятъ въ изданной мною рукописи различіе отъ прежнихъ изданій, происходящее отъ недосмотра переписчиковъ, они это различіе относятъ къ моему невѣжеству.

Не ограничиваясь моею личностью, г. Брикнеръ позволилъ себѣ самыя оскорбительныя и въ высшей степени несправедливыя выходки противъ заслуженнаго ученаго Д. В. Полѣнова, и поэтому я считаю своимъ непремѣннымъ долгомъ здѣсь заявить, что совѣтами и *„руководствомъ“* Д. В. Полѣнова, я пользовался *только* при изданіи *текста* Дневника; въ составленіи же Объяснительнаго Указателя, онъ не только не принималъ участія, но даже не одобрялъ ни плана, ни исполненія его; а потому если и есть какіе либо промахи и ошибки въ Указателѣ, я при-

---

*) Озлобленіе противъ меня г. Безсоновъ перенесъ и въ свою книгу: Нашъ Вѣкъ (1874), изданную имъ на счетъ Общества Любителей Россійской Словесности. Но вотъ что любопытно: на оборотѣ 1-го листа этой книги, г. Безсоновъ напечаталъ слѣдующее предостереженіе: „Повторяется по прежнему просьба и предупрежденіе не перепечатывать“; а самъ, Богъ знаетъ для чего, перепечаталъ почти весь Дневникъ Храповицкаго, сначала изданіе Г. Н. Геннади, а съ 306 стр. мое. И при этомъ сдѣлалъ забавное примѣчаніе: „Мнѣніе наше о семъ трудѣ (моемъ изданіи) *предложено литературѣ* (sic) въ Московск. Вѣдом. № 77, 1874. Текстъ у г. Геннади представляется намъ понятнѣе и во всякомъ случаѣ пріобрѣтаетъ *смыслъ изъ нашихъ толкованій*“ (sic). Забавное самообольщеніе! Какъ будто Дневникъ Храповицкаго не имѣлъ смысла до толкованій г. Безсонова.

нимаю ихъ на свою личную отвѣтственность. Само собою разумѣется, что совѣты и руководство Д. В. Полѣнова не дѣлаютъ его нисколько отвѣтственнымъ за могущіе встрѣтиться недосмотры и въ самомъ текстѣ Дневника, такъ какъ на заглавномъ листѣ изданія стоитъ мое имя, а не г. Полѣнова. Такимъ образомъ я рѣшительно не могу понять, зачѣмъ г. Брикнеру понадобилось припутать имя извѣстнаго ученаго къ моему скромному имени.

Г. Брикнеръ начинаетъ свои обвиненія съ того, что я не опредѣлилъ отношенія издаваемой мною *подлинной* рукописи къ прежнимъ изданіямъ Дневника Храповицкаго. Считаю нужнымъ поставить ему на видъ, что первый издатель, Свиньинъ, пользовался *подлинною рукописью* и тою самою, которая потомъ перешла ко мнѣ. Въ доказательство тому приведемъ свидѣтельство племянника Храповицкаго, Н. В. Сушкова, который пишетъ: „Храповицкій велъ краткія и непрерывныя записки. Многія изъ нихъ *я* напечаталъ въ Отечественныхъ Запискахъ (Свиньина) 1821—1828 г. Этотъ „важный источникъ для исторіи того времени поднесенъ Государю Наслѣднику (нынѣ благословенно царствующему Государю Императору) роднымъ братомъ моимъ П. В. Сушковымъ, отцомъ графини Ростопчиной. Съ „рукописи этой (въ двухъ частяхъ) *много взято списковъ*" (Раутъ 1854, кн. III, 131). Дальнѣйшая судьба этой рукописи извѣстна изъ моего Предисловія (VII, VIII). Что́ же касается до списковъ, которыми пользовался Г. Н. Геннади, то они суть копіи съ нашей рукописи; о нихъ упоминаетъ выше Н. В. Сушковъ (см. также §§ 3 и 10). Въ виду приведенныхъ доказательствъ, разсужденіе г. профессора (стр. 190—206) представляется не ведущимъ къ дѣлу. Въ отвѣтѣ своемъ г. Безсонову я принужденъ былъ напомнить ему основное правило, обязательное для каждаго издателя письменныхъ памятниковъ: *критическое отношеніе къ печатаемому тексту имѣетъ мѣсто только въ тѣхъ случаяхъ, когда подлинникъ утраченъ и текстъ возстановляется издателемъ съ помощью нѣсколькихъ списковъ, представляющихъ разнорѣчія.* Но г. г. Безсоновъ и Брикнеръ учатъ, что автографъ слѣдуетъ повѣрять съ позднѣйшими его копіями.

Далѣе, приступая къ разбору изданнаго мною Дневника, г. Брикнеръ говоритъ: „Укажемъ на нѣкоторыя *очевидныя ошибки*, которыя находятся „во 2-мъ изданіи (т. е. Геннадіевскомъ), ошибки сильно порицаемыя (scharf „gerügt) г. Полѣновымъ *) и все-таки повторяющіяся въ 3-мъ изданіи „Дневника (т. е. въ моемъ) безъ малѣйшаго даже намека *на очевидно болѣе правильное чтеніе 1-го изданія*". По счастію, я имѣю еще въ рукахъ *подлинную рукопись* Храповицкаго и, такимъ образомъ, не лишенъ возможности по крайней мѣрѣ въ двадцатый разъ провѣрить себя. Какія же это „*очевидныя ошибки*", указываемыя ученымъ профессоромъ?

1) Храповицкій записалъ, что Екатерина, говоря о глупости и тиранствѣ Крымскаго хана Шагинъ-Гирея, замѣтила: его „два раза *подкрѣпляли*" (подъ 8 Апр. 1787). Такъ стоитъ въ подлинникѣ и такъ напечатано у Геннади и у меня; но г. Брикнеръ заподозриваетъ правильность чтенія послѣдняго слова на томъ основаніи, что Д. В. Полѣновъ, разбирая изданіе Геннади и основываясь на чтеніи Свиньина, находилъ тогда, что „*подкупали*" вѣрнѣе, чѣмъ „*подкрѣпляли*". Замѣтимъ здѣсь разъ навсегда, что г. Полѣновъ, писавшій свой разборъ въ 1867 году, не имѣлъ подъ рукою *подлинной рукописи* Дневника, а потому принужденъ былъ провѣрять текстъ Геннадіевскаго изданія съ текстомъ Свиньина, такъ какъ послѣд-

*) Объ изданіи Памятныхъ Записокъ А. В. Храповицкаго (Р. Архивъ 1867 № 5. 6).

ній издавалъ дневникъ по подлинной рукописи. Теперь же, имѣя предъ глазами эту подлинную рукопись, повторяемъ, что у Геннади и у меня слово *„подкрѣпляли“* прочитано согласно съ подлинникомъ. Да и слово *„подкрѣпляли“* имѣетъ здѣсь ясный и опредѣленный смыслъ, совершенно согласный съ ходомъ дѣла: Екатерина могла хана подкрѣплять, но ей не было никакой надобности его подкупать.

2) 5 Ноября 1788 г. Екатерина имѣла выходъ именно *„изъ бриліантовой“* (какъ, согласно съ подлинникомъ, напечатано у Геннади и у меня), а не изъ *„биліардной“* комнаты, какъ полагаетъ г. Брикнеръ (стр. 201). Я напечаталъ, какъ написано въ *подлинникѣ*: *„бриліантовой“*. Теперь же, въ поясненіе ученому рецензенту, считаю полезнымъ сказать, что въ царскихъ чертогахъ *бриліантовыми* комнатами называются тѣ, гдѣ хранятся бриліанты, но разумѣется не комнаты будто сдѣланныя изъ бриліантовъ; а потому ученый рецензентъ напрасно беретъ подъ свою защиту совершенно ненужное исправленіе текста. Впрочемъ, еслибы въ *подлинникѣ* стояла *биліардная* комната, то я не увлекся бы никакими личными соображеніями, чтобы поддерживать гадательное чтеніе, хотя бы мнѣ и мерещились, отчего Боже упаси, бриліанты или другія цѣнности. Въ числѣ внутреннихъ комнатъ Зимняго дворца, занимаемыхъ Екатериною, была именно *бриліантовая*, о которой упоминаетъ и преемникъ Храповицкаго А. М. Грибовскій (Записки, изд. 1864, стр. 23 и 24). Комната эта находилась за тронной, недалеко отъ уборной и спальной (стр. 24 и 51). Черезъ нея императрица выходила въ церковь. Комнаты шли въ такомъ порядкѣ: 1) уборная, 2) бриліантовая 3) тронная, 4) кавалерская. Понятна вполнѣ и замѣтка Храповицкаго подъ 5 Ноября 1788 года: „Ив. Перф. Елагину сказано привѣтствіе при выходѣ изъ *бриліантовой*, и было съ нимъ изъясненіе въ кавалерской комнатѣ“. Въ бриліантовой хранились государственныя регаліи (Георги, Описаніе Петербурга, стр. 76).

3) Подъ *7 Сентября 1787 г.* у Храповицкаго записано: „Подписанъ ма-„нифестъ о войнѣ съ Турками; *напечатанъ 9-го числа*“. Слѣдующая запись идетъ *11-го числа*. Геннади и я это мѣсто напечатали совершенно *согласно* съ подлинникомъ. Замѣтимъ кстати: это мѣсто служитъ однимъ изъ сильныхъ доказательствъ, что Геннадіевскіе списки были сняты съ нашего подлинника. Свиньинъ же, находя въ этомъ мѣстѣ кажущуюся несообразность, *передѣлалъ* его такимъ образомъ: *„9 Сентября.* Подписанъ „манифестъ о войнѣ 7-го, а сегодня напечатанъ“; а г. Полѣновъ по этому поводу замѣтилъ: *„Не видавъ* подлинныхъ записокъ, трудно сказать „положительно, который текстъ вѣрнѣе“. Но теперь, имѣя предъ глазами подлинникъ, можно сказать положительно, что у Геннади и у меня это мѣсто напечатано какъ въ подлинникѣ; соображенія же г. Брикнера (стр. 201) лишаются всякаго основанія.

4) Подъ 16 Іюнемъ 1788 г. записано: „Рѣшились *остановить* на время адмирала Грейга“. Разбирая это мѣсто, г. Брикнеръ (стр. 201) приводитъ опять предположеніе г. Полѣнова, который находилъ, согласно Свиньину, *„оставить“* вѣрнѣе, чѣмъ *„остановить“*. Не входя въ оцѣнку сомнительнаго исправленія Свиньина, я долженъ подтвердить, что въ подлинникѣ записано *„остановить“*. Самъ же г. профессоръ въ своей книгѣ „Война Россіи съ Швеціей въ 1788—1790“ (1869), приводя это мѣсто изъ Храповицкаго, пишетъ: „Грейгъ *остановился* при Ревелѣ“ (стр. 90).

5) У Храповицкаго (подъ 30 Маемъ 1786 г.) записано: „Князь Потемкинъ... хотя *дастъ щелчка*, однакоже самъ первый станетъ просить за „своего недруга“... Здѣсь г. Брикнеръ вздумалъ насъ учить Русскому языку. Онъ находитъ, что *дастъ щелчки* правильнѣе, чѣмъ *дастъ щелчка*

(стр. 201). Конечно, Русскій писатель Храповицкій не могъ иначе написать, какъ у меня напечатано. У Геннади же это мѣсто напечатано ошибочно противъ подлинника: *даетъ щелчка*, чтó и дало поводъ г. Полѣнову его поправить: *даетъ щелчки*.

6) Подстрочное примѣчаніе въ текстѣ къ „Герцогу Курляндскому", на стр. 12, принадлежитъ Д. В. Полѣнову, а равно и примѣчаніе на стр. 48 принадлежитъ ему же.

7) Слова императрицы Екатерины, приводимыя Храповицкимъ, мы не отмѣчали кавычками потому, что кавычекъ нѣтъ въ подлинникѣ.

8) Подъ 7 Августомъ 1790 года въ подлинникѣ стоитъ: „Читали при мнѣ „шуточный отвѣтъ au prince de Ligne, гдѣ на счетъ *Кор. Пр.* (короля „Прусскаго) сказано, что въ походѣ употребляетъ 100 cheveau pour son „bagage et plusieurs chariots avec la troupe des comédiens; дожилъ до „40-ка лѣтъ, pour être mené par un parvenu" *). Можетъ ли тутъ быть хоть малѣйшее сомнѣніе въ томъ, что рѣчь идетъ о королѣ Прусскомъ Фридрихѣ Вильгельмѣ? Но отъ того, что Геннади ошибочно напечаталъ: на счетъ *князя Потемкина*", г. профессоръ пускается въ глубокомысленныя разсужденія и въ концѣ концовъ приходитъ къ заключенію, что въ этомъ мѣстѣ рѣчь идетъ дѣйствительно о *королѣ Прусскомъ*, а не о *Потемкинѣ*. Поздравляемъ г. профессора съ этимъ открытіемъ.

9) Подъ 25 Мартомъ 1788 г. записано: „Поздравленъ съ праздникомъ.— Читано продолженіе приготовляемаго торжества *Потачкинымъ* **). Сказано, что, проходя всѣ сцены, были ими довольны". Д. В. Полѣновъ, разбирая это мѣсто Геннадіевскаго текста, выразилъ удивленіе: „какъ забрался въ „текстъ *Потачкинъ*?" Удивленіе же Полѣнова произошло отъ того, что Свиньинъ *Потачкина* передѣлалъ въ *Потемкина*. У Геннади же и у меня это мѣсто напечатано согласно съ подлинникомъ. Стало быть профессоръ, сообщающій Западной Европѣ характеристику Екатерины, не знакóмъ съ литературною дѣятельностью императрицы, дѣятельностью, которая, какъ всѣмъ извѣстно, занимала такое видное мѣсто въ ея жизни.

10) Банкиръ *Туртонъ*, упоминаемый подъ 30 Мартомъ 1788 г., у Геннади и у меня напечатанъ *ошибочно: Пуртонъ*. Но эта ошибка, встрѣтившаяся у Геннади и повторявшаяся у меня, служитъ опять доказательствомъ тому, что Геннадіевскіе списки сдѣланы съ нашего подлинника: ибо въ немъ *Туртонъ* такъ написанъ, что его легко принять за *Пуртонъ*.

11) Подъ 28 Ноября 1788 г. записано: Екатерина думала, „что приближающаяся кончина кор. Англ. и посланныя en clair письма къ *Нессельроду* (Русскій посланникъ въ Берлинѣ) заставятъ подумать *К. Пр.* (короля Прусскаго)". Опять повторимъ: можно ли здѣсь хоть на минуту сомнѣваться въ томъ, что рѣчь идетъ о *королѣ Прусскомъ*, а не о *кн. Прозоровскомъ*, какъ ошибочно напечаталъ Геннади?

12) Подъ 29 Дек. 1788 г.: „Подалъ письмо полков. Бенкендорфа съ приказаніемъ *его в-а* (высочества)", т. е. в. к. Павла Петровича. Напечатано у меня *вѣрно;* а у Геннади ошибочно: *ея величества*.

13) Въ изданіи Геннади, подъ 12 Сент. 1790 г., напечатано: „Знаешь, что „Шведскій король хочетъ начать мирное торжество наказаніемъ *И. Е.*, и

---

*) Разумѣется королевскій фаворитъ Бишофсвердеръ. *П. Б.*

**) *Потачкинъ*, дѣйствующее лицо комедіи „Недоразумѣніе", „учитель, педантъ, „ласкатель, лицемѣръ" (Сочин. Имп. Екатерины II Изд. Смирдина 1849 г. стр. 59—165).

„еще четверыхъ?“... Словоохотливый профессоръ раскрываетъ эти начальныя буквы слѣдующимъ образомъ: *Н* (jägerhorn. Егергорнъ) и *E* (Enehjelm); но въ нашемъ текстѣ совершенно вѣрно съ подлинникомъ напечатано: „Знаешь ли, что кор. Шв. хочетъ тѣмъ начать мирное тор„жество, чтобъ отсѣчь головы *Hacslesko*, *Otter* и еще четверыхъ“. Неужели познаніе исторіи, которымъ такъ кичится г. профессоръ, приводить только къ такимъ невѣрнымъ и пустымъ догадкамъ!

14) Подъ 20 Апрѣля 1788 года у Храповицкаго записано: „Разбирая „внутреннюю почту, довольны были, что скоро придетъ *Солпинской* кара„ванъ съ хлѣбомъ“. Такъ напечатано у меня и совершенно согласно съ подлинникомъ. Господинъ же Дерптскій профессоръ Русской Исторіи (кажется, тоже и Статистики) одобряетъ Геннади за то, что у него напечатано не *Солпинскій* караванъ съ хлѣбомъ“ а „*Колпинскій*“, потому-де, что онъ, г. Брикнеръ, знаетъ мѣстечко Колпино, а мѣстечка Солпино не знаетъ (haben wir mehr Zutrauen an der Lesart bei Hrn Gennadi „*Kol*„*пинскій*“, weil *uns* ein Ort „*Ssolpino*“ nicht bekannt ist, wohl aber ein „Ort *Kolpino*“, стр. 206). Изумительно, что профессоръ Статистики ищетъ *Солпина* въ *Колпинѣ*.

Не трудно по созвучію сказать, что *Солпино* должно быть *Колпино*. Какъ же профессору Русской Исторіи и Статистики не пришло въ голову вопроса: почему императрица Екатерина, „разбирая *внутреннюю почту*“, была довольна, „что скоро придетъ *Солпинской* караванъ съ хлѣбомъ?“

Попытаемся разрѣшить этотъ вопросъ. Извѣстно, что 1787 годъ былъ неурожайный и что это обстоятельство заботило имп. Екатерину. Указомъ отъ 23 Сентября того же года (П. С. Зак. № 16578) было подтверждено о вольной и повсемѣстной торговли хлѣбомъ, указомъ же 27 Сент. 1787 (№ 16581) — о невоспрещеніи вывоза хлѣба изъ одной губерніи въ другую; а 11 Мая 1788 (№ 16665) было подтверждено, именно вслѣдствіе неурожая 1787 года, представить обстоятельныя донощенія императрицѣ и Сенату объ урожаѣ хлѣба въ губерніяхъ не позже Ноября мѣсяца. Что же касается до Солпинскаго каравана съ хлѣбомъ, то г. профессоръ Статистики долженъ былъ бы знать, что *Солпы* или *Солпа* есть деревня Тверской губерніи, Вышневолоцкаго уѣзда, на берегу рѣки Мсты, гдѣ находится пристань, откуда отправляется до 100 судовъ съ мукою овсомъ и пр.; а близъ этой пристани находится извѣстный *Солпинскій* порогъ. Нева въ 1788 году вскрылась 9 Апрѣля; а Мста вскрывается нѣсколько ранѣе; а потому 20 Апрѣля императрица могла получить свѣдѣніе, что хлѣбный караванъ тронулся въ путь изъ Солпы къ Петербургу. О томъ же, чтобы когда либо приходили караваны съ хлѣбомъ изъ *Колпина*, я увѣренъ никто отродясь не слыхивалъ.

15) Подъ 5 Сент. 1790 г. у Храповицкаго записано: „*чмкнл* *) (чмокнули), услыша отъ меня, что гр. Ив. Петр. Салтыковъ ждетъ въ уборной“. Такъ означено въ *подлинной рукописи* Дневника и такъ напечатано въ моемъ изданіи. Геннади ошибочно напечаталъ „*Смолкнули*“, услыша отъ меня, что гр. Ив. Петр. Салтыковъ и пр.; а г. профессоръ говоритъ: „дѣло ясное, что чтеніе Геннади (т. е. *смолкнули*) вѣрнѣе, и мы, продолжаетъ профессоръ, будемъ и впредь придерживаться этого чтенія“. Прошу же выслушать: Храповицкій въ своихъ сокращеніяхъ опускалъ гласныя буквы. Въ оригиналѣ стоитъ *чмкнл*; имѣя въ виду вышеуказанное правило автора Дневника, я чрезъ прибавленіе гласныхъ возстановилъ то слово: *чмок-*

---

*) А не *чмкня*, какъ напечатано въ статьѣ г. Брикнера.

нули. Желательно знать мотивы, на которыхъ основывается твердое намѣреніе профессора придерживаться такого слова, котораго нѣтъ въ подлинникѣ.

16) Подъ 11 Іюня 1789 года говорится о банкротѣ Лудвигѣ. Г. Брикнеръ увѣряетъ, что тутъ слово банкротъ не имѣетъ никакого смысла и обвиняетъ меня въ томъ, что я до такой степени невѣжественъ, что даже не понимаю различія между словами: банкиръ и банкротъ (стр. 213). Въ подлинной рукописи стоитъ *банкротъ*, и слово это имѣетъ здѣсь ясный и опредѣленный смыслъ: „Вице-канцлеръ", повѣствуетъ Храповицкій, „подалъ проектъ *банкрота* Лудвига о компаніи для чистки судоходныхъ „рѣкъ". Ему отказали въ этомъ, и Екатерина съ жаромъ говорила Храповицкому: „peut on donner dans le panneau? Et voilà une tête qu'on „croit homme d'état!" Совершенно недоумѣваемъ, на основаніи какихъ *ученыхъ* соображеній г. Брикнеръ дошелъ до убѣжденія, что здѣсь слово *банкротъ* не имѣетъ смысла.

17) Напечатанныя мною, согласно подлиннику, слова императрицы: „*C'est des grands enfans*, qu'il faut mettre à la raison, sans leur dire des „grossièretés" (подъ 24 Янв. 1789), ученый рецензентъ исправляетъ такимъ образомъ: „Ce sont *des* grands enfants"... Не говоря уже о безполезности исправленія оборота совершенно принятаго въ разговорномъ языкѣ, я позволю себѣ замѣтить, что чтеніе предлагаемое г. Брикнеромъ едва ли правильно. Если уже дѣлать поправку, впрочемъ безполезную, не правильнѣе ли было бы сказать: „Ce sont *de* grands enfants"?.. (стр. 214).

Въ заключеніе, приходится мнѣ повторить опять тоже, что̀ мною сказано по поводу подобнаго же разбора моего изданія, *„предложеннаго литературѣ"* г. Безсоновымъ: какая можетъ быть цѣль подобныхъ нападокъ, такъ какъ объ *ученой* цѣли тутъ конечно не можетъ быть и рѣчи? И что̀ извлечетъ изъ подобныхъ критикъ будущій четвертый издатель сего драгоцѣннаго историческаго памятника, издатель, о которомъ они оба, г. г. Безсоновъ и Брикнеръ, такъ мечтаютъ? Въ разборѣ своемъ г. Брикнеръ блистательно проявилъ тѣ качества, которыя замѣчены и поставлены на видъ ученому міру представителемъ *Германской* науки, историкомъ Германомъ въ его: „I. G. Vockerodt und der Professor für Russische Geschichte zu Dorpat A. Brückner. Eine Entgegnung von E. Hermann". Вотъ эти качества: *„самонадѣянность, пустое многословіе, превратное примѣ„неніе основныхъ законовъ исторической критики, легкомысліе, ничтожные „и ложные критическіе пріемы, навязчивость своихъ пустыхъ исправленій, „мнимая точность, мелочность и полнѣйшее неумѣніе отличать главное „отъ второстепеннаго"*. Извѣстный Каро, упоминая гдѣ-то (кажется въ Іенскомъ Literaturzeitung) о выходкахъ или „вылазкахъ" того же Дерптскаго профессора Брикнера противъ историка Германа, даетъ весьма поучительный совѣтъ: что въ воробьевъ не слѣдуетъ стрѣлять изъ пушекъ. Этого мудраго совѣта мы и будемъ впередъ держаться.

Николай Барсуковъ.

27 Сентября 1875 года.
С. Петербургъ.

ИЗЪ РУКОПИСЕЙ КОЛЬЦОВА.

Письмо къ Бѣлинскому.

Въ бумагахъ покойнаго Юрія Никитича Бартенева (перешедшихъ по завѣщанію къ его другу Алексѣю Зиновьевичу Зиновьеву, коему мы обязаны особенною признательностью за доставленіе ихъ въ Русскій Архивъ) нашлось нѣсколько листковъ, писанныхъ Кольцовымъ и содержащихъ въ себѣ семь его стихотвореній, посланныхъ имъ Бѣлинскому, при нижеслѣдующемъ письмѣ. Стихотворенія представляютъ нѣкоторыя разнорѣчія сравнительно съ изданнымъ ихъ текстомъ; поэтому мы ихъ приводимъ вполнѣ по самой рукописи, означая при заглавіи, на какой именно страницѣ общеизвѣстныхъ стихотвореній Кольцова (изданія 1856 года) могутъ найти ихъ любители подобныхъ сличеній. *П. Б.*

*

„Грусть дѣвушки“, шестой куплетъ я отчеркнулъ; онъ кажется мнѣ лишнимъ; если и вы найдете тоже, то его вонъ, и тогда уже будетъ надо въ послѣднемъ куплетѣ вмѣсто: „нѣтъ не въ радости“ поставить: „ахъ не къ радости“. Эдакъ будетъ она полнѣе.—„Жалобу“ я посвятилъ вамъ потому, что въ ней много сказано отъ души и про васъ и про меня. Въ этой сторонѣ нашего житія у меня съ вами много схожаго. Конечно, если напечатать ее въ журналѣ, то посвященіе можно будетъ замарать. Я вовсе не думалъ посвятить вамъ печатно, а лишь положить ее на ваше чувство. „Шекспиръ, дума *)“: если хороша, то мнѣ бы весьма хотѣлось ее напечатать съ посвященіемъ князю Вяземскому, и объ этомъ я у него спрашивалъ; онъ съ охотой согласился.—„Ночь“: эта пѣсня пахнетъ какою-то Русскою балладой. Пожалуй, если я не ошибаюсь, то поставьте и баллада. И тоже, если она вамъ понравится, то напечатайте съ посвященіемъ князю Одоевскому. Согласіе и отъ него тоже взято.—„Поминки“: названіе не хорошо. Какъ хотите, такъ и назовите. Въ ней я сначала чертовски хвалю всю нашу братію, но все таки въ ней чистая правда. А о Станкевичѣ конечно надо бы говорить больше, но я этого сдѣлать не съумѣлъ. По крайней мѣрѣ я сдѣлалъ что̀ могъ и сказалъ какъ съумѣлъ, другіе пусть скажутъ лучше. Но у меня спала тяжесть съ души, а то все укоряла меня его безвременная смерть. И эта прекрасная, чистая душа какъ будто говорила все мнѣ на ухо: „схоронили, позабыли“.—„Ночь и пѣсня: много есть у меня“ страшно понравились Рабусу. Послѣднюю онъ тотчасъ же перевелъ понѣмецки.

Каково, Виссаріонъ Григорьевичъ, нежданно-недуманно я написалъ какую пропасть; и еще, кажется, напишу и что̀ выйдетъ, прямо къ вамъ. Мое маранье теперь исключительно дѣлается больше для однихъ васъ; такъ ужъ у меня давно рѣшено. Я писалъ вамъ

---

*) Напечатано въ Стихотвореніяхъ Кольцова подъ заглавіемъ Поэтъ, но безъ посвященія князю П. А. Вяземскому, которому Кольцовъ былъ много обязанъ въ своихъ житейскихъ дѣлахъ (см. статью Бѣлинскаго въ предисловіи къ Стихотвореніямъ Кольцова и письма сего послѣдняго къ князю Вяземскому въ Р. Архивѣ 1868, стр. 458). *П. Б.*

о вашемъ братѣ, но забылъ еще сказать одно слово. Если вы захотѣли бы его взять къ себѣ въ Питеръ, то я этого дѣлать не совѣтую, по крайней мѣрѣ до экзамена. Да и онъ самъ ѣхать не хочетъ; сегодня я съ нимъ говорилъ объ этомъ. Осталось время немного. Доживетъ и здѣсь. Аксаковъ [1]) далъ ему переводить повѣсть изъ Гофмана для Москвитянина и сказалъ, если она не напечатается въ немъ, то тогда отошлетъ въ Записки. Я ему растолковалъ, что̀ это значитъ. Еще разъ прощайте, милый мой Виссаріонъ Григорьевичъ. Вашъ Кольцовъ.

ГРУСТЬ ДѢВУШКИ.

(Стр. 147).

От̀ъ чего, скажи,
Мой любимый серпъ,
Почернѣлъ ты весь—
Что̀ коса моя?

Иль обрызганъ ты,
Въ скукѣ-горести,
По милу дружку,
Слезой дѣвичьей?..

Въ широ̀кихъ степяхъ
Дона тихаго,
Зелѐна трава
Давно скошена....

На селѣ косцы
Давно женятся;
Одного лишь нѣтъ—
Ясна сокола!...

Иль онъ бросилъ домъ,
Разлюбилъ меня
И не придетъ ужъ
Къ своей дѣвицѣ?...

Ахъ, не птица тамъ
Въ небѣ плаваетъ:
То печальный слухъ
Объ немъ носится.

Не къ добру жъ тоска
Давитъ бѣлу грудь;
Ахъ, не къ радости
Плакать хочется....

Москва. 1840 года 10 Декабря.

ШАКСПИРЪ.

ДУМА.

Посвящаю

князю Петру Андреевичу Вяземскому.

(Стр. 182).

Въ душѣ человѣка
Возникаютъ мысли,
Какъ въ дали туманной
Небесныя звѣзды....

Міръ есть—тайна Бога,
Богъ есть—тайна жизни.
Цѣлая природа [2])
Въ душѣ человѣка.

Проникнуты чувствомъ,
Согрѣты любовью,
Изъ нея всѣ силы
Въ образахъ выходятъ....

Гражданинъ-художникъ,
Создаетъ картину—
Великую драму,
Исторію царства.

Въ нихъ духъ вѣчной жизни,
Самъ себя сознавши,
Въ видахъ безконечныхъ,
Себя проявляетъ

И живетъ столѣтья,
Умъ нашъ поражая,
Надъ бездушной смертью
Вѣчно торжествуя...

Дивныя созданья [3])
Мысли всемогущей!
Весь міръ передъ вами
Со мной исчезаетъ!...

Москва. 1840 года 7 Декабря.

---

[1]) Константинъ Сергѣевичъ. *П. Б.*

[2]) Или: Онъ и природа.

[3]) Вѣчныя явленья.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

(Стр. 233).

Гдѣ вы, дни мои,
Дни весенніе,
Ночи лѣтнія,
Благодатныя?

Гдѣ ты, жизнь моя,
Радость милая?
Пылкой юности
Заря красная!

Съ какой гордостью,
Я смотрѣлъ тогда
На туманную
Даль волшебную!

Тамъ свѣтился свѣтъ
Голубыхъ очей;
Тамъ мечтамъ моимъ
Конца не было....

Но, среди весны,
Въ цвѣтѣ юности
Я сгубилъ твою
Душу чистую...

Безъ тебя одинъ
Я съ тоской гляжу,
Какъ ночная тьма,
Покрываетъ день.

Москва. 1840 года 3 Декабря.

ЖАЛОБА.

(Стр. 146).

Посвящается.

Виссаріону Григорьевичу Бѣлинскому

Жизнь! Зачѣмъ ты собой
Обольщаешь меня?...
Почти вѣкъ я прожилъ,
Никого не любя.

Въ душѣ страсти огонь
Разгорался не разъ,
Но въ безплодной тоскѣ
Онъ сгорѣлъ и погасъ.

Моя юность цвѣла
Подъ туманомъ густымъ;
И что́ ждало меня
Я не видѣлъ за нимъ.

Только тѣшилась мной
Злая вѣдьма-судьба,
Только силу мою
Сокрушила борьба.

Только зимней порой
Меня холодъ знобилъ;
Только волосъ сѣдой
Мои кудри развилъ.

Да румянецъ съ лица,
Печаль рано сожгла;
Да морщины на немъ
Ядомъ слезъ провела.

Жизнь! Зачѣмъ ты собой
Обольщаешь меня?...
Еслибъ силы Богъ далъ,
Я разбилъ бы тебя!...

Москва. 1840 года 9 Декабря.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

(Стр. 145).

Много есть у меня
Теремовъ и садовъ,
И раздольныхъ полей,
И дремучихъ лѣсовъ.

Много есть у меня
Деревень и людей,
И знакомыхъ бояръ,
И надежныхъ друзей.

Много есть у меня
Жемчуговъ и мѣховъ,
Драгоцѣнныхъ одеждъ,
Разноцвѣтныхъ ковровъ.

Много есть у меня
Для пировъ—серебра,
Для бесѣды—рѣчей,
Для веселья—вина.

Но я знаю, на что
Травъ волшебныхъ ищу;
Но я знаю, о чемъ
Самъ съ собою грущу.

Москва. 1840 года 8 Декабря.

НОЧЬ.

(Стр. 148).

Посвящаю

князю Владиміру Ѳедоровичу Одоевскому.

Не смотря въ лицо,
Она пѣла мнѣ,

Какъ ревнивый мужъ
Билъ жену свою.

А въ окно луна
Тихо свѣтъ лила,
Сладострастныхъ сновъ
Была ночь полна!

Лишь зеленый садъ
Подъ горой чернѣлъ;
Мрачный образъ къ намъ
Изъ него глядѣлъ.

Улыбаясь онъ
Зубъ о зубъ стучалъ;
Жгучей искрою
Его глазъ сверкалъ.

Вотъ онъ къ намъ идетъ,
Словно дубъ большой....
И тотъ призракъ былъ
Ея мужъ лихой....

По костямъ моимъ,
Пробѣжалъ морозъ;
Самъ не знаю, какъ
Къ полу я приросъ.

Но лишь только онъ
Рукой за дверь взялъ:
Я схватился съ нимъ—
И онъ мертвый палъ.

Чтожъ ты, милая,
Вся какъ листъ дрожишь?
Съ дѣтскимъ ужасомъ
На него глядишь?

Ужъ не будетъ онъ
Караулить насъ;
Не придетъ теперь
Въ полуночный часъ.

„Ахъ, не то чтобъ я....
„Умъ мѣшается....
„Все два мужа мнѣ
„Представляются....

„На полу одинъ,
„Весь въ крови лежитъ;
„А другой, смотри,
„Вонъ въ саду стоитъ“.

Далѣе слѣдуетъ стихотвореніе „Поминки, Николаю Владиміровичу Станкевичу“, съ помѣтою: „Москва, 12 Декабря 1840“; но какъ въ этомъ стихотвореніи нѣтъ разнорѣчій съ общеизвѣстнымъ текстомъ, то оно и не приводится здѣсь. *П. Б.*

ЖАЛОБА КРЕСТЬЯНЪ ТАМБОВСКАГО НАМѢСТНИЧЕСТВА

(СПАСКОЙ ОКРУГИ СЕЛА БОКОВА).

Всемилостивая наша Государыня-матушка Екатерина Алексѣевна! Бьемъ челомъ и плачемся тебѣ, наша матушка, бѣдные твои крестьяне Танбовскаго намѣстничества: до конца разорили насъ бѣдныхъ. Самъ Христосъ и Пречистая Богородица тому свидѣтели, что исправники насъ грабятъ и разорили до конца, а жаловаться намъ бѣднымъ, кромѣ тебя, матушка всемилостивая Государыня, негдѣ. Økономъ-дирехторъ Антонъ Михайловичъ Оничковъ, то-то воръ-отъ, разоряетъ насъ, какъ хочетъ; а совѣтникъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Савостьяновъ (о ужъ на притчу поискать такова вора!) давно насъ разорялъ; а нынче, какъ съѣздилъ въ Питеръ, то и пуще сталъ разорять: вездѣ у него по городамъ поставлены судьями родня, воры и грабители; онъ и жена топерича только и говорятъ, что у нихъ братъ родной у внучка твоего, матушка, коман-

динаромъ, которой всѣмъ большимъ барямъ съ руки. Да и въ Сенатѣ-то какой-то большой человѣкъ, Иванъ Онаньичъ, ему другъ и пріятель. Они-то, говоритъ онъ, да какой-то Аркада Ивановичь *) изо дна моря его вытащатъ, и нигдѣ суда на него не дадутъ. А губернаторъ у насъ, матушка, такой плохой, какого оборони Господи вездѣ. Да старой воевода у насъ Охлебининъ, да прокуроръ Хвощинской то-то воры; да и вицъ-губернаторъ всѣмъ кампанейщикамъ **) велитъ разорять насъ. Всѣ баря у насъ вино сидятъ, да продаютъ. Всемилостивая наша матушка, тебѣ покажется, что облыгаемъ тебя; прикажи тихонько къ намъ съѣздить, да хорошенько поразнюхать Миколаю Васильичу Левонтьеву, да Василью Петровичу Баляснову: вотъ, матушка наша, всемилостивая Государыня, добрые бояра-то у тебя, не какъ другіе, которые тебя обманываютъ. Прикажитко, наша матушка, поѣздить имъ по городамъ и по селамъ и на Кутлинской твой заводъ: узнаешь, всемилостивая наша матушка, что мы правду тебѣ пишемъ. Пропали мы бѣдные! Прикажи, матушка наша, смѣнить у насъ всѣхъ воровъ въ Танбовѣ; пожалуй намъ, матушка наша, всемилостивая Государыня, губернаторомъ Миколая Васильевича Левонтьева, а въ økономы и дирехторы Василья-то Петровича; не дай розориться въ конецъ, помилуй насъ бѣдныхъ христіянъ твоихъ. Богъ тебѣ дастъ здоровья! Матъ нашимъ головушкамъ: приходитъ домишки покидать. Помилуй насъ бѣдныхъ, Христа ради и Пречистой Богородицы.

По этому дѣлу императрица приказала отослать прошеніе въ Сенатъ, который опредѣленіемъ 23 Марта 1793 года постановилъ: „Предписать „Тамбовскому Намѣстническому Правленію и тамошнему правителю намѣ„стничества обо всемъ, доносимомъ крестьянами, учинить изслѣдованіе и „съ виновными поступить по законамъ". Сверхъ сего составленъ былъ списокъ чиновъ Тамбовскаго намѣстничества, упоминаемыхъ въ прошеніи, о которыхъ были собраны свѣдѣнія, особенно подробныя о губернскомъ прокурорѣ Хвощинскомъ, директорѣ экономіи Аничковѣ и совѣтникѣ Намѣстническаго Правленія Савостьяновѣ и поднесенъ на высочайшее усмотрѣніе. Дальнѣйшаго хода этаго дѣла не видно; находится только отмѣтка слѣдующаго содержанія: „приказать изволила, чтобы постараться перемѣстить сіи чины въ другія мѣста".

Выписано изъ дѣлъ производства генералъ-прокурора 1794 года № связки 301, стр. 1188—1195, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, во 2-мъ отдѣленіи. Выписку сію директоръ Московскаго Архива Министерства Юстиціи, Петръ Ивановичь Ивановъ представлялъ графу Д. Н. Блудову, какъ особенную замѣчательность, найденную имъ во ввѣренномъ ему архивѣ.

(*Сообщено И. С. Аксаковымъ*).

---

*) Графъ Аркадій Ивановичь Марковъ. *П. Б.*

**) Т. е. поставщикамъ на войско. *П. Б.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ 1876 ГОДА

(ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ).

ВЪ СОСТАВЪ РУССКАГО АРХИВА ВХОДЯТЪ:

ПИСЬМА, БУМАГИ, ВОСПОМИНАНІЯ И ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ РУССКОЙ МЫСЛИ И РУССКОЙ ЖИЗНИ. — СТАТЬИ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ ВООБЩЕ.—КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ, НЕКРОЛОГИ, КНИЖНЫЯ ВѢСТИ, ИСТОРИЧЕСКІЕ АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

РУССКІЙ АРХИВЪ ВЫХОДИТЪ ДВѢНАДЦАТЬЮ ТЕТРАДЯМИ ВЪ ГОДЪ, ПО МѢРѢ ОТПЕЧАТАНІЯ.

Тетради Русскаго Архива составятъ въ 1876 году

ТРИ БОЛЬШІЕ ТОМА

каждый съ особымъ указателемъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1876 года, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ.

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1876 году доставляютъ или высылаютъ эти **восемь** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля* (*близъ церкви Св. Θеодора Студита*), *издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеневу*. Кромѣ того подписка на Русскій Архивъ принимается на Страстномъ бульварѣ, въ книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева*.

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается въ книжномъ магазинѣ *А. Θ. Базунова*, на Невскомъ проспектѣ.

Въ тѣхъ же мѣстахъ можно получать полныя изданія Русскаго Архива 1871, 1872, 1873 и 1874 годовъ, по двѣ большія книги въ каждомъ году (Содержаніе см. на оборотѣ).

Прежніе годы Русскаго Архива (т. е. 1863 — 1870) можно получать въ С.-Петербургѣ, на Апраксина дворѣ, у книгопродавца Ваганóва.

Заграничные подписчики къ вышеозначеннымъ цѣнамъ прибавляютъ за годъ: для Германіи и Бельгіи—**2** р., для Франціи и Англіи—**3** р., для Швейцаріи и Италіи **2** р. **50** к.

Составитель и издатель Русскаго Архива **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ.**